

ISSN 0869-4427

Отечественные
АРХИВЫ

4

2005

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Факультет подготовки, переподготовки и повышения квалификации
«Архивная школа»

«Архивная школа» имеет лицензию и аккредитацию в рамках Российского государственного гуманитарного университета на ведение всех видов образовательной деятельности. Обучение в «Архивной школе» предназначено для повышения профессиональных знаний в области делопроизводства и архивного дела:

- второе высшее образование по специальностям:

020800 «Историко-архивоведение», квалификация – «историк-архивист»;

350800 «Документоведение и документационное обеспечение управления», квалификация – «документовед», специализация «Документовед – специалист по документированию деятельности кадровой службы». Срок обучения – 3 года.

- среднее профессиональное образование по специальности

0611 «Документационное обеспечение управления и архивоведение», квалификация – «специалист по документационному обеспечению управления и архивист». Срок обучения – 2,5 года.

- курсы повышения квалификации

для работников делопроизводственных, кадровых, банковских и архивных служб.

***Формы обучения:** очная, очно-заочная, заочная,
дистанционная и группы выходного дня*

Оказываем содействие в трудоустройстве выпускников

Адрес факультета: Россия, 103012, г. Москва,
ул. Никольская, д. 15 (для «Архивной школы»);
Телефон/факс: (095) 928-92-21.
E-mail: arhschool@yandex.ru
<http://rsuh.ru>, <http://iai.rsuh.ru>

Проезд:
м. «Площадь Революции»,
«Театральная», «Лубянка»
ул. Никольская, 15,
кабинет № 3

Отечественные АРХИВЫ

4
2005

научно-
практический
журнал

Издается с 1923 года. Выходит один раз в два месяца.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

История и практика архивного дела

- Т.Ф. Павлова.** Документы федеральных архивов по истории Второй мировой войны: рассекречивание и использование в научных исследованиях и документальных публикациях 3
- Л.С. Ласочко.** Документальные потери курских архивов в годы Великой Отечественной войны 10
- Е.А. Белоедова.** Госархив Саратовской области в 1941–1945 гг. 15
- А.Н. Артизов, С.Д. Мякушев.** Сохранение и использование документов по личному составу: прошлое, настоящее, будущее 20
- О.И. Иванова.** Вяземский муниципальный архив: слагаемые успеха 29

Архивы Церкви

- Е.В. Старостин.** Архивное наследие Русской православной церкви: пути изучения и развития 31
- А.В. Меньшиков.** Из истории архивов Византийской церкви X–XV вв. . 38
- В.А. Гуркин.** Судьба симбирского собрания К.И. Невоструева 48

В фондах российских архивов

- С.П. Синельников.** Церковно-приходские летописи конца XIX – начала XX в. в Госархиве Волгоградской области 58
- И.И. Юрганова.** Документы по истории Русской православной церкви в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) 70
- В.А. Волчек.** Журналы заседаний II Сибирского комитета как источник по истории винокурения в Сибири в середине XIX в. 74
- К.А. Степанов.** Ленинградские дети на Ростовской земле в годы Великой Отечественной войны (по документам РФ ГАЯО) 82

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

60-летию Победы посвящается

- «Нужно выдержать и возродить архив...» Из воспоминаний начальника ГАОРСС Ленинграда Е.Н. Сусловой. Публикацию подготовила **Л.С. Георгиевская** 88

* * *

- «Я слагаю с себя звание и профессию служителя религиозного культа...» Биография иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) по документам российских архивов. Публикацию подготовила **С.Н. Романова** 100
- «Вести русскую массу к политической коммуне нужно через религиозную общину». Письмо иеромонаха Илиодора В.И. Ленину. Публикацию подготовили **Е.В. Булюлина, И.В. Гарскова** 115

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

Е.Н. Антипова, Л.Е. Антонова (Самара), И.О. Гарькуша (Санкт-Петербург), Т.Д. Бологова (Улан-Удэ), Э.Г. Чупрова (Сыктывкар), Т.А. Бондаренко (Кызыл), С.В. Финонченко (Благовещенск), И.В. Полушина (Нижний Новгород), О.К. Кавцевич (Новосибирск), Л.М. Фетисова (Орел), В.Г. Светлаков (Пермь). Архивы – юбилею Победы	120
Л.А. Кобелькова. «Периодическая печать российской эмиграции: историко-ведение, историография, библиография. 1920–2000»	130
Т.И. Бондарева. Строится федеральное архивохранилище	131
<i>Юбилеи</i>	
И.И. Юрганова. Архивисты – к 135-летию образования Якутской епархии	131
Т.А. Морева. К 60-летию создания партархива Калужского обкома КПСС	132
В.Г. Иофе. Центральному государственному архиву кинофотофонодокументов Республики Узбекистан – 30 лет	133
З.И. Булгакова. Самарскому областному государственному архиву документов по личному составу – 5 лет	134
* * *	
В.А. Всеволодов (Москва), Л.А. Кобелькова (Москва), Т.П. Богданова (Улан-Удэ), Г.А. Будник (Иваново). Вышли в свет	135
С.Р. Ткачева (Астрахань), Л.М. Пурас , Л.М. Сичева (Краснодар). Новые поступления региональных архивов	138
А.А. Денисова. Конкурс «Мое село – моя деревня»	140
Наши авторы	141

Главный редактор Т.И. БОНДАРЕВА

Редакционная коллегия

В.И. АДАМУШКО, А.Н. АРТИЗОВ, В.Д. БАНАСЮКЕВИЧ, Е.М. БУРОВА, В.К. ВИНОГРАДОВ, Т.М. ГОРЯЕВА, И.Н. КИСЕЛЕВ, Л.А. КОБЕЛЬКОВА (зам. главного редактора), **В.М. ОСИН** (редактор отдела), **Т.Ф. ПАВЛОВА, Е.В. СТАРОСТИН, Е.А. ТЮРИНА, В.Н. ШЕПЕЛЕВ, С.О. ШМИДТ**

История и практика архивного дела

Благодаря юбилею Победы историография обогатилась новыми исследованиями. Достойное место заняли среди них как сборники документов, подготовленные на основе рассекреченных документов, так и работы, посвященные архивному делу и архивам в 1940–1945 гг.

Т.Ф. Павлова

**Документы федеральных архивов по истории
Второй мировой войны: рассекречивание
и использование в научных исследованиях
и документальных публикациях***

Источниковая база исторических исследований, посвященных Второй мировой войне, значительно обогатилась в последние годы за счет рассекреченных архивных документов¹.

Первостепенное значение в этом процессе имело открытие в 1992 г. документов бывшего «Особого архива» (позднее ЦХИДК, а ныне РГВА), созданного в марте 1946 г. для хранения, в первую очередь, немецких трофейных, а также конфискованных фашистами во время оккупации европейских государств и обнаруженных Советской армией на территориях Германии и Чехословакии документов. В числе наиболее важных для изучения истории Второй мировой войны документных комплексов архива – фонды Главного управления имперской безопасности, Управления государственной тайной полиции, Национал-социалистической рабочей партии Германии, Военного министерства, министерств по делам оккупированных восточных областей, экономики, авиации, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, просвещения и пропаганды, имперской канцелярии, личной канцелярии Адольфа Гитлера, Генерального штаба германской армии, оперативного штаба рейхслайтера Розенберга². Полнота их фондов весьма различна: о деятельности одних организаций имеются тысячи архивных дел, о других – сохра-

* В основе статьи – доклад на конференции «Единство фронта и тыла в разгроме фашизма, в завоевании Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (по документальным источникам)» (Москва, 21–22 апреля 2005 г.).

нились только следы. В конце войны многие трофейные документы после предварительного перевода на русский язык и оформления в установленном порядке передавались для использования советской частью обвинения на Нюрнбергском процессе. С 1992 по 2000 г. с трофейными документами работали более 2 тыс. российских и зарубежных исследователей из 26 стран мира.

Изучение истории Великой Отечественной войны невозможно без привлечения документов Государственного комитета обороны (ГКО), образованного 30 июня 1941 г. и ликвидированного 4 сентября 1945 г. За время своего существования ГКО принял 9971 постановление и распоряжение, определившие решение вопросов мобилизации народного хозяйства на нужды фронта, перевод предприятий на выпуск военной продукции, разработку новых видов военной техники и др. ГКО контролировал производство металла, топлива, электроэнергии, налаживал работу транспорта, оперативно руководил эвакуацией, а затем и реэвакуацией, занимался вопросами формирования новых воинских частей и соединений Красной армии, назначением руководящих кадров на фронте и в тылу и др. За крайне редким исключением постановления ГКО не подлежали публикации, на них стояли грифы «Совершенно секретно» или «Особой важности». Рассекречивание этого значительного массива документов по копиям, хранящимся в РЦХИДНИ (ныне РГАСПИ), первоначально провела Комиссия по рассекречиванию документов, созданных КПСС. Позднее в РЦХИДНИ поступили подлинные документы ГКО из Архива Президента Российской Федерации, и таким образом сформировался полноценный документный комплекс. К настоящему времени Межведомственная комиссия (МВК) по защите государственной тайны организовала рассекречивание полного комплекта документов ГКО, в результате чего своим решением от 25 февраля 2004 г. перевела на открытое хранение 2935 документов в полном объеме и три – частично; не рассекречено 98 документов. Документы ГКО активно используются в исследованиях по военной истории³. К настоящему времени Институтом военной истории Минобороны России совместно с РГАСПИ подготовлен к печати сборник документов о деятельности ГКО.

Важное значение для исследователей имеют рассекреченные МВК по защите государственной тайны постановления Правительства СССР за 1931–1945 гг., хранившиеся ранее в архивах Президента и Правительства Российской Федерации, а ныне в основном переданные в ГАРФ. Эти документы были направлены на усиление обороноспособности страны в преддверии войны, создание укрепрайонов, развитие противовоздушной и противохимической обороны, мобилизационную подготовку транспорта, определение порядка финансирования оборонных мероприятий, строительство новых заводов авиационной и военной промышленности, разработку и снабжение армии новым оружием и др. Повышенный интерес представляют постановления периода войны, отражающие особые условия функционирования народного хозяйства в военный период, и меры, предпринимаемые правительством в заключительный период войны, по организации военных администраций и союзнических комиссий на освобождаемых территориях, вывозу и учету трофейного оборудования и имущества, демобилизации военнослужащих, возвращению в СССР военнопленных и интернированных и др. Названные постановления, а также рассекреченные документы Комитета обо-

роны СССР, Госплана, наркоматов оборонных отраслей промышленности позволяют на принципиально новой источниковой базе осуществить комплексное исследование истории создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР в готовящемся в рамках реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» 6-томном документальном издании⁴.

В соответствии с поручением Президента Б.Н. Ельцина от 11 апреля 1998 г. МВК по защите государственной тайны провела масштабную работу по рассекречиванию документов Архива Президента Российской Федерации, связанных с жизнью и деятельностью И.В. Сталина. Инициатива в данном вопросе исходила от председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий А.Н. Яковлева и предполагала использование этих документов для подготовки к изданию серии сборников документов о Сталине. В результате деятельности МВК по защите государственной тайны в 1998 г. было рассекречено 1445 дел. В 1999 г. рассекреченная часть фонда Сталина поступила в РГАСПИ, в котором и ранее хранились документы Сталина. Еще до передачи фонда в РГАСПИ некоторые наиболее значимые документы периода Великой Отечественной войны были опубликованы, в основном в виде тематических документальных подборок, в журналах «История СССР», «Вопросы истории», «Исторический архив», «Вестник Архива Президента Российской Федерации». В их числе записи переговоров Сталина по прямому проводу с командующими фронтами и воинских соединений С.К. Тимошенко, Г.К. Жуковым, М. П. Кирпоносом, бесед Сталина с Черчиллем, Иденом и де Голлем, журналы записей лиц, принятых Сталиным, в том числе накануне и в первые дни войны.

Существенное приращение знаний о механизмах принятия государственных решений, выработке направлений международной политики СССР в предвоенный период и в годы войны дают рассекреченные МВК по защите государственной тайны в 2002–2005 гг. документы фондов А.А. Жданова, В.М. Молотова, А.И. Микояна, Постоянной комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК КПСС, Секретариата Г. Димитрова, хранящиеся в РГАСПИ.

Для изучения истории Великой Отечественной войны, и прежде всего деятельности органов НКВД СССР в военный и послевоенный периоды, важны документы, хранящиеся в ГАРФ. В начале 1990-х гг. архив организовал рассекречивание документов фондов НКВД представителями МВД России, что позволило оперативно подготовить и издать ряд уникальных по своей информационной значимости каталогов документов⁵. Особенностью этих справочно-информационных изданий является подокументное описание всех, в том числе и не рассекреченных до настоящего времени документов фондов НКВД – МВД СССР. Ценность документов, включенных в «особые папки», состоит в том, что они содержат сведения обо всех сохранившихся в фонде в виде отпусков и заверенных копий секретных документах отчетно-информационного характера, которые поступали на имя партийно-государственного руководства по линии НКВД – МВД СССР.

Рассекреченные документы военного периода характеризуют общественно-политическую и криминогенную обстановку в отдельных регионах страны, деятельность органов НКВД по очистке тылов Красной армии от немецких диверсантов и остатков военных формирований, о борьбе с на-

ционалистическим подпольем (ОУН – УПА) на территориях, освобожденных от врага, о задержании, аресте и интернировании видных военных и государственных деятелей воюющих стран, перевозке и обустройстве военнопленных, результатах допросов фашистских преступников и военнопленных, деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров, об организации возвращения на Родину угнанных немцами граждан и др. Рассекречивание «особых папок» Сталина и Молотова позволило ввести в научный оборот оперативные документы, которые отличаются объективностью в освещении событий, издать ряд документальных сборников по ранее не исследованным темам⁶.

К указанному выше комплексу документов примыкают рассекреченные МВД России архивные документы РГВА, созданные в деятельности Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД – МВД СССР и учреждений его системы. Их изучение позволило исследовать проблемы плена, создать современные поисковые системы более чем на 1,5 млн иностранных военнопленных и интернированных периода Второй мировой войны, реализовать ряд исследовательских проектов, выпустить фундаментальные издания⁷; довести до стадии завершения сборник документов «Отчеты региональных органов УПВИ – ГУПВИ НКВД – МВД СССР. 1941–1962 гг.» и ряд других работ. Документы НКВД – МВД СССР, хранящиеся в ГАРФ, легли в основу подготовленного архивом совместно с «Мемориалом» г. Канн (Франция) и изданного в 2001 г. на французском языке сборника «Французские военнопленные в СССР. 1943–1955 гг.».

К сожалению, до настоящего времени не все документы РГВА по данной проблеме рассекречены, что создает питательную почву для фальсификаций, прежде всего в вопросах о численности военнопленных различных национальностей, находившихся в советском плену, а также об умерших или погибших военнопленных. Тем не менее в 2004 г. в связи с подготовкой к печати сборника документов о венгерских военнопленных, предпринятой Росархивом, РГВА, Госархивом Венгрии, Институтом политической истории Венгрии и Архивным институтом культурного, научного и информационного центра Венгрии в Москве, были рассекречены документы ГУПВИ о содержании венгерских военнопленных в лагерях, что в немалой степени позволило ответить на ряд дискуссионных вопросов, связанных с уточнением числа находившихся в советском плену венгерских военнопленных и их дальнейшими судьбами⁸.

Экспертные комиссии Минобороны России, Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации в начале нового столетия провели масштабную работу по рассекречиванию значительного комплекса документов РГВА за предвоенный период, прежде всего о военных действиях на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, о советско-финляндской войне. Рассекреченные документы о деятельности НКО СССР, его главных управлений, а также военных округов в предвоенный период играют важную роль в изучении боеспособности Красной армии и отдельных родов войск, политико-морального состояния боевых частей накануне войны, развития оборонных отраслей промышленности, строительства укрепрайонов и др. Были рассекречены документы управления 4-го Украинского фронта за 1944–1945 гг., касающиеся в основ-

ном вопросов взаимоотношений командования фронта и отдельных воинских частей с Правительством Чехословакии, местными органами власти, связанные с восстановлением управления на освобожденных территориях, организацией снабжения населения продуктами питания, а также с вопросами пополнения личного состава 1-го Чехословацкого корпуса, разведывательные и оперативные сводки Разведуправления Красной армии, штабов Белорусского, Северо-Западного фронтов по 1941 г.

Рассекреченные центральной экспертной комиссией Минобороны России документы управления делами НКО СССР за 1938–1940 гг. вошли в изданный Институтом военной истории Минобороны России совместно с РГВА сборник документов⁹, который наряду с другими публикациями документов предвоенного периода позволяет комплексно исследовать проблемы, связанные со строительством армии и укреплением обороноспособности страны.

Рассекречивание документов о малых войнах и военных операциях предвоенного периода (Халхин-Гол, оз. Хасан, КВЖД, советско-финляндская война) обеспечило подготовку ряда сборников документов и исторических исследований¹⁰. Самостоятельное значение имеет подготовленный РГАСПИ и опубликованный в сборнике «Зимняя война: работа над ошибками...» перечень вопросов организации, численности, кадров и вооружения Красной армии, рассмотренных на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1940 – июне 1941 г.

Оккупация Германии странами-победительницами – одна из фундаментальных проблем мировой истории второй половины XX в. Документы зон оккупации, кроме советской, стали доступны исследователям уже давно, их копии были переданы немецкой стороне и длительное время изучаются западными историками, в первую очередь немецкими. Документы фондов Советской военной администрации Германии (СВАГ), не имеющие грифов секретности, были открыты для исследователей в начале 1990-х гг. Вместе с тем наиболее важные для изучения документные комплексы оставались на секретном хранении в ГАРФ, РГАСПИ и ЦАМО Минобороны России.

Росархиву, чтобы получить полномочия по организации рассекречивания документов фондов СВАГ, потребовалось распоряжение Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 30 сентября 1995 г. (в соответствии с ним была разработана Программа изучения и издания документов СВАГ, хранящихся в федеральных государственных и ведомственных архивах РФ) и решение МВК по защите государственной тайны от 31 августа 1998 г. «О порядке рассекречивания документов фонда СВАГ 1941–1949 гг.». В состав сформированной Росархивом комиссии вошли представители Минобороны России, МИД России, МВД России, СВР России, ФАПСИ и ФСБ России. В результате проделанной работы были рассекречены в полном объеме как не содержащие сведений, составляющих государственную тайну, 6384 дела из фондов СВАГ, хранящихся в ГАРФ и РГАСПИ, а также частично 645 дел (94 % от общего объема). К настоящему времени, в соответствии с проектом комплексной разработки фондов СВАГ, изданы подготовленные ГАРФ и Федеральным архивом Германии каталоги дел фондов центрального аппарата СВАГ в двух частях, а также управлений Советской военной администрации в провинциях и федеральных землях, других советских организаций в Германии, Союзного контроль-

ного совета – органа Союзной контрольной власти, Координационного комитета и ряда директоратов¹¹. В каталоги вошли описания не только полностью и частично рассекреченных дел, но и номера дел, не рассекреченных до настоящего времени. Издание окажет существенную помощь пользователям в научном освоении этого документного комплекса. В конечном итоге введение в научный оборот документов СВАГ позволит ликвидировать отставание в научных исследованиях периода советской оккупации Германии и предыстории создания ГДР от аналогичных исследований по истории других оккупационных режимов на территории послевоенной Германии, а также расширит возможности для проведения исследований отечественными историками. К настоящему времени издан ряд документальных сборников¹², завершена подготовка сборника «СВАГ и формирование административных органов в Германии. 1945–1949 гг.».

Рассекреченные документы российских архивов дали возможность составителям 4-й книги научного труда «Мировые войны XX века», посвященной Второй мировой войне, показать действия Советского государства по укреплению обороноспособности страны накануне войны, мотивы принятия решений на высшем государственном уровне, причины поражения Красной армии в 1941 г., истоки перелома в Великой Отечественной войне, дипломатические маневры стран-союзниц и др.¹³ В числе впервые публикуемых в этом сборнике документов – постановления ЦО СССР предвоенного периода, записки наркома обороны в Политбюро ЦК ВКП(б), информации наркома внутренних дел наркому обороны о положении в Прибалтийских республиках в июне 1940 г., агентурные донесения Разведуправления Красной армии, документы Главного совета РККА с анализом событий на оз. Хасан, сведения о численности репрессированных командиров Красной армии, донесения советских военных атташе конца 1930-х гг. (РГВА), сообщения наркома внутренних дел в ГКО и Генштаб Красной армии и лично И.В. Сталину о деятельности германской агентуры и националистического подполья (ГАРФ). Использование рассекреченных в последние годы документов ЦК ВКП(б), фондов И. В. Сталина и В. М. Молотова, содержащих многоаспектную информацию, позволило российским ученым исследовать малоизученные и проблемные вопросы истории Второй мировой войны¹⁴.

Рассекреченные МВК по защите государственной тайны по инициативе РГАНИ материалы (в основном постановления Секретариата ЦК КПСС и Президиума ЦК КПСС с приложениями за 1943–1991 гг.) позволили архиву подготовить и издать к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне документальный сборник о сооружении мемориального комплекса Победы на Поклонной горе в Москве. Сохраненные при публикации документов грифы секретности на документах партийных органов по такой, казалось бы, несекретной проблеме еще раз свидетельствуют о существовавшей порочной практике сокрытия от общественности партийных решений по важнейшим вопросам жизни страны, в том числе увековечения памяти о Великой Победе.

В целях информирования архивов и представителей научных учреждений о результатах рассекречивания документов федеральных архивов в 1998–2004 гг. Росархивом было подготовлено и издано ограниченным тиражом 6 выпусков специальных бюллетеней (в последний, 6-й выпуск, вклю-

чены описания документов ГКО, рассекреченных в 2004 г.). Размещенная в них информация дает представление как об объемах рассекреченных документов, так и о конкретных документах на основе изучения заголовков тематических перечней. Информация бюллетеней регулярно размещается на сайте «Архивы России».

Таким образом, рассекреченные архивные документы федеральных государственных архивов в совокупности с документами военных архивов Минобороны России, архивов МИД России, ФСБ России, СВР России позволили значительно расширить источниковую базу исторических исследований и способствовали развитию отечественной и зарубежной историографии Второй мировой войны.

¹ Подробнее см.: *Золотарев В.А.* Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 8–9.

² См.: Указатель фондов иностранного происхождения и Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР Российского государственного военного архива. М., 2001.

³ См.: Москва военная. 1941–1945 гг.: Мемуары и архивные документы. М., 1995; Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М., 2001; и др. С использованием документов ГКО и Сталинградского городского комитета обороны подготовлен и издан сборник «Сталинградский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы» (Волгоград, 2003).

⁴ Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917 гг.). М., 2004. Т. 1; готовится к изданию: Т. 2 – Советское военно-промышленное производство. 1918–1926 гг.; Т. 3. – Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1932 гг.

⁵ Архив новейшей истории России: Т. 1. «Особая папка» И.В. Сталина: Из материалов Секретариата НКВД – МВД СССР 1944–1953 гг. М., 1994; Т. 2. «Особая папка» В.М. Молотова: Из материалов Секретариата НКВД – МВД СССР 1944–1956 гг. М., 1994; Т. 5. Приказы НКВД СССР 1934–1941 гг. Новосибирск, 1999.

⁶ НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (По «Особым папкам» Сталина). М., 1994; Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. М.,

1998; Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1, 2.

⁷ Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг.: Документы и материалы. М., 2000; Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954: Документы и материалы. Волгоград, 2003; Отчеты Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941–1952 гг. М., 2004.

⁸ См.: Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. М., 2005.

⁹ Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004.

¹⁰ Зимняя война 1939–1940. Книга первая. И.В. Сталин и финская кампания. Политическая история. М., 1998; Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания: Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1999; Материалы конференции по Хасану и Халхин-Голу. Военный конфликт в районе оз. Хасан: взгляд через десятилетия: Сборник материалов научно-практической конференции. М., 2003; Зимняя война: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.): Материалы комиссии Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004.

¹¹ Фонды Советской военной администрации в Германии в Государственном архиве Российской Федерации. Часть 1. Каталог дел фонда Советской военной администрации в Германии (Р-7317). 1945–1953 гг. М., 2004; Часть 2. Каталог дел фондов управлений Советской военной администрации в провинциях и федеральных землях, других

советских организаций в Германии и Контрольного совета Союзной контрольной власти. 1945–1953 гг. М., 2004.

¹² Деятельность Советской военной администрации (СВАГ) по демилитаризации советской зоны оккупации Германии. 1945–1949 гг. М., 2004; Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии. 1945–1949 гг. По материалам центрального аппарата

СВАГ и документам управлений СВА провинций и земель Советской зоны оккупации Германии. М., 2004.

¹³ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы. М., 2002.

¹⁴ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы и комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004; См.: Рец. Ю.В. Рубцова в журнале «Вопросы истории». 2005. № 1. С. 165–168.

Л.С. Ласочко

Документальные потери курских архивов в годы Великой Отечественной войны

К началу войны в Курской области существовали областной государственный и 66 районных архивов, а также архивы учреждений, организаций и предприятий. Руководил ими архивный отдел УНКВД по Курской области. Тогда в архивах насчитывалось 7553 фонда (991 049 ед. хр.) и 139 779 кг¹ документов в россыпи за 1680–1941 гг., в том числе в областном архиве – 4902 фонда (851 125 дел)².

С первого дня войны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. на территории области было объявлено военное положение, а с 23 июня приказом по Курскому гарнизону для учреждений, организаций и предприятий установлен режим работы в условиях военного времени.

В августе 1941 г. обком ВКП(б) и облисполком разработали план мероприятий по подготовке и проведению эвакуации предприятий, учреждений³, один из пунктов которого касался архивов. Он предусматривал просмотр архивов всех учреждений, предприятий и организаций, отбор наиболее ценных документов и передачу их вышестоящим областным структурам, а также уничтожение маловажных материалов⁴. Первоочередной эвакуации подлежали архивы западных районов области: Михайловского, Верхне-Любавского, Фатежского, Дмитриевского, Коньшевского, Хомутовского, Львовского, Крупецкого, Рьльского, Кореневского и Глушковского⁵.

21 августа 1941 г. начальник УНКВД по Курской области в адрес руководства названных районных отделов НКВД направил директивное указание о подготовке документов к эвакуации⁶, согласно которому все имевшиеся в распоряжении райотделов НКВД документы подразделялись на три группы. Прежде всего была выделена категория документов, подлежа-

ших отправке нарочным в УНКВД. Сюда вошли агентурные разработки, учетные, прекращенные и приостановленные следственные, личные дела отбывающих принудительные работы, журналы учета агентурной сети, книги учета выдачи паспортов. В этой же группе оказались книги учета дел многодетных матерей.

Уничтожению «путем сожжения» подлежали все без исключения приказы, циркуляры, переписка по делопроизводству, рабочие дела агентурно-осведомительной сети, картотеки и адресные листки, статотчеты по ЗАГСу, справки на выданные паспорта, личные дела многодетных матерей, а также архивные документы с 1917 г. В отношении последних делалась оговорка – «при необходимости уничтожить».

Временно для оперативной работы оставлялись списки агентурно-разведывательной сети, картотеки и личные дела отбывающих наказание в местах лишения свободы, дела по финансовым операциям в тюрьмах и колониях. В случае эвакуации эти документы следовало доставить в УНКВД.

Вскоре в адрес исполкома Курского облсовета депутатов трудящихся стали приходиться письма с мест с просьбой разъяснить, как поступать с теми или иными документами. Так, Прохоровский райисполком 2 сентября 1941 г. запрашивал, что делать с документами секретного делопроизводства за 1927–1940 гг.⁷, Воловский – «подлежат ли уничтожению архивные материалы 1928–1932 гг., в частности, списки репрессированных хозяйств, материалы по изъятию и реализации кулацкого имущества и доведению твердого задания»⁸. Из Рыльского 1 сентября 1941 г. интересовались, «как быть с протоколами исполкомов, сессий райсовета, горсовета и сельсоветов, актами на вечное пользование землей, земельными шнуровыми книгами, планами землепользования»⁹. При этом сообщали об уничтожении списков колхозного и городского актива, анкет и личных листков по учету кадров. Чаще всего возникали вопросы относительно документов по выборам в Верховный Совет СССР, РСФСР и местные Советы, в том числе протоколов голосования, где указаны фамилии всех членов комиссии.

Одновременно с запросами в облисполком поступали сведения об уничтожении документов. В письме Конышевского райисполкома 28 августа 1941 г. сообщалось об уничтожении личных листков по учету кадров работников райисполкома, председателей и секретарей сельских советов, протоколов заседаний райисполкома¹⁰. Председатель Мантуровского райисполкома 27 августа 1941 г. сообщал, что «анкеты, листки по учету кадров, протоколы исполкома облсовета за 1936–1940 гг. уничтожены»¹¹.

10 сентября 1941 г. в райотделы НКВД направлено директивное указание, в котором отмечалось, что в отдельных районах, где начальники райотделов «ударилась в панику, были уничтожены все архивные материалы, находившиеся в райархивах, без достаточных к тому сложившихся обстоятельств в этих районах»¹². Принимая во внимание создавшуюся обстановку, каждый руководитель райотдела обязан был по телефону получить разрешение на уничтожение документов непосредственно от начальника УНКВД области или его помощника и только после этого отдать соответствующее распоряжение. Уничтожение документов без достаточных оснований грозило ревтрибуналом.

19 сентября 1941 г. в райисполкомы разослали письмо за подписью председателя исполкома Курского облсовета депутатов трудящихся

В.В. Волчкова, в котором дополнительно разъяснялся порядок хранения отдельных видов документов. Говорилось, в частности, о необходимости «сохранить и обеспечить дальнейшее надлежащее хранение» всей документации по выборам в Верховные Советы СССР, РСФСР, местные Советы депутатов трудящихся. Исключение составляли избирательные бюллетени – они подлежали уничтожению. Требовалось принять все меры к сохранению шнуровых книг колхозов и государственных актов на вечное пользование земель. Эти документы подлежали первоочередной эвакуации¹³. Массовая эвакуация государственного имущества, материальных и культурных ценностей развернулась во второй половине сентября 1941 г. Местом пребывания областных руководящих организаций после оставления Курска стал г. Старый Оскол¹⁴.

Сохранившиеся в архивном фонде Курского облисполкома докладные записки, акты, составленные в 1942 и начале 1944 г., рисуют картину утраты архивных документов, раскрывают причины их гибели. К началу эвакуации самими архивистами были уничтожены хранившиеся в районных архивах документы. В 40 из 66 райархивов области полностью были сожжены документы 1928–1937 гг. Вот некоторые примеры: в Рыльском райархиве уничтожены документы 152 фондов (8 тыс. дел; в одном из документов приводится другая цифра – 8773 дела), Стрелецком – 320 фондов (4200 дел и 3 т документов в россыпи), Старооскольском – 37 фондов (5800 дел), Суджанском – документы за 1923–1937 гг. (3370 дел), Большесолдатском – 3 тыс. дел¹⁵, Золотухинском – 26 фондов (21 тыс. дел)¹⁶, Львовском – 79 фондов (24 351 дело)¹⁷. Подобные сведения можно привести по каждому району.

Не лучшим образом обстояли дела с документами 1935–1941 гг., оставшимися на ведомственном хранении: они были уничтожены сотрудниками или погибли во время эвакуации. В докладе начальника отдела Госархива УНКВД по Курской области И.С. Чистякова в ноябре 1943 г. сообщалось, что из 17 областных учреждений «полностью погибли документы облздравотдела, облторготдела, облкоопинсоюза, облиздательства, редакций областных газет "Курская правда" и "Молодая гвардия"»¹⁸. Прокурор Курской области 29 марта 1944 г. информировал архивный отдел о том, что «архив облпрокуратуры уничтожен путем сожжения»¹⁹. В конце октября 1941 г. уничтожено 52 223 дела²⁰ в Курской государственной нотариальной конторе – «все документы имели важное значение и не должны были попасть в руки врага». В ходе эвакуации на ст. Мармыжи и реэвакуации в 1943 г. сожжены довоенные документы архива Курского отделения железной дороги им. Ф.Э. Дзержинского.

Ввиду стремительно развивавшихся военных действий удалось вывезти лишь незначительную часть учреждений и документов: 348 архивных фондов (92 812 дел и 2662 кг документов в россыпи)²¹. Среди них – материалы облисполкома, облплана, финансовых органов (облфо, облконторы Промбанка, Госбанка, облуправления гострудсберкасс, Пристенского райфо), облсуда, облуправления юстиции, биофабрики, спиртотреста, облторга. Ко второй половине июня 1942 г. сложилась тяжелая обстановка в южной части области; к 12 июля 1942 г. фашистские войска захватили территорию 19 восточных и юго-восточных районов. В связи с этим обком ВКП(б) и облисполком совместно с военным командованием приняли меры к срочной

эвакуации ценностей, в том числе архивов, из Старого Оскола, где располагались областные учреждения и организации. В итоге документы, вывезенные из Курска в Старый Оскол и уцелевшие в 1941 г., были утрачены в ходе повторной эвакуации.

Документы облстатуправления за 1934–1941 гг., перемещенные в 1941 г. из Курска в глубь страны, в апреле 1942 г. были возвращены в Старый Оскол. Повторно эвакуировать архив до захвата города фашистами в июле 1942 г. не удалось. Так, в докладе председателя облисполкома В.В. Волчкова на заседании бюро обкома ВКП(б) 25 июля 1942 г. в с. Пески Воронежской области отмечалось, что «материалы облстатуправления вывезти не удалось, они закопаны в г. Старый Оскол», в «архиве находились статматериалы по всем отраслям народного хозяйства, отобранные для длительного хранения. Вес утраченных материалов составлял около 3 тонн»²².

Неудачной была попытка эвакуировать документы областной конторы Торгбанка. Работники, пытавшиеся их вынести, попали в плен. Безвестно пропали и документы, оставленные в Старом Осколе²³. Материалы облфинотдела вывезли из Старого Оскола, однако из-за повреждения машины в пути их и документы Курского областного управления сберкасс пришлось зарыть во дворе Копанищенской школы Коротоякского района Воронежской области²⁴, хотя и «без достаточных оснований, так как этот населенный пункт не занимался немцами и была возможность организовать вывоз документов». От попадания авиабомбы в Шаталовском районе погибли документы областного отдела соцобеспечения. Правда, наиболее важные документы и пенсионные дела не пострадали: в 1941 г. их вывезли в г. Уральск²⁵. В г. Острогжске Воронежской области 3 июля вследствие возникших пожаров от взрыва авиабомб сгорели почти все документы областной конторы Госбанка, 31 районной сберкассы, а материалы районных отделений Госбанка были сброшены в реку при отступлении наших войск из с. Репьевка. При переправе через Дон 6 июля 1942 г. сгорел архив облкоопинсоюза²⁶, эвакуированный в 1941 г. из Курска в полном объеме. На правом берегу Дона погибли документы областного земельного отдела²⁷.

Говоря об утрате архивов, нельзя не отметить, что документы, отправленные в восточные районы страны (Уфу, Уральск), уцелели, вернулись в Курск и поступили в 1944 г. на хранение в облгосархив.

В оккупированном фашистами Курске облархив оставался действующим учреждением. К этому времени часть его документов (органов исполнительной власти, милиции, промышленных предприятий и др.) – 232 фонда (16 229 ед. хр.) – была эвакуирована в Уфу²⁸. Вывезены весь научно-справочный аппарат архива, документы отдела секретных фондов. Основной же массив документов остался на месте. В период оккупации города заведующим архивом был Л.Н. Позняков, в его подчинении находились четыре архивно-технических работника. Предварительные итоги ущерба, причиненного областному архиву за время оккупации, были подведены в 1943–1944 гг., но они весьма противоречивы. Наиболее достоверные сведения содержатся в акте от 31 октября 1944 г.²⁹, к которому приложен список фондов, книг, газет научно-справочной библиотеки архива, «разграбленных и увезенных в Германию немецко-фашистскими войсками».

Среди утраченных можно назвать фонды Курского сиротского суда (8 дел за 1775–1918 гг.), Щигровского уездного рекрутского присутствия

(14 дел за 1831–1879 гг.), Успенской единоверческой церкви (274 дела с 1812 г.), Николаевской церкви при Курской мужской гимназии (49 дел за 1842 г.), документы о борьбе с бандитизмом в 1920-е гг., проведения коллективизации, изъятия церковных ценностей³⁰, а также метрические книги церквей и дела по рассмотрению жалоб «лишенцев», представлявшие для оккупационных властей особый интерес. Всего же областной архив потерял 3426 ед. хр. за 1721–1938 гг. из 274 фондов. Изъято 208 книг и журналов из библиотеки архива. Были они уничтожены или вывезены оккупантами, достоверно установить не удалось. В одном из экземпляров описей фондов, «разграбленных и увезенных в Германию», имеется пометка, что «разграбление и уничтожение имущества и документальных материалов производилось войсковым управлением № 206 и венгерскими солдатами при коменданте генерал-майоре Марселе»³¹.

В 1944 г. пытались подсчитать потери, понесенные архивами области, но единой цифры не получили. Если даже принять во внимание, что к началу войны в архивах хранилось 7553 фонда, а после освобождения области от оккупантов осталось 4975, то ущерб составляет не менее 65 % довоенного объема фондов и свыше 80 % документов и дел. Наибольший урон нанесен районным и ведомственным архивам, полностью утратившим документы довоенного периода.

Несмотря на огромный ущерб, причиненный архивам, нельзя считать, что документы были брошены на произвол судьбы. Вопросы сохранности архивов решались по возможности оперативно. Но обстоятельства, вызванные стремительным наступлением фашистов, не позволили в полной мере осуществить эвакуацию документов, что привело к их значительной утрате.

¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 226. Л. 3.

² Там же. Д. 230. Л. 16.

³ Там же. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 82. Л. 17–19.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 180. Л. 4–4 об.

⁷ Там же. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 83. Л. 4, 10.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Там же. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 180. Л. 11.

¹³ Там же. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 83. Л. 1, 2.

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ Там же. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 233. Л. 2; Д. 208. Л. 29, 39 об., 55, 88, 150.

¹⁶ Там же. Д. 232. Л. 144.

¹⁷ Там же. Д. 229. Л. 21.

¹⁸ Там же. Д. 208. Л. 39 об.

¹⁹ Там же. Д. 229. Л. 337.

²⁰ Там же. Л. 349.

²¹ Там же. Д. 228. Л. 3.

²² Там же. Д. 229. Л. 128.

²³ Там же. Л. 351.

²⁴ Там же. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 107. Л. 11, 59, 60.

²⁵ Там же. Л. 11, 13, 40, 42; Д. 109. Л. 29, 36.

²⁶ Там же. Д. 109. Л. 37.

²⁷ Там же. Л. 45 об.

²⁸ Там же. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 230. Л. 16.

²⁹ Там же. Д. 208. Л. 44.

³⁰ Там же. Д. 230. Л. 16–22 об.

³¹ Там же. Л. 17; Д. 231. Л. 4.

Госархив Саратовской области в 1941–1945 гг.

Главный вопрос, стоявший перед архивистами во время войны, – обеспечение сохранности документов. Многие архивы продолжали выполнять функции источников информации, основы для исследовательской работы, действуя по-своему, согласно сложившимся условиям. Поэтому опыт каждого из них уникален. Были свои особенности и у Госархива Саратовской области (ГАСО), которые пока не нашли специального освещения в архивоведческой литературе¹. Попытаемся восполнить этот пробел в отечественной историографии, опираясь на отложившиеся в делопроизводстве ГАСО документы: разнообразные планы, отчеты, паспорта архивных учреждений, акты их обследования за 1939–1945 гг.

Основная часть документов архива погибла вместе с другими фондами во время пожара в августе 1974 г. Однако по сохранившимся документам можно судить о том, что постановление СНК № 723 от 29 марта 1941 г. об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и сети госархивов Саратовской области и циркуляр ГАУ НКВД СССР «О порядке и реорганизации республиканских, краевых и областных архивов» от 7 апреля 1941 г. не были выполнены в срок. Соответственно этим документам предполагалось образовать Государственный архив Саратовской области с филиалами в городах Балашове, Вольске, Пугачеве, а с 15 октября 1941 г. в г. Энгельсе с оставлением сети районных архивов².

Однако до 1944 г. в Саратове продолжали действовать исторический, Октябрьской революции и секретный госархивы. Фактически образование на их базе областного архива с филиалами в вышеуказанных городах и сетью районных архивов произошло 1 февраля 1944 г.³ (Формально ГАСО существовал с 1936 г. со времени образования Саратовской области. Его фонды включали документы Саратовской ученой архивной комиссии, которые в 1919 г. послужили основой исторического архива и архива Октябрьской революции.)

В начале 1940-х гг. госархивы области занимали по объему одно из ведущих мест среди региональных архивов страны: их фонды охватывали период с начала XVIII до середины XX в. Отдельные документные комплексы дореволюционной эпохи отражали исторические события за пределами Саратовской губернии. Так, фонды Саратовского губернского жандармского управления, охранного и судебного отделений, судебной палаты касались истории Астраханской, Кировской, Куйбышевской и других областей, Татарской АССР, Казахской ССР⁴.

Материалы Государственного исторического архива сложились в результате деятельности учреждений и организаций, находившихся на территории бывшей Саратовской губернии в основном до середины 1918 г.⁵ В Государственном секретном архиве были представлены документы охранки, жандармерии с 1832 по 1917 г., а также советского периода о деятельности учреждений, предприятий, трестов, торговых, кооперативных организаций, секретная переписка⁶. Госархив Октябрьской революции хранил документы губернских, уездных, городских организаций г. Саратова и бывшей Саратовской

губернии с 1917 по 1939 г.⁷ В библиотеке числились книги не только по истории края, но и полученные от управления Рязано-Уральской железной дороги (преимущественно технического содержания), местные и иногородние газеты (в том числе сталинградские, астраханские), афиши, карты, чертежи⁸.

Были в госархивах области и документы личного происхождения, например саратовского губернатора М.Н. Галкина-Враского, гласного Саратовской городской думы И.Я. Славина, помещиков Устиновых, Пустошкиных, Шахматовых, ученого-архивиста Н.В. Калачова и др.

Накануне войны архивисты были заняты, главным образом, работой по учету и упорядочению архивных фондов. К тому времени в облгосархивах имелось значительное количество неучтенных фондов (т.е. сведения о которых не были внесены в учетную документацию архива). Так, к началу января 1940 г. в историческом архиве насчитывалось 856 фондов, но учтено из них на 1 января 1941 г. только 104⁹. В тот год администрация намечала коренным образом перестроить работу по обработке архивных материалов, полностью завершить их учет¹⁰, как того требовала внешнеполитическая обстановка. Во избежание пропажи из архива какой-либо документации государственной важности предстояло учесть все находившиеся на хранении документы. Директор исторического архива Савинов писал по этому поводу: «Задача сотрудников исторического архива сделать в 1941 г. абсолютнейший перелом в работе, покончить с неизвестностью фондов – взять все на учет. Объем работы велик, но этого достичь можно и нужно. Сотрудники архива план на 1941 г. не только выполнят, но и перевыполнят»¹¹. Однако война поставила перед архивистами иные задачи.

Прежде всего следовало подготовить документы к эвакуации. События уже начавшейся Второй мировой войны показали, что германская армия на оккупированных территориях западно-европейских стран непременно стремилась захватить или уничтожить архивы. Документальные материалы могли погибнуть от налетов вражеской авиации, диверсионных актов, пожаров.

Непосредственно на территории Саратовской области военные действия не велись, но в период битвы на Волге она входила в зону оперативного тыла Сталинградского фронта, а с 9 сентября 1942 г. состояла на военном положении¹². Тогда для обеспечения сохранности наиболее ценных документов их переместили с верхних этажей хранилищ в более безопасное подвальное помещение¹³. Эта мера предпринималась для предотвращения их возможной гибели от пожара в случае бомбежки. Кроме того, в 1942 г. часть документов госархива эвакуировали в г. Шадринск Челябинской области. Вывезли фонды секретного архива в полном составе (50 тыс. ед. хр.), исторического архива (36 092 ед. хр.) и печатные издания (подлинные листовки, прокламации партийных организаций дореволюционного периода, отдельные книги и журналы, имеющие научно-справочное значение по разнообразным вопросам истории Саратовской области)¹⁴. В Шадринске они находились до 1944 г.¹⁵

Правда, в период реэвакуации документов секретного архива проверку наличия провели не сразу, поэтому иногда требуемое не удавалось найти. Ящики, в которых они могли находиться, оказывались пустыми¹⁶. Вероятно, это не было следствием кражи документов. Судя по реакции вышестоящих органов (не провели поиск пропажи, никого не наказали, хотя в те времена за исчезновение ценных архивных документов, тем более секрет-

ных, сотрудников отдела могли приговорить к расстрелу), они были просто ими изъяты.

Кроме работы по сохранению документов архивисты привлекались к строительству оборонительных рубежей, ставшему в годы войны одним из основных видов деятельности для всех учреждений и предприятий. Мобилизация в ряды РККА еще больше обострила кадровые проблемы архивов. В силу этих причин необработанные фонды не удалось упорядочить.

И все же, несмотря на трудности, Саратовский областной архив продолжал пополняться. Причем характер его комплектования отражал особенности военного времени. Так, в связи с ликвидацией Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья в конце 1941 г. в ведение архивного отдела УНКВД по Саратовской области перешел архивный отдел бывшей АССРНП¹⁷. Были приняты на хранение эвакуированные материалы государственных архивов Вилейской и Черновицкой областей¹⁸, Куриловского района Саратовской области¹⁹.

В секретный фонд поступали документы секретных частей предприятий, Приволжского исправительно-трудового лагеря²⁰. В 1942 г. архив Октябрьской революции принял на временное хранение группу фондов, подлежащих затем отправке в военные архивы Москвы и Куйбышева²¹. Да и УГА НКВД СССР находилось во время войны в г. Энгельсе, расположенном на левом берегу Волги напротив Саратова²². Из районов Саратовской области документы не принимались, так как отсутствовали свободные площади в хранилищах вплоть до 1946 г. (за исключением Куриловского района).

В 1943 г. ситуация с размещением документов настолько осложнилась, что часто они занимали проходы между стеллажами. Из-за перегруженности обострился вопрос с эвакуацией ведомственных архивов, нередко сопровождавшейся их уничтожением. Виновные привлекались к уголовной ответственности²³. В обязанности инспектора архива входило обследование рынков и торговых точек с целью выявления расхищенных материалов²⁴. Кроме того, циркулярами № 247 от 1942 г. и № 352 от 21 августа 1942 г. запрещалось уничтожение документов, образовавшихся в период Великой Отечественной войны²⁵. Для предотвращения гибели документов важного научного, культурного, оперативного и другого значения в ГАСО 10 октября 1944 г. была создана экспертно-поверочная комиссия²⁶.

Архивные учреждения области пытались передать так называемые непрофильные фонды (содержание или происхождение которых не связано с территорией Саратовской области) в другие архивы. Например, в 1944 г. намечалась передача документов в Сталинградский госархив из отдела исторических фондов. Однако по разным причинам (отсутствие финансов, нехватка специалистов, которые могли бы подготовить документы к отправке, проблемы с транспортом, невозможность обеспечить безопасность перемещения документов и др.) фонды из ГАСО в другие архивы переданы не были.

Задания органов государственной власти и управления всегда составляли немалую часть деятельности облархива, а в период войны в особенности. В связи с массовыми чистками кадров организаций архивы получили указания высших партийно-правительственных инстанций сосредоточиться на выявлении материалов, компрометирующих советских граждан. Для этого ГАУ НКВД СССР была разработана специальная инструкция, утвержденная еще 21 сентября 1939 г.²⁷ Выявленные сведения подлежали немедлен-

ной передаче органам внутренних дел для организации розыска. Следует отметить, что выявление документов о шпионах и провокаторах проводилось в саратовских архивных учреждениях весьма активно, хотя вышестоящие органы не были довольны ее результатами. Так, невыполнение подобной работы стало одной из причин увольнения начальника архивного отдела Д.Л. Линьковой²⁸.

Архивные справки в годы войны выдавались лишь по запросам специальных организаций. Тем не менее на протяжении всех военных лет не прекращал свою работу читальный зал областного архива, несмотря на то что число посетителей по сравнению с довоенным периодом заметно сократилось. К примеру, в 1942 г. читальный зал посетили всего 24 человека, в 1945 г. – вдвое больше²⁹. Тематика научных исследований в основном носила патриотический и историко-революционный характер: «Оборона Царицына», «Строительство Советской власти в Саратовской губернии»³⁰. По мере удаления военных действий от Саратовской области возникла потребность в восстановлении ее хозяйства. Уже в 1945 г. в архиве появились новые виды деятельности. Тогда Геолого-разведочный трест подал заявку на выявление документов, содержащих результаты довоенных геологических изысканий. Филиалы госархива получили задание по выявлению данных о поиске, разведке и эксплуатации забытых и заброшенных месторождений полезных ископаемых³¹. Это было важно не только для Саратовской области, но и для всей страны, так как после нанесенного врагом ущерба экономическим регионам Советского Союза именно Саратовская область стала одним из основных поставщиков необходимых ресурсов (газа, нефти).

Насущной проблемой военного периода оставалась неукомплектованность штата архива из-за низкой заработной платы и тяжелых условий труда. Научный сотрудник получал в среднем 350–450 руб., а архивно-технический работник – 180–250 руб., в то время как литр молока стоил 32 руб., килограмм свинины – 250 руб., а топленого масла – 500 руб³². Ставка заведующего районным архивом была настолько низка (129 руб.), что подбором кадров на данную должность вообще не занимались. Эта работа выполнялась по совместительству, в результате чего архивная деятельность в районах по существу была заброшена³³. Многие сотрудники архива, чтобы как-то прокормить семью, уходили работать на завод, где была выше зарплата и выдавался продовольственный паек, другие эвакуировались. Оставшимся пришлось трудиться в тяжелейших условиях: в хранилищах не было ни света, ни тепла. Некоторые помещения на зиму законсервировали.

Кадровый голод заставил руководство ГАСО в начале 1945 г. принять срочные меры. В плане работы архивного отдела УНКВД по Саратовской области на 1945 г. намечались мероприятия по укреплению материально-бытового положения сотрудников, в том числе приобретение обуви, одежды, улучшение питания³⁴. Документы, однако, свидетельствуют, что они остались нереализованными. Так, в годовом отчете архивного отдела УНКВД по Саратовской области за 1945 г. его сотрудница Соколенко, обследовавшая архивы действующих организаций, писала: «План своей работы я выполнила на 100 %... но большим препятствием в моей работе является то обстоятельство, что у меня нет обуви, а та, которая есть, быстро изнашивается, а пополнение взять негде, поэтому я много времени просидела в отделе»³⁵.

Немалые трудности были вызваны отсутствием специального здания для размещения фондов архива. К началу войны госархивы Саратова занимали четыре здания в разных частях города: на Приютской (ныне ул. Комсомольская) и Первомайской улицах³⁶ – архив Октябрьской революции³⁷, на ул. Ленина – архивный отдел, секретный архив, библиотека с читальным залом на 40 посадочных мест, на ул. Коммунарной – исторический архив³⁸. Практически ни одно из помещений не было оборудовано по своему прямому назначению, что часто приводило к порче, а порой и гибели документов.

В военные годы существенных изменений в занимаемых помещениях не произошло, за исключением того, что архивохранилище с ул. Коммунарной переместили на ул. Ленина. Там размещались документы отдела дореволюционных фондов, секретного архива, читальный зал, книгоохранилище, а также архивный отдел³⁹. Здесь архив находился до 1981 г.

В связи с войной в тылу оставались в основном женщины и дети, поэтому учреждения очень плохо охранялись. В некоторых помещениях архива охрана вовсе отсутствовала, в других – должность сторожа занимали люди пожилого возраста. Были случаи поджогов и проникновения в помещения уличных хулиганов⁴⁰.

Необходимость в расширении архивохранилищ заставляла руководство архивных учреждений ходатайствовать перед органами власти о принятии решений, которые сегодня могут показаться абсурдными. Так, согласно плану работы на I и II кварталы 1945 г., архивный отдел УНКВД по Саратовской области просил изъять под хранилище здание областного музея краеведения, однако эта просьба была отклонена⁴¹.

Таким образом, годы Великой Отечественной войны стали для ГАСО тяжелейшим испытанием. Перед архивистами стояла задача не только сохранить существующие материалы, но и собрать документы военного времени. И, как показало время, архивисты справились с этим, невзирая на все трудности и тяготы военного времени. К 1946 г. учет фондов был проведен на 66 %, научно-техническая обработка – на 75 % от общего объема фондов. В 1945 г. приняли на хранение 111 фондов, из них 21 195 ед. хр. периода Великой Отечественной войны⁴².

¹ Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960; Максаков В.В. Архивы и архивное дело СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы архивоведения. 1961. № 2. С. 3–13; Он же. История и организация архивного дела в СССР. М., 1969.

² До 1989 г. документы Энгельского филиала считались материалами ограниченного доступа, поэтому информация о них отсутствует в «Кратком справочнике-списке фондов Государственного архива Саратовской области и его филиалов в городах Балакове, Балашове, Вольске и Пугачеве» 1984 г.; Государственный архив Саратовской области (далее –

ГАСО). Ф. Р-3187. Оп. 1. Предисловие.

³ Там же. Дело фонда. Л. 30.

⁴ Там же. Д. 47. Л. 3 об.

⁵ Там же. Д. 12. Л. 4.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Д. 22. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 20. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Энциклопедия Саратовского края. Саратов, 2002. С. 287.

¹³ ГАСО. Ф. Р-3187. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об.

¹⁴ Там же. Л. 9 об.

¹⁵ Там же. Д. 47. Л. 4 об.

¹⁶ Там же. Д. 59. Л. 27.

- 17 Там же. Д. 27. Л. 1.
 18 Там же. Д. 29. Л. 5; Вилейская область входила в состав Белорусской ССР, Черновицкая – Украинской ССР. См.: Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т. 5. С. 57; Т. 29. С. 90.
 19 ГАСО. Ф. Р-3187. Оп. 2. Д. 60. Л. 2.
 20 Там же. Л. 13.
 21 Там же. Д. 29. Л. 5.
 22 *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР... С. 386.
 23 ГАСО. Ф. Р-3187. Оп. 1 «а». Д. 17. Л. 15 об.
 24 Там же. Д. 16. Л. 8.
 25 Там же. Д. 19. Л. 9.
 26 Там же. Д. 59. Л. 30.
 27 *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 20.
 28 ГАСО. Ф. Р-3187. Оп. 2. Д. 46. Л. 5.
 29 Там же. Д. 30. Л. 4; Д. 65. Л. 7.
 30 Там же. Д. 60. Л. 9.
 31 Там же. Д. 54. Л. 8.
 32 Там же. Д. 27. Л. 6; Ф. Р-3724. Оп. 1. Д. 413. Л. 9.
 33 Там же. Ф. Р-3187. Оп. 2. Д. 27. Л. 6.
 34 Там же. Д. 54. Л. 3.
 35 Там же. Д. 59. Л. 29 об.
 36 Там же. Д. 27. Л. 3 об.
 37 Там же.
 38 Там же.
 39 Там же. Д. 48. Л. 2.
 40 Там же. Д. 36. Л. 2.
 41 Там же. Д. 59. Л. 31 об.
 42 Там же. Д. 65. Л. 6.

**А.Н. Артизов,
С.Д. Мякушев**

Сохранение и использование документов по личному составу: прошлое, настоящее, будущее

Рассматривая документы по личному составу как комплекс определенных их видов и разновидностей, фиксирующих при этом трудовую (служебную) деятельность человека, российские архивисты традиционно включали в этот комплекс приказы по личному составу, личные дела, учетные карточки, бухгалтерские лицевые счета¹. С середины 50-х гг. прошлого века, когда в СССР началось массовое назначение государственных пенсий, необходимая для этого информация черпалась прежде всего именно из названных документов. Не будет преувеличением сказать, что каждодневное использование документов по личному составу в архивах всех уровней определяет социальную значимость работы архивистов и, говоря шире, обуславливает одну из важнейших потребностей общества в архивах.

Разумеется, в ряде случаев (при восстановлении трудового стажа, подтверждении фактов участия в боевых действиях, установлении судеб людей) архивисты привлекают иные виды архивных документов, содержащих информацию о конкретном человеке. Уже к концу 1990-х гг. всю эту совокупность, безусловно, имеющую в своей основе документы по личному составу, стали именовать «документами, содержащими персональные данные»². Иными словами, термин «документы, содержащие персональные данные» шире дефиниции «документы по личному составу». Ниже мы специально остановимся на иных категориях документов, которые, помимо документов по личному составу, могут относиться к комплексу документов, содержащих персональные данные.

Среди архивистов всегда существовало глубокое понимание ценности документов по личному составу и, шире, документов, содержащих персональные данные, как незаменимого исторического источника, который, потеряв свою практическую социальную ценность, сохраняет ценность научную, историко-культурную, рассказывая о человеке, его жизни и месте в истории.

В отечественной историографии есть периоды, когда она была почти полностью обезличенной. Возможно, благодаря такому негативному опыту ценность сохраненной архивистами «персональной» источниковой базы для истории еще более важна. Особенно ярко проявляется это сейчас, когда российские ученые вслед за зарубежными коллегами обращаются к социальной истории, неразрывно связанной с людьми, их трудами и заботами, праздниками и бытом – словом, самой настоящей «обыденной» жизнью человека и общества³.

Есть и более локальная, узкая история, где объектом исследования является личность, семья, род, разрабатывать которую без использования документов по личному составу сложно. Когда-то генеалогия изучала прошлое лишь привилегированного сословия. Теперь с каждым годом в российских архивах расширяется генеалогический поиск сведений об обычных, ничем не знаменитых людях. Можно уверенно прогнозировать (по примеру британского Public Record Office, где количество подобных запросов приближается к 80 %), что число таких пользователей будет возрастать и у нас.

И хотя при научном использовании документов по личному составу имеется немало проблем, в целом данное направление деятельности архивных учреждений особого беспокойства не вызывает. Гораздо больше забот доставляет практическое привлечение этих документов в интересах защиты социальных прав граждан.

Есть несколько весьма существенных факторов, оказывающих влияние на хранителей и пользователей документов. Во-первых, по многим причинам совокупность содержащих персональные данные документов сложилась в России в мозаичном, очень дробном виде, и сегодня ни архивисты, ни историки преодолеть эту распыленность не в силах. Объективно присущая любой раздробленной источниковой базе нехватка или ограниченность сведений заставляла пользователей всемерно расширять рамки поиска. А это ведет к отсутствию четких границ совокупности документов, содержащих персональные данные.

Во-вторых, в последние десятилетия отчетливо проявилось стремление к защите информации, особенно персональной. Это связано не только с начавшейся в России информационной революцией, появлением широких

возможностей как для законных, так и нелегальных операций с крупными блоками информации, включая, конечно, и персонифицированную, но и с резким социальным расслоением нашего общества, с сопутствующей ему криминализацией отношений и естественным стремлением максимально ограничить доступ к информации о себе, родных и близких, своей работе и доходах. Наконец, надо иметь в виду и правовую непроработанность вопросов доступа к персональной информации. В силу этого любую «информацию, позволяющую идентифицировать личность»⁴, стали рассматривать как конфиденциальную. Ведь еще 20–30 лет назад конфиденциальной, как правило, считалась информация, содержащаяся в медицинской документации и документах личного происхождения, а ко всем прочим источникам с данными о личности доступ ограничивался по иным соображениям.

Принятый 20 февраля 1995 г. Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации», введя понятие «персональные данные», эквивалентное понятию «информация о гражданах», провозгласил: «Персональные данные относятся к категории конфиденциальной информации»⁵.

Между тем в рамках понятия «документы, содержащие персональные данные» мы вольно или невольно, но объединяем три достаточно разных документных макромассива, хранящихся в государственных и муниципальных архивах, а также в текущем делопроизводстве организаций. Первый – это общегражданская, военная (или военизированная) и партийная системы кадрового документирования со своими выработанными десятилетиями практического применения правилами. При отдельных отличиях их объединяет единообразный способ документирования трудового (служебного, воинского, партийного) пути гражданина на протяжении его трудовой деятельности или пребывания в партии и обязательный интерес к биографическим сведениям вообще. Существенная часть документов этих систем напрямую относится к Архивному фонду Российской Федерации, но значительно большие их объемы подлежат экспертизе ценности по истечении сроков временного хранения. Осуществление такого отбора – большая научно-методическая проблема, поскольку набор его критериев нуждается в уточнении.

Второй массив – это столь же грандиозные системы документирования отдельных сторон жизни человека и общества: записи актов гражданского состояния, похозяйственные, домовые книги, документы БТИ, пенсионное делопроизводство, материалы переписей населения, судебно-следственные дела, регистрационные реестры предпринимателей и т.п. Им присущи прежде всего тотальный охват всего населения или же очень крупных социальных или возрастных групп, распространенность по всей территории страны. В последнее время для них характерно сочетание электронных носителей информации с бумажным делопроизводством, например, система персонифицированного учета граждан в Пенсионном фонде Российской Федерации (ПФР). В этом макромассиве велика доля документов, длительное время находящихся в текущем делопроизводстве. Некоторые из них, такие как записи актов гражданского состояния, федеральным законом в полном объеме отнесены к составу Архивного фонда Российской Федерации, но сто лет должны храниться в органах ЗАГС⁶. По другим документным массивам (например, документы БТИ) ясности с целесообразностью их приема на вечное хранение пока нет.

Третий макро массив – управленческая документация. В ней неизбежно присутствуют «персональные данные», прочно связанные с общим информационным полем документа. В самом деле, как из протокола заседания какого-то выборного органа выделить сведения о вновь избранном его члене? Как отделить пункт о назначении или взыскании от текста приказа? Конечно, все эти события в жизни человека должны фиксироваться в учетно-кадровой документации, но она далеко не всегда сохранялась, а значит, управленческая документация становится в таких случаях единственным источником «персональных данных». Какие-то подсистемы управленческой документации, например наградное делопроизводство, почти целиком состоят из них, какие-то – лишь фрагментарно освещают трудовую или общественную деятельность человека.

По-видимому, мы находимся пока у истоков формирования правового поля, в пределах которого будут осуществляться накопление, хранение и использование информации о персоналиях. Время покажет, насколько обоснованными оказались законотворческие подходы начала 1990-х гг. к такой информации, а ретроспективные персональные данные поддаются правовому регулированию.

Все сказанное свидетельствует о том, что в рамках гигантской документной совокупности, содержащей эти данные, объективно существует невероятное разнообразие видов документов, условий их бытования в делопроизводстве, принципов хранения, возможностей доступа к ним и использования. Все это обилие создает различные проблемы (научно-методические, юридические и финансово-материальные) и вовсе не гарантирует надежную сохранность «персональных данных» ни на стадии делопроизводства, ни в архиве организации.

Массовое разгосударствление, непрерывные реорганизации управленческих и производственных структур, развал прежней системы кадрового делопроизводства и документирования трудовой деятельности привели к тому, что не только архивисты, но и управленцы утратили информационный и практический контроль над многими содержащими персональные данные массивами документации. При этом востребованность некоторых из них резко колеблется. Наглядным примером являются личные счета работников. В первой половине 1990-х гг., когда заработок работника при назначении ему пенсии перестал быть значимым фактором, их кое-где перестали вести. А ныне эти документы оказались сверхвостребованными.

Более того, появилась массовая потребность в содержащих персональные данные, но никогда ранее не поступавших на долговременное архивное хранение источниках. Это относится к документам, фиксировавшим трудовую деятельность конкретного работника во вредных условиях и служащим основанием для льготного начисления пенсии. Очень быстро выяснилось, что многие из них ранее на архивную полку вообще не поступали⁷. Аналогичная ситуация возникла при массовом обращении в архивы участников ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС: для подтверждения права на льготы им потребовались... командировочные удостоверения! Но ведь в Перечне типовых документов 1988 г. срок хранения для таковых вообще не устанавливался, а учетные документы и переписка о командировках внутри СССР имели трехлетний срок хранения⁸. Понятно, что положительных ответов на запросы граждан по упомянутым документам было немного. При-

чина этого очевидна – при установлении льгот разработчики соответствующих законов «забыли» согласовать свои предложения с Росархивом.

Есть, к сожалению, ошибки и упущения самих архивистов. Так, в Перечне типовых управленческих документов... (М., 2000) исчезла сделанная в совершенно иных условиях оговорка – «минус возраст» – для наиболее массового вида документации по личному составу – личных дел и других документов рядовых работников⁹. Утверждая данный нормативный документ, исходили из идеального представления о потребности в информации документов по личному составу: ее пик приходился на момент выхода гражданина на пенсию. Обращения к документам, содержащим персональные данные лиц 70–75-летнего возраста, раньше были единичными. С переходом же к начислению и перерасчету пенсий по зарплате прошлых лет оказалось, что людям, возраст которых перевалил за 75 лет, сделать это нельзя: их личные дела и лицевые счета уже были уничтожены в связи с истечением срока хранения. Восстановить же информацию, содержащуюся в лицевых счетах работников, практически невозможно.

Поэтому впредь при рассмотрении любых перечней документов следует изыскивать возможность увеличения сроков временного хранения документов, содержащих персональные данные. Надо отметить, что эта позиция находит понимание в тех федеральных органах исполнительной власти, в чьем ведении состоят такие массивы. Так, еще в 1994 г. Госналогслужба поддержала инициативу Росархива и подписала совместное письмо о лицевых счетах налогоплательщиков – физических и юридических лиц, в котором рекомендовалось территориальным подразделениям Государственной налоговой инспекции и архивным органам вопрос о целесообразности приема и сроках передачи этих документов на государственное хранение решать с учетом конкретной обстановки. В некоторых субъектах Российской Федерации для лицевых счетов налогоплательщиков – физических лиц был установлен такой же срок хранения, как и для документов по личному составу, – 75 лет.

Аналогичным образом рекомендовано поступить с бумажными документами, образующимися при ведении индивидуального (персонифицированного) учета в системе государственного пенсионного страхования (правда, это было сделано в устной форме на одном из совещаний в Пенсионном фонде, но его работники активно поддержали это предложение). Следует отметить, что в последние годы предложения об увеличении сроков хранения этих документов, установленных соответствующим перечнем ПФР, стали поступать и от архивных органов субъектов Российской Федерации.

Таким образом, нельзя не признать, что проблема сохранения документов, содержащих персональные данные, крайне обостренная социально-экономическими переменами последнего времени, все-таки решается. С физическим сохранением дело обстоит гораздо хуже.

Как известно, российские архивы к 1980-м гг. накопили достаточно богатый опыт централизованного хранения документов по личному составу на городском и районном уровнях. Главным в работе таких архивов, как бы они ни назывались – объединенные, межведомственные, «колхозно-совхозные» или иные, был хозрасчетный принцип их существования – небольшие предприятия, учреждения и организации, не имевшие возможности создать собственные архивы, могли за весьма умеренную сумму обеспечить хране-

ние своих документов. Во многих городах и районах полностью либо частично хозрасчетные хранилища функционировали в составе государственных архивов. Конечно, в их деятельности было немало трудностей (всегда острой оставалась проблема помещений), но функцию сохранения документов по личному составу небольших фондообразователей они в целом выполняли. Основная же масса архивных документов по личному составу продолжала храниться в архивах организаций – источников комплектования государственных архивов.

Однако уже на рубеже 1980–1990-х гг. стало ясно, что в условиях крупномасштабных социально-экономических преобразований сохранность документов по личному составу может оказаться под угрозой. Изменившие форму собственности предприятия и организации, ранее исправно оплачивавшие хранение своих документов в межведомственных архивах, теперь просто не имели на это средств. В результате участились случаи гибели документов, в первую очередь по личному составу. Архивисты забили тревогу: по инициативе Роскомархива Правительство Российской Федерации своим распоряжением от 23 апреля 1992 г. «Об обеспечении сохранности документов по личному составу» в целях обеспечения социальной и правовой защиты граждан, предотвращения утраты документов по личному составу, улучшения их хранения и использования рекомендовало органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации создавать архивы для хранения и использования таких документов. Через два года, 21 марта 1994 г., Правительство Российской Федерации приняло новое распоряжение «Об улучшении организации хранения документов по личному составу». Всем без исключения юридическим лицам рекомендовалось вносить в учредительные документы положения об обеспечении сохранности документов по личному составу, а органам исполнительной власти – регистрировать учредительные документы только при наличии указанных положений, т.е. заботу об этих документах предполагалось закладывать теперь в уставные акты новых структур.

В том же распоряжении правительства впервые была поставлена задача создания федерального центра хранения документов по личному составу, потому что в результате массовой ликвидации и реорганизации союзных и российских министерств и ведомств под угрозой гибели оказались теперь и документы по личному составу высших уровней управления государством. К сожалению, по причинам материального и финансового характера такого архива нет по сей день (образовано лишь специальное подразделение РГАЭ, занимающееся проблемами документов по личному составу союзных министерств), и Росархив продолжает работать в этом направлении.

В субъектах Российской Федерации создание государственных архивов документов по личному составу ведется активно. Сейчас их насчитывается 34, но распределены они по стране пока неравномерно. Выделяется в этом отношении Северо-Западный федеральный округ, где сейчас работают семь таких архивов. В муниципальных образованиях России доля специализированных архивов невелика – из 2156 муниципальных архивов таковыми являются только 244. Необходимость их существования в современных российских условиях не вызывает сомнения и доказывается самим фактом непрерывного роста числа таких архивов.

Однако из-за слабой материально-технической базы и нехватки денег возможности имеющихся архивов документов по личному составу ограничены. В последние годы ввиду отсутствия свободных площадей их комплектование повсюду осуществляется с трудом. Тем не менее и государственные, и муниципальные архивы пока принимают большие объемы документов. В 2004 г. архивные учреждения России приняли свыше 1 млн 420 тыс. дел управленческой документации, а документов по личному составу – более 3 млн 150 тыс. дел!

Впечатляющие цифры заметно тускнеют, если сравнить их с теми объемами документов, которые хранятся в организациях – источниках комплектования. По данным последней паспортизации, всего по России насчитывается 86,7 млн ед. хр. дел по личному составу, в том числе в источниках комплектования переполненных федеральных архивов – более 7 млн! При этом в описи внесено пока только менее 59 млн дел... Сколько неучтенных личных дел хранится в больших и малых организациях, не состоящих в списках источников комплектования, неизвестно.

Такие огромные объемы архивы никогда не смогут принять. Поэтому, наряду с наращиванием площадей архивохранилищ, надо добиваться повсеместного исполнения нормы части 9 ст. 23 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», предписывающей учредителям реорганизованных негосударственных организаций самостоятельно определять «условия и место дальнейшего хранения архивных документов».

Ситуация с использованием документов по личному составу тоже напряженная, поскольку львиную долю обращений к этим документам составляют запросы социально-правового характера. Согласно утвержденному 17 июня 2004 г. Правительством Российской Федерации Положению о Федеральном архивном агентстве, организация исполнения запросов российских и иностранных граждан, а также лиц без гражданства, отнесена к числу основных полномочий Росархива.

Задачи государственных органов, органов местного самоуправления, организаций по бесплатному предоставлению пользователям архивных справок или копий архивных документов, связанных с социальной защитой граждан, определены частью 3 ст. 26 вышеупомянутого федерального закона. Динамикой цифр, иллюстрирующей реализацию этой нормы, мы не располагаем, поскольку имеем дело лишь с фрагментом общей картины – никто в стране не знает, сколько социально-правовых запросов исполняют бесчисленные архивы организаций. Достаточно сказать, что за прошлый год в государственные архивы России поступило свыше 540 тыс. таких запросов, а в муниципальные – более 1 млн 850 тыс. По отчетным данным, исполнено свыше 2 млн 317 тыс. запросов, из них более 2 млн – с положительным результатом.

Сокращения социально-правовых запросов не ожидается. В этой связи главными путями оптимизации работы являются создание современных информационно-поисковых систем по документам по личному составу и улучшение взаимодействия с ПФР. Не секрет, что столь большое количество запросов в архивы объясняется откровенной перестраховкой некоторых работников отделений ПФР (они требуют подтверждения трудового стажа за 20–25 лет при наличии правильно оформленных трудовых книжек, нередко отказываются принимать от архивов официально заверенные в установлен-

ном порядке копии архивных документов, плохо ориентируются в системе награждения трудовыми знаками отличия в советский период, просят Москву подтвердить произведенные на местах награждения и т.д.).

Одной из острых проблем в последнее время стали отказы отделений ПФР принимать архивные справки организаций, хранящих документы своих предшественников, не являющихся их правопреемниками. В октябре 2004 г. Росархивом совместно с ПФР на места было направлено письмо «О принятии органами ПФР архивных справок и копий документов, выданных организациями». Оно позволило смягчить остроту проблемы: территориальные органы ПФР стали рассматривать выданные организациями архивные справки и копии документов при наличии в учредительных документах организаций положений об их ответственности за обеспечение сохранности документов по личному составу ликвидированных организаций, не имеющих правопреемников, и о выдаче гражданам архивных справок.

Изменения в законодательстве заставляют обратить внимание на приведение в соответствие с ним ведомственных нормативных и методических документов. В конце 2004 г. Росархивом разработаны Рекомендации по оформлению архивных справок социально-правового характера, выдаваемых архивными учреждениями Российской Федерации гражданам, которые, с учетом полученных от ПФР замечаний, направлены в уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области архивного дела. В апреле 2005 г. Росархив представил в установленном порядке в Минкультуры России проект Положения о порядке использования книг государственной регистрации актов гражданского состояния и метрических книг, переданных органами записи актов гражданского состояния в государственные архивы.

Действия Росархива исходят из того, что в ближайшей перспективе, по крайней мере – до середины XXI в., главной социальной функцией архивных учреждений страны по-прежнему останется обеспечение социальных прав граждан. Соответственно, не утратит свою остроту и проблема хранения документов по личному составу. Но необходимо добиваться ее снижения, стремясь прежде всего обеспечить дополнительными помещениями архивы всех уровней и изменить правовое сознание общества, в том числе по отношению к подобным документам.

Однако кардинально изменить ситуацию с обеспечением сохранности и использованием этих документов в интересах защиты социальных прав граждан может лишь полный переход к порядку подтверждения страхового стажа граждан по данным персонифицированного учета, внедряемого ПФР. Когда расчет пенсии будет производиться самим Пенсионным фондом по собственным данным, отпадет необходимость хранить всю ту безбрежную массу документов о заработках граждан, которая сегодня оседает в архивах, занимая дефицитные помещения и поглощая огромные деньги. Возможно, это произойдет не скоро, но нельзя исключать, что в процессе реформирования пенсионной системы в России позитивные (для архивной отрасли) перемены в ее документационном обеспечении могут произойти довольно оперативно, если пенсию станут начислять только по заработкам последних лет без применения коэффициентов.

Надо думать и над проблемой сохранения в течение длительного срока личных дел и учетных карточек работников. При назначении пенсии они

нужны прежде всего для подтверждения трудового стажа. Можно ли найти замену этим документам? Нельзя ли вообще отказаться от обязательного хранения личных дел и учетных карточек, если установить какой-то иной порядок исчисления трудового стажа? Эти вопросы также крайне непросты и требуют глубокой проработки и очень серьезного обсуждения.

¹ Существует длинное и небезупречное в деталях описание документов по личному составу, данное авторами известного учебного пособия: «Документы по личному составу представляют собой особую группу документов по вопросам учета, прохождения службы, обучения, оплаты труда, награждения, присвоения почетных званий и ученых степеней, аттестации и квалификации, пенсионного обеспечения и по другим вопросам, характеризующим служебные и правовые взаимоотношения отдельных лиц с учреждениями» (см.: Теория и практика архивного дела в СССР / Под ред. Ф.И. Долгих и К.И. Рудельсон. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980. С. 101). К сожалению, Государственный стандарт Российской Федерации Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» вообще не дает определения документам по личному составу, а в Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» (ст. 3, п. 3) для целей закона дефиниция «документы по личному составу» принята в самом узком виде: «архивные документы, отражающие трудовые отношения работника с работодателем» (понятно, что в реальности совокупность этих документов отражает множество других сторон жизни человека, а зачастую – и общества в целом). Поэтому, давая обобщенную характеристику предмету нашей статьи, мы исходим прежде всего из повседневной архивной практики.

² Этот термин, получивший широкое распространение, явился, по-видимому, производным от понятия «информация о гражданах (персональные данные)», использованного в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации».

³ Для удовлетворения потребностей в адекватной источниковой базе тех исследователей, которые обращаются к со-

циальной истории России, архивисты должны решить целый ряд проблем, связанных, в том числе, и с документами по личному составу (см.: *Мякушев С.Д.* Большая проблема «маленьких людей»: социальная история и архивы // Отечественные архивы. 2001. № 2. С. 12–16).

⁴ Веденная федеральным законом «Об информации, информатизации и защите информации», эта дефиниция, к сожалению, по сей день не имеет своего «нижнего предела», т.е. неясно, каков минимальный объем информации, позволяющий провести идентификацию личности.

⁵ Следует отметить, что ст. 11, п. 1 этого закона, где содержится приведенная норма, устанавливает также, что перечни собираемых персональных данных должны закрепляться специальными федеральными законами. Для архивистов в этом федеральном законе важнее другое: «документы, накапливаемые в открытых фондах библиотек и архивов» и необходимые для реализации прав граждан, запрещено относить к информации с ограниченным доступом (ст. 10, п. 3).

⁶ Такой необычный срок хранения книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг) в органах записи актов гражданского состояния установлен ст. 1, п. 8 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об актах гражданского состояния"» от 29 апреля 2002 г.

⁷ В Перечне типовых документов, образующихся в деятельности госкомитетов, министерств, ведомств и других учреждений, организаций, предприятий, с указанием сроков хранения (М., 1989) только для документов (актов, докладных записок, заключений) о сокращении рабочего дня в связи с вредными условиями труда был установлен постоянный срок хранения, причем только в ор-

ганизациях – источниках комплектования госархивов (ст. 449). Все остальные документы, касающиеся вредных условий труда, имели временные сроки хранения. Перечень типовых управленческих документов, образующихся в деятельности организаций, с указанием сроков хранения (М., 2000) учел изменившуюся ситуацию и расширил номенклатуру документов, отражающих трудовую деятельность работников на вредных производствах, увеличив сроки хране-

ния таких документов до 75 лет (см. ст. 305, 306); при этом, однако, упомянутые выше документы о сокращении рабочего дня получили вместо постоянного временный срок хранения – 5 лет с отметкой «ЭПК» (см. ст. 325).

⁸ См. Перечень типовых документов... Ст. 537, 538.

⁹ Сравните, соответственно, Перечень типовых документов... Ст. 498–500, 503–504, и Перечень типовых управленческих документов... Ст. 337–340.

О.И. Иванова

Вяземский муниципальный архив: слагаемые успеха

В 2004 г. отмечалось 65-летие организации архивного дела в Вяземском районе Хабаровского края. Эту дату сотрудники муниципального архива встретили трудовыми достижениями. По итогам смотра-конкурса обеспечения сохранности документов Архивного фонда края 2003 г. архивный отдел администрации Вяземского района занял второе место, а результаты его комплексной проверки Управлением по делам архивов Правительства Хабаровского края в 2004 г. подтвердили: архивный отдел – одно из передовых архивных учреждений края.

В основе его успешной работы – две составляющие: внимание администрации района к архивному делу и активная позиция начальника архивного отдела Т.С. Семиной.

Глава района ежегодно издает нормативные правовые акты по вопросам архивного дела. Так, в целях реализации постановления губернатора Хабаровского края от 22 апреля 2004 г. «О порядке формирования и обеспечения сохранности документов Архивного фонда Хабаровского края» им подписано постановление, направленное на сбережение архивных материалов на территории Вяземского района. Глава района утвердил перечень должностных лиц органов местного самоуправления, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, определенных соответствующим Кодексом Хабаровского края. В перечень включены начальник и главный специалист архивного отдела.

При организационно-методическом отделе администрации Вяземского района образован методический совет, в состав которого также входит начальник архивного отдела. В прошедшем году на его заседаниях рассмотрели четыре вопроса, касающихся обеспечения сохранности документов в организациях – источниках комплектования архива (Вяземской районной

больнице, отделах образования и статистики администрации района) и документов по личному составу в организациях списка № 2.

Начальник архивного отдела Т.С.Семина (в этой должности она с 1999 г.) добилась того, что на 1 января 2005 г. все 37 организаций списка № 1 имеют номенклатуры дел, согласованные ЭПМК Управления по делам архивов, и инструкции по делопроизводству, четыре – отдельные помещения для хранения документов. Сегодня они проводят описание документов постоянного хранения и по личному составу за 2002–2003 гг.

Кроме того, Т.С.Семина, проявляя творческий подход к делу, стремится донести документную информацию до максимального числа земляков. Ежегодно архив исполняет около 700 запросов социально-правового характера, из них не менее 97 % – с положительным результатом. Наиболее активной формой использования документов является подготовка публикаций в местную газету «Вяземские вести». За 1999–2004 гг. в ней помещены 21 статья об истории района, деятельности архивного отдела, обеспечении сохранности документов в организациях, а также архивные документы и фотографии. Статьи, подготовленные к 70-летию района, юбилейным датам его населенных пунктов, о судьбах участников Гражданской и Великой Отечественной войн вызывают чувство гордости своей малой Родиной и воспитывают патриотизм.

Этой цели отвечает также работа по сбору и описанию документов личного происхождения. В I квартале Т.С.Семина провела описание документов участника Великой Отечественной войны И.А. Краснокутского, воевавшего в партизанском отряде С.А. Ковпака. Продолжается составление описи музейных предметов: орденов и медалей периода Великой Отечественной войны. Сегодня в составе архивного отдела находится архивохранилище документов по личному составу.

В штате архивного отдела еще два человека: главный специалист, занимающийся документами по личному составу, и делопроизводитель. Здесь 5636 дел постоянного хранения (50 фондов) и 8300 дел по личному составу (107 фондов), принятых от ликвидированных организаций. Условия хранения документов хорошие. Благодаря поддержке администрации в 1999 г. архив переехал из деревянного здания в кирпичное. Архивохранилище располагается на 1-м этаже жилого дома, в помещении, занятом ранее детской библиотекой. Начальнику архивного отдела и главному специалисту выделены отдельные рабочие кабинеты (прежде они их не имели). В 2003 г. в архивном отделе был проведен текущий ремонт. Регулярно осуществляются замеры температуры и влажности воздуха в хранилищах, оборудованных охранно-пожарной сигнализацией, выведенной на пульт вневедомственной охраны. Проверки состояния сигнализации проводятся ежемесячно.

Архивное наследие Русской православной церкви: пути изучения и развития

Среди проблем, стоящих перед отечественным архивоведением, история и современное состояние архивов Русской православной церкви (РПЦ) является одной из самых первостепенных. По существу, почти столетие на этой теме лежало идеологическое табу, нарушать которое из светских историков мало кто осмеливался. Немногочисленные представители церковной науки также избегали ставить острые вопросы о судьбе своего документального историко-культурного наследия. Богатые традиции церковной исторической науки, в развитие которой внесли свой вклад археолог и митрополит Московский Платон (А.Г. Левшин), митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), председатель Археографической комиссии П.М. Строев, ректор Троицкой семинарии архиепископ Мефодий (Смирнов), архиепископ Черниговский Филарет (А.В. Гумилевский,) ректор Московской духовной академии археолог и историк А.В. Горский, историк А.Доброклонский, выдающийся исследователь истории Церкви Е.Е. Голубинский, митрополит Московский Макарий (А.И. Булгаков), профессора Московской и Санкт-Петербургской духовных академий А.П. Лебедев и В.В. Болотов, редактор Богословской энциклопедии историк Н.Н. Глубоковский и многие другие подвижники церковной науки, в начале XX в. были насильственно прерваны.

Авторы университетских книг по русской историографии – Н.Л. Рубинштейн, В.Е. Иллерицкий, Л.В. Черепнин, А.М. Сахаров и другие¹ предпочитали вообще не упоминать о произведениях даже выдающихся представителей историко-церковной науки. Что же говорить о малоизвестных археографам, архивистам, краеведам, выпускавшим в провинции на рубеже XIX – начала XX в. труды по описанию епархиальных, консисторских, монастырских, академических, семинарских, музейных и прочих древлехранилищ. Некоторые издания невозможно найти даже в столичных библиотечных собраниях, и сведения о них сохранились лишь в библиографии. В советскую эпоху к документам РПЦ в связи с изучением славянской письменности и литературы обращались В.А. Истрин, А.Н. Мещерский, А.С. Орлов, Б.А. Рыбаков, Т.В. Николаева, Д.С. Лихачев, Б.М. Клосс, О.В. Творогов, Б.Л. Фонкич, Н.В. Понырко, О.А. Державина, Л.А. Дмитриев, И.П. Еремин; феодального землевладения и землепользования – А.А. Зимин, И.А. Булыгин, В.И. Корещкий, Л.И. Ивина, В.Н. Автократов, С.И. Сметанина, А.И. Комиссаренко; отношений государства и церкви – В.И. Буганов, Я.Н. Щапов, И.А. Булыгин, С.С. Дмитриев, А.И. Комиссаренко; истории общественной мысли – Я.С. Лурье, Н.А. Казакова, А.И. Клибанов, И.У. Будовниц, Н.С. Демкова; церкви и революции – Б.Кандидов, Е.С. Осипова; или тогда, когда по идеологическим причинам нужно было показать русскую церковь в неприглядном виде, начиная с Н.К. Крупской, Е.М. Ярославского

(М.И. Губельмана), И.А. Крывелева, Ф.Федоренко и многих других. Представители РПЦ, по разным причинам оказавшиеся за рубежом (В.В. Зеньковский, Г.В. Флоровский и др.), вынуждены были пользоваться в своих исследованиях узким кругом исторических источников.

Закрытие, а нередко разрушение храмов, церквей, монастырей, конфискации казны, церковной утвари, икон, предметов для богослужения в 20–30-е, 50–60-е гг. прошлого века, искусственно насаждаемый атеизм (вспомним о пятилетках «сплошного безбожия»), национализация церковных архивов, которые немедленно ссылались в спецхраны, прервали становление сети церковных архивов, контуры которой отчетливо обозначились перед революцией. Целая область жизни российского общества была вычеркнута из официальной истории. Ее забвение создавало уродливую, искаженную картину русской жизни в прошлом, многие факты и события представлялись в кривом зеркале и теряли правильную перспективу. Восстановление истории складывания документального богатства РПЦ – важнейшего источника о жизни народов, населявших российскую территорию, представляется неотложной научной задачей.

Отсюда – цель, вставшая перед отечественным архивоведением и заключающаяся в изложении истории возникновения и развития церковных архивохранилищ, формирования их в более или менее устойчивую структуру, в анализе опубликованного материала по РПЦ, формулировании теоретических и практических принципов так называемого церковного архивоведения. Не меньшее значение будут иметь обозрение главнейших документальных комплексов, сохранившихся как в России, так и за рубежом, освещение потерь, которые понесла РПЦ на протяжении всей своей драматической истории и, в конечном счете, выработка рекомендаций по сохранению бесценного историко-культурного архивного достояния.

Историография архивов РПЦ настолько молода, что можно говорить только о ее первых шагах. Пока не появилось ни одной монографии, ни одного учебного пособия, ни одной сколь-нибудь обстоятельной статьи, в которых была бы предпринята попытка изложения общей истории развития церковных архивов и вклада историков в ее разработку. Такое наблюдение не исключает наличия десятков, а то и сотен научных трудов, описывающих те или иные крупные церковные документальные комплексы, сохранившиеся в светских архивохранилищах.

Чтобы обнаружить первые работы по собиранию и описанию церковных архивов и библиотек, необходимо вернуться ко времени зарождения отечественной археографии. Петр I, понимая важность сохранения исторической памяти для России, в 1720 г. подписал указ о собирании исторических документов, положив тем самым начало Синодальному архиву. Эти и другие документы, многие из которых церковного происхождения, были впоследствии опубликованы в десятитомной «Древней российской вивлиофике» под редакцией Н.И. Новикова (1786; 2-е изд. – 1788–1791, в 20 частях) и других изданиях XIX в.: в «Актах исторических» в 5 томах, «Дополнениях к актам историческим» в 12 томах, «Актах Западной России» в 5 томах, «Актах Южной и Западной России» в 15 томах, «Русской исторической библиотеке» в 35 томах, «Актах юридических, или Собрании форм старинного делопроизводства» и «Актах, относящихся до юридического быта древней России» в 3 томах. Член Румянцевского кружка П.М. Строев,

принимавший непосредственное участие в изданиях Археографической комиссии, по поручению графа описывал рукописи и книги Волоколамского, Ново-Иерусалимского, Саввино-Сторожевского и Пафнутиева Боровского монастырей². Издание описания библиотеки Ново-Иерусалимского монастыря, опубликованное И.И. Сахаровым в 1842 г., является плагиатом с черновика описания П.М. Строева. Последний был лишь одним из многих. Рядом с ним трудилась плеяда талантливых археографов, публикаторов, зачастую самоучек, собиравших, описывавших и публиковавших редкие памятники русской письменности. Особенно много их было в губернских ученых архивных комиссиях³.

Одна из первых работ «Заметка об архиве Синода», которая привлекла внимание научной общественности, принадлежала перу А.Н. Львова. Напечатанная в «Трудах Археографической комиссии Московского Археологического общества» статья директора архива Синода интересна только в своей постановочной части⁴. Элементы обобщения, пожалуй, содержали труды дореволюционного историка профессора Киевского университета В.С. Иконникова. Особенно ценным, полагаю, являлся его «Опыт русской историографии», в котором сведения о церковных архивах рассеяны по четырём книгам⁵. Вклад украинского историка плодотворно изучает архивистка из Киева И.Н. Войцеховская. Одновременно со вторым томом сочинения В.С. Иконникова в Санкт-Петербурге вышла книга директора Синодального архива К.Я. Здравомыслова об архивах консисторских и церковно-археологических учреждений в епархиях⁶. Небольшой объем издания нисколько не умаляет заслуги автора, не только описавшего уже существующие церковные архивохранилища на местах, но и тем самым фактически признавшего наличие в России на рубеже XIX–XX вв. сложившейся ведомственной структуры архивов. К.Я. Здравомыслов в 1917 г. повторил сначала во 2-м томе «Сведений относящихся до архивной части в России», а затем отдельной брошюрой обзор архивной деятельности епархиальных архивных учреждений⁷. Из архивистов славного МАМЮ нельзя не упомянуть, наряду с Н.П. Лихачевым и А.А. Голомбиевским, С.А. Шумакова, который внес самый значительный вклад в изучение и описание церковных грамот Коллегии экономии⁸.

О лекциях М.К. Любавского по истории архивов России, прочитанных на архивных курсах в 1928/29 г. в Москве, скажем кратко. Выдающийся историк России, бывший ректор МГУ, один из любимых учеников В.О. Ключевского не смог подготовить их к печати и издать. И, естественно, не по своей вине. Политический руль государства после 1929 г. был резко повернут в сторону государственного террора, и академик Любавский, как и многие его друзья и коллеги по цеху историков, оказался на скамье подсудимых по так называемому «Академическому делу». Его лекции, представленные одним машинописным экземпляром, пылятся на библиотечной полке в Историко-архивном институте⁹. Любавский оказался единственным историком, включившим в ткань повествования данные о церковных архивах. В настоящее время его лекции готовятся к печати и скоро увидят свет. Однако ни И.Л. Маяковский, ни А.В. Чернов, ни В.В. Максиков в своих учебниках по истории архивного дела церковным архивам не выделили даже параграфа¹⁰. Не будем судить их строго: они ходили по лезвию ножа и могли в любой момент подвергнуться репрессиям.

Следующее поколение историков архивов, группировавшееся в основном на кафедре истории и организации архивного дела МГИАИ (Ю.Ф. Кононов, В.И. Вяликов, Г.А. Дремина, В.В. Сорокин, И.П. Козлитин, Н.В. Бржостовская, В.Н. Самошенко, В.Е. Корнеев), наученное горьким опытом, вообще игнорировало факт существования церковных архивов. Л.В. Черепнин, который в доверительных беседах называл себя учеником М.К. Любавского, в своем капитальном труде «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.» затронул судьбу архивов митрополичьей кафедры и некоторых монастырей¹¹. Возвращение к этой проблеме связано с кружком источниковедения МГИАИ профессора С.О. Шмидта. Именно в недрах кружка в 70-е гг. прошлого века, на заседаниях, проходивших в знаменитом «теремке» бывшей Синодальной типографии, родилась идея изучения и реконструкции фондов церковных архивов. Этой темой заинтересовался один из самых талантливых учеников С.О. Шмидта А.А. Амосов, который вскоре выпустил первые статьи, связанные с реконструкцией церковных архивов¹².

С начала 1990-х гг. этой темой стали заниматься сразу несколько учреждений. Центр архивных исследований Историко-архивного института (проф. Е.В. Старостин)¹³ и Московская патриархия (архимандрит Иннокентий (Просвирнин))¹⁴ приступили независимо друг от друга к выполнению научных программ по описанию архивов РПЦ. Выполнить эту грандиозную работу самостоятельно Церковь не могла, и поэтому о. Иннокентий, после некоторых колебаний, остановился на сотрудничестве с ВНИИДАД. Итогом совместной работы возглавляемого им научного коллектива (В.Г. Ларина, С.Н. Романова, В.А. Олевская и др.) явилось издание двух томов путеводителей по церковным документам, хранящимся в региональных и столичных архивах России. При всей несравненной ценности справочного издания оно несовершенно, поскольку базируется в основном на опубликованных сведениях и не учитывает процесс перефондирования церковных документов, передаваемых из спецхранов с начала 1990-х гг.¹⁵

Центр архивных исследований ИАИ, лишенный финансирования, только к 2005 г. подготовил к изданию первый том путеводителя по архивам РПЦ, сосредоточенным в хранилищах России, Белоруссии и Украины. Однако толчок был получен, и в конце последнего десятилетия XX в. появились первые кандидатские диссертации по архивно-церковной проблематике (Г.П. Горькавая), брошюры и статьи по архивам РПЦ – Г.П. Горькавой, О.Н. Копыловой, Н.Ю. Суховой, А.А. Четчиной, С.Н. Романовой, В.В. Олевской, игумена Дамаскина (Орловского), иерея Андрея Дудина и др.¹⁶ В 2001 г. Российское общество историков-архивистов выпустило в свет специальный сборник работ, многие из которых касались проблем сохранения документального церковного достояния. Плодотворно работают в деле выявления и использования архивного церковного наследия ученые Великого Новгорода, Вологды, Краснодара, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Самары, Хабаровска и других городов. Событием в научной жизни Москвы стала Первая международная конференция, посвященная архивам Русской православной церкви, проведенная в ИАИ РГГУ 20–21 ноября 2003 г. Впервые участники конференции в залах бывшей Синодальной библиотеки на Никольской и современной Патриаршей библиотеки получили возможность обменяться мыслями и тревогами за судьбы бесценного доку-

ментального церковного наследия. Доклады и выступления участников конференции в ближайшее время будут опубликованы отдельным изданием¹⁷.

В конце XX в. инициаторы планируемой Богословской энциклопедии с сожалением констатировали, что в России крайне узок круг специалистов, которым можно поручить написать статью «Архивы РПЦ». Автору этих заметок пришлось отложить ряд срочных дел и представить по просьбе главного редактора исторический обзор развития церковных архивов. В январе 2003 г. он в виде публичной лекции был прочитан студентам и преподавателям Национальной школы хартий в Париже и на следующий год опубликован в «Вестнике архивиста»¹⁸. Наряду с докладом Е.В. Старостина появился интересный обзор сохранения зарубежного церковного архивного наследия директора Центра по изучению русского зарубежья А.В. Попова «Православие за рубежом: проблемы архивного наследия»¹⁹. Важные шаги сделали архивная служба Белоруссии, опубликовавшая справочник по архивам РПЦ, сосредоточенным в государственных хранилищах²⁰, архивисты Украины (К.Е. Новохатский, И.Б. Матяш и др.), подготовившие к изданию путеводитель по архивам православной церкви, и Приднестровская Молдавская Республика, архивисты которой в сборнике «Покровские чтения» поместили несколько интересных обзоров имеющихся в архивах Приднестровья документов по истории РПЦ²¹. В Тирасполе издан аннотированный справочник-указатель «История Русской Православной Церкви по документам ЦГА ПМР». Как это ни грустно, следует признать отрывочность существующей историографии по теме, но плотина прорвана.

Недостаточно разработана и источниковая база истории РПЦ. Между тем в государственных федеральных архивах (ГАРФ, РГАДА, РГИА, РГВИА и др.), рукописных собраниях крупнейших библиотек и музеев Москвы и Санкт-Петербурга, архивных фондах и коллекциях республиканских, областных, краевых, муниципальных и других региональных архивов: Великого Новгорода, Владикавказа, Вологды, Казани, Калуги, Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Тулы и других городов сохранились как целые фонды, так и отдельные комплексы документов по истории РПЦ. Немало материалов находится в зарубежных архивных центрах Белоруссии, Бельгии, Голландии, Румынии, Словении, США, Украины, Франции и других стран. Заинтересованный читатель может также воспользоваться компьютерными базами данных по церковным архивам в Центре архивных исследований ИАИ и СИФ ОЦНТИ по документоведению и архивному делу (ВНИИДАД). Во ВНИИДАД можно приобрести электронное издание справочника «Монастыри Русской православной церкви в России. Аннотированный указатель фондов государственных архивов Российской Федерации».

Церковь, к сожалению, не располагает подготовленными кадрами в области церковного архивоведения. Они только сейчас появляются, притом нередко рекрутируются из выпускников ИАИ и университетов. Выправить положение пытается руководство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, открыв на историческом факультете специализацию «историко-архивоведение». Сегодня вырисовывается грандиозная задача – воссоздать структуру церковных архивов, которая существовала до революции и была уже тогда более централизована, нежели государственная, но с учетом тех значительных изменений, которые произошли в мире в сфере обеспечения сохранности и использования, в особенности во второй по-

ловине XX в. В цивилизованных странах архивы заняли достойное место среди учреждений культуры, обеспечивающих сохранение драгоценного документального наследия народа. До тех пор, пока РПЦ не восстановит архивную службу, не откроет Центральный исторический архив, где сконцентрирует хотя бы документы XX в., с сетью местных епархиальных хранилищ, говорить о так называемой «архивной реституции», т.е. о возвращении Церкви национализированного документального богатства, нельзя. Хранители церковного имущества обязаны спасти имеющиеся у них документы новейшего времени. Необходимо побыстрее перейти из «ведомственной» фазы хранения документов к «исторической». Использование Патриаршей библиотеки как документального арсенала представляется только временной альтернативой решения проблемы сохранения важнейшей части национальной памяти России. Общеизвестно, что архивный документ, в особенности XX в., – материал нежный: его не надо жечь, рвать, уничтожать в печах, в бумагоперерабатывающих машинах, о нем достаточно просто забыть – и он погибнет молча.

Представители церкви с благодарностью воспринимают профессиональную помощь светских ученых, объединяя их усилия вокруг крупных научных проектов, как, например, подготовка многотомной Богословской энциклопедии. Вполне возможно, что эти функции по силам и Российскому обществу историков-архивистов (секция церковных архивов). В каждом крупном профессиональном объединении архивистов на Западе (США, Германии, Италии, Испании и т.д.) существуют секции церковных архивистов, которые свою деятельность координируют с помощью комитета по церковным архивам, функционирующего в рамках Международного совета архивов (руководитель Гельмут Байер, Германия). Последний на заседании XIV Международного конгресса архивов в Испании (2000 г.) очень сожалел, что РПЦ не выделила своего представителя для работы в этом комитете МСА. После XV Международного конгресса архивов (Вена, 2004 г.) положение и функции профессиональных комитетов были значительно изменены: теперь работы ведутся в рамках программ.

«Великое благоговение, любовь к церкви, бережное отношение к ее наследию, – говорил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II на открытии XI Международных Рождественских образовательных чтений, – доставшемуся нам не по нашей заслуге, – вот что должно отличать каждого автора учебника, каждого, кто берется за преподавание духовной культуры школьнику или студенту». Лучшее пожелание трудно высказать. Известно, с какой аккуратностью и бережливостью святейший Патриарх заботится о сохранении памятников истории, архивных документов и т.п. Изучение документальной памяти, оставленной нашими предшественниками, преследует цель создать условия для лучшего понимания прошлого, деяний людей, их мыслей и чаяний, ошибок и актов великого самопожертвования для достижения своих идеалов.

¹ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941; *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX в.: Курс лекций. М., 1957; *Историография истории СССР* / Под ред. В.Е. Иллерицкого и

И.А. Кудрявцева. М., 1961; *Шапиро А.Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962; *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

² См.: *Строев П.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. Сообщил Леонид // Общество Любителей Древней Письменности. СПб., 1889; *Костюхина Л.М.* Из истории рукописей Воскресенского собрания Государственного исторического музея // Проблемы источниковедения. М., 1962. Т. X. С. 255–262.

³ См.: *Шведова О.И.* Указатель «Трудов» губернских архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377–433.

⁴ См.: *Белокуров С.А.* Библиотека и Архив Соловецкого монастыря после осады 1676 года // Чтения Императорского общества истории и древностей российских. М., 1887. Кн. 1. Отд. 5. С. 1–80; *Львов А.Н.* Заметка об архиве Синода // Древности. Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. М., 1899. Вып. 2; и др.

⁵ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891–1908. Т. 1–2.

⁶ *Здравомыслов К.Я.* Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях. СПб., 1908.

⁷ *Здравомыслов К.Я.* Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах. Пг., 1917.

⁸ *Шумаков С.А.* Обзор грамот Коллегии экономии. Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде / Сост. Л.И. Шохин. М., 2002. Вып. 5.

⁹ *Любавский М.К.* Лекции по истории архивов России. М.: Библиотека ИАИ РГГУ (машинописный экземпляр).

¹⁰ *Чернов А.В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940; *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941; *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945. М., 1969.

¹¹ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948–1951. Ч. 1–2.

¹² *Амосов А.А.* О методике исследования описей монастырских архивов, на

примере анализа описей архива Антониева-Сийского монастыря XVII–XVIII вв. // Социально-политическая история СССР: Сб. ст. М.; Л., 1974. С. 69–90.

¹³ *Старостин Е.В., Сидорова Н.Ю.* Церковные архивы России (Из опыта создания справочника) // Вестник архивиста. 1993. № 1 (13); *Старостин Е.В.* Исследования архивного наследия Русской Православной Церкви в Историко-архивном институте // 2000-летию Рождества Христова посвящается. М., 2001. С. 229–235.

¹⁴ См.: История Русской Православной церкви в документах региональных архивов России: Аннотированный справочник-указатель. М., 1993; История Русской Православной Церкви в документах федеральных архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотированный указатель-справочник. М., 1995.

¹⁵ *Старостин Е.В.* Рец. на кн.: История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 126–127.

¹⁶ *Горькая Г.П.* Архивы Русской Православной Церкви в прошлом и настоящем: Очерки. М., 2000; *Сухова Н.Ю.* Из истории архива Московской духовной академии // 2000-летию Рождества Христова посвящается. С. 259–290; *Олевская В.В.* Формирование системы патриарших приказов Русской Православной Церкви и ее специфика в период подготовки и проведения синодальной реформы // Там же. С. 247–258; *Игумен Дамаскин (Орловский).* История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // Там же. С. 78–112; *Иерей Андрей Дудин.* Вятский епархиальный архив – новый опыт епархиальной архивной системы // Там же. С. 235–246; *Тодорашко З.Г.* Из истории Ново-Нямецкого монастыря и его реликвий // Там же. С. 311–318; и др.

¹⁷ Труды Историко-архивного института. М., 2005. Т. 36.

¹⁸ Вестник архивиста. 2004. № 4 (81–82).

¹⁹ *Попов А.В.* Православие за рубежом: проблемы архивного наследия // 2000-летию Рождества Христова посвя-

щается. С. 142–150. Более полная информация об архивном наследии РПЦ за рубежом включена А.В. Поповым в монографию «Российское православное зарубежье. История и источники» (М., 2005).

²⁰ Документы по истории Православной церкви на Беларуси XVIII–XX вв. в фондах государственных архивов Республики Беларусь. Минск, 2003. В на-

стоящее время в Государственном университете в Минске на историческом факультете планируется открытие специализации «Архивы конфессиональных церквей в Белоруссии».

²¹ *Базилевская С.А.* Документы по истории Русской Православной Церкви в фондах ЦГА ПМР // Покровские чтения: Статьи и материалы. Бендеры, 2004. Кн. 6. С. 25–18; и др.

А.В. Меньшиков

Из истории архивов Византийской церкви X–XV вв.

Приступая к изучению истории архивов Византии, нельзя не принять во внимание тот факт, что государство ромеев¹ являлось христианской державой, в которой и власть, и различные стороны повседневной жизни были неразрывно связаны с церковью и религией; «вся жизнь общества носила отпечаток религиозных интересов»². Христианство же основано во многом на письменном слове. В Византии – наследнице высокой письменной культуры древних эллинов и римлян существовало естественное уважение к книгам и понимание необходимости сохранять документы.

История архивов и архивного дела как России, так и зарубежных стран неплохо изучена. Однако столь интересная, важная и перспективная (в том числе и в общеисторическом аспекте) тема, касающаяся истории архивов Византии, до сих пор почти не исследована. Поэтому для полного представления о всемирной истории архивов и организации делопроизводства и архивного дела необходимо исследовать развитие архивного дела Византийского государства в сравнении со странами Европы и Азии.

Некоторые аспекты истории архивов так или иначе затрагивались в ряде работ по истории и организации архивов³, истории Византийской церкви, церковных учреждений и должностей, монастырей, взаимоотношений государства и церкви отечественных и зарубежных исследователей⁴. Довольно много сведений по организации хранения актов в византийских архивах (особенно монастырских), истории ряда архивов и хранившихся в них комплексов документов содержится в трудах по византийской дипломатике В.П. Медведева, А.Димитриу, П.А. Яковенко, М.Нистазопулу-Пелекиду, С.М. Каштанова⁵. Достаточно глубоко исследована история монастырей горы Афон, а также их архивов и библиотек; здесь, прежде всего, следует обратить внимание на классические труды епископа Порфирия (Успенского), П.В. Безобразова, а также исследования современных византинистов, в первую очередь М.В. Бибикова⁶.

До нашего времени сохранилось весьма немного подлинных византийских архивных документов, отражающих развитие архивного дела в Византии, но достаточно обширные сведения об этом имеются в других опубликованных источниках. В высшей степени ценную информацию по организации хранения и использования документов в церковных архивах содержат монастырские уставы (типики, диатаксисы и др.), а также описи монастырского имущества (бревионы, практики). В данной работе было использовано фундаментальное издание Byzantine Monastic Foundation Documents – полное собрание сохранившихся уставов византийских монастырей, переведенное на английский язык и снабженное обширным справочным аппаратом. Оно подготовлено большим коллективом авторов и выпущено в свет Dumbarton Oaks⁷.

Прежде чем рассматривать историю архивов Византийской церкви указанного периода, следует хотя бы кратко осветить существовавшие ранее архивы Константинопольской патриархии и рассказать об их персонале. Основой организации христианской церкви являлись епископаты, а после IV Вселенского собора (451 г.) и патриархаты. При патриархе Константинопольском, как и при императоре, состоял ряд служащих (великий протонотарий, великий ипомниматограф, логофет, иеромнимон и др.), в чьем ведении находились делопроизводство патриаршей канцелярии, библиотека и архив⁸. Важнейшим было ведомство хартофилакса (именуемого также «великий хартофилакс» или «хартофилакс Великой церкви», т.е. храма Св. Софии). Первые упоминания о нем относятся к VI в. Обязанности хартофилакса заключались в управлении патриаршим архивом (акты соборов, переписка с другими патриархами и пр.). Помимо текущей переписки хартофилакс заведовал сакелой – хранилищем патриаршего архива, являвшимся одновременно и сокровищницей.

Участниками VI Вселенского собора (680 г.) проводилась проверка достоверности огромного количества документов и текстов. Противники православия в поддержку своих взглядов часто приводили цитаты из не вполне соответствовавшим принятым версиям важнейших церковных трудов. Защитники же православия нуждались в доказательствах того, что они взяты из «исправленных» (урезанных или, наоборот, дополненных, по сравнению с оригиналом) сочинений. Разумеется, источниками таких доказательств могли служить только архив и библиотека патриарха. На протяжении всего обсуждения вопросов веры хартофилакс предоставлял в распоряжение императора и участников Собора аутентичные копии актов предшествовавших соборов, труды отцов церкви, регистры патриаршей канцелярии, различные документы и грамоты. Так, когда папские легаты пожелали лично сопоставить заподозренные в искажении тексты с копиями, предъявленными патриархом, хартофилаксу пришлось принести клятву в том, что копии полностью соответствуют оригиналам и иных копий в патриаршей библиотеке не имеется. На последующих заседаниях Собора хартофилаксу вменялось в обязанность предоставление писаний лиц, подозреваемых в ереси. Ко времени проведения Собора в 869 г. хартофилакс становится уже одним из наиболее высокопоставленных чиновников в администрации патриарха; он объединял в своем ведомстве все прежние церковные службы (кроме тех, что имели исключительно священнические обязанности), рекомендовал патриарху кандидатов на церковные и монастырские должно-

сти. Особенно убедительным подтверждением высокого положения и широких полномочий хартофилакса в этот период служат исполняемые им функции официального посредника между патриархом и духовенством: «хартофилакс и патриарха можно уподобить Аарону и Моисею»⁹.

В X–XV вв. хартофилакс оставался правой рукой патриарха, его помощником и представителем в округе, надзирающим за порядком столичного духовенства и мирян столицы, являлся «представителем закона» во всех разбираемых синодом судебных делах. Конечно же, хартофилакс по-прежнему исполнял свои обязанности хранителя документации Константинопольской патриархии, руководя также канцелярией, подготовкой официальных документов (которые, кстати, он имел право подписывать в отсутствие патриарха) и регистрацией актов синода¹⁰.

Патриаршая канцелярия считалась образцовой по уровню организации делопроизводства. В подчинении хартофилакса находился большой штат служащих (писцов и нотариев); так, во время патриаршества Филофея (1353–1354 и 1364–1376 гг.) в его канцелярии трудились 40 писцов. Вероятно, она выполняла некоторые функции императорской канцелярии; во всяком случае, в регистрационной книге – «священном кодексе Великой церкви» значатся документы, выданные императорской канцелярией. Например, император Михаил VIII Палеолог приказал внести в регистр, который вел хартофилакс Великой церкви, выданную Феодору Скутариоту жалованную грамоту¹¹. Так или иначе, но благодаря выполнению ведомством хартофилакса своих обязанностей до нашего времени дошли тексты многих императорских актов (хрисовулов), оригиналы которых утеряны.

Документы в архиве патриархии хранились, по крайней мере, в течение нескольких десятилетий. Были и утраты: например, в 912 г. «случился пожар в киулариях Великой церкви, при этом сгорели все ящики и ларцы с бумагами и документами патриаршей сакелы») ¹². Когда в 1071 г. патриарх приказал провести расследование о порядке передачи церковных земель в аренду частным лицам, «выяснилось, что подобные вопросы решались еще полвека назад, о чем говорили документы, найденные в патриаршем архиве» ¹³.

По мнению И.П. Медведева, ссылавшегося на известного исследователя актов Константинопольской патриархии Ж.Даррузеса, «продуктивность» канцелярии патриарха была крайне невысока, особенно в сравнении с папской канцелярией в Риме («если папская канцелярия... с XI по XV в. выпустила более 10 тыс. томов регистров, то патриаршая канцелярия Константинополя предлагает для XIV в. только два тома») ¹⁴. Вряд ли в данном случае корректно сравнивать папскую канцелярию (сфера управления которой была все же шире) с патриаршей; кроме того, известны лишь сохранившиеся тома последней.

Существовала (по крайней мере, с VII в.) и особая библиотека Константинопольской патриархии. Находилась она в Фомаитском триклинии, сооруженном патриархом Фомой (607–610), в прилегавших к храму Св. Софии патриарших палатах, где размещалось все церковное управление (там же находился и архив патриархии).

Другие патриархии (Александрийская, Иерусалимская, Антиохийская) также располагали архивами и библиотеками, очевидно, весьма богатыми по своему содержанию и имевшими глубокие исторические корни. Так, появление библиотеки Александрийской патриархии связывается с основанием Але-

ксандрийской церкви святым апостолом Марком. Церковная библиотека была известна своим собранием древних манускриптов (один из самых ранних – знаменитый Codex Alexandrinus IV в.); многие кодексы и папирусные свитки были вывезены в Константинополь в период 11-месячного перемирия перед захватом Александрии арабами в 642 г. Библиотека патриархии в 750 г. переместилась в Кесарию, в 997 г. – в Каир. Претерпев взлеты и падения, разорения и пополнения своих фондов, она сохранилась до наших дней¹⁵.

В Византии, по всей видимости, существовали церковные документохранилища, где частные лица могли оставлять свои документы на хранение¹⁶. Так, один из актов афонского Дохиарского монастыря содержит упоминание о том, что проэдр¹⁷ Никифор Вурцис сдал оригиналы своих документов под «расписку» митрополита Феодула в скевофилакий (ризницу) храма Св. Софии Фессалоникийской митрополии, себе оставив только заверенные копии¹⁸.

В типике, составленном для Петрицонского монастыря (декабрь 1083 г.) его основателем Григорием Пакурианом, имеются сведения об объявлении монастыря самоуправляемым и свободным¹⁹. Для поддержания автономии и привилегий монастыря Пакуриан предпринял специальные меры предосторожности в отношении документов, подтверждавших его права на земельные владения, передав важнейшие из них на хранение в храм Св. Софии в Константинополе (неясно, правда, имеется в виду патриарший архив или особое помещение для подобных документов). Перечень документов и расписка об их хранении в храме поступили в архив Петрицонского монастыря и находились там среди различных документов об имущественных правах и привилегиях. Там же, по всей видимости, размещались копии документов, оригиналы которых хранились в храме Св. Софии²⁰.

Особое внимание следует уделить архивам и библиотекам византийских монастырей. Византия славилась множеством монастырей – как крупных и богатых, так и совсем мелких, насчитывавших двух-трех монахов²¹. По свидетельству новгородского архиепископа Антония, число монастырей при императоре Мануиле I (1143–1180) достигало 14 тыс.²² Монастыри были императорские, ставропигиальные (патриаршие), епархиальные, частные, независимые. Для Византии характерны два типа монастырей: сельский (в глухих районах Египта, Сирии и Палестины, Каппадокии, с IX–X вв. – монастыри на горе Афон) и городской (например, константинопольские монастыри, и в особенности Студийский)²³. Монастыри ведали общественной благотворительностью – руководили больницами и странноприимными домами, помогали бедным, устраивали школы²⁴.

В крупных монастырях имелся определенный штат служащих, в том числе эконо́м (отвечал за монастырское хозяйство), хартофилакс (ведал монастырской документацией), библиофилакс (заведовал монастырской библиотекой), скевофилакс (хранил священные реликвии и церковную утварь)²⁵. Впрочем, последний часто выполнял и обязанности хартофилакса и библиофилакса, так как документы и книги обычно находились в одном помещении с ценностями, драгоценными и священными предметами, церковной утварью.

Византийские монастыри являлись не только религиозными, но и образовательными центрами. Сам факт основания монастыря означал обычно и устройство монастырской библиотеки с рукописными книгами (манускрип-

тами), необходимыми, в первую очередь, для богослужений. Известные монастыри имели собственные наиболее обширные по содержанию библиотеки, а также скриптории для копирования манускриптов.

Греческий исследователь К.Стекос выделяет три типа монастырских библиотек: библиотека кафоликона (центрального собора монастыря), «архив-библиотека» и личные библиотеки монахов²⁶. Библиотека кафоликона – «базовая», основная библиотека монастыря, содержала определенный набор богослужебных манускриптов. Традиционно они помещались во внешнем притворе кафоликона, где обычно располагался и скевофилакый. Одним из основных источников пополнения монастырских библиотек служили личные книжные собрания монахов. Это были библиотеки не столько рядовых монахов, сколько образованных настоятелей, а также высокопоставленных деятелей, в том числе императоров, пожелавших окончить свои дни в монашеском чине. С собою в монастырь они брали и какие-то свои любимые книги, затем передававшиеся, как правило, в монастырскую библиотеку.

В сравнении с Западной Европой, где на протяжении веков монастыри являлись практически единственными островками культуры, в Византии не одни лишь монастыри были центрами хранения документального культурного наследия античности. Сохранение этих памятников «было в Византии делом государственной власти и тесно связанного с ней слоя интеллектуалов»²⁷. Однако и монастыри в Византии сохраняли труды по философии, риторике, математике и т.д. Известный византийский ученый IX в. Лев Математик вспоминал: «Грамматикой и поэтикой я овладел, будучи в Константинополе, а риторикой, философией и наукой о числах – на Андросе. Там я встретил одного мудреца, от которого перенял начала и некоторые положения, но, поскольку чего хотел не нашел, принялся бродить по острову, посещал монастыри, выискивал и добывал пылящиеся там книги и, усердно изучая их на гребнях гор, дошел до вершин знания...»²⁸ Более современным подтверждением богатства и разнообразия рукописных собраний византийских монастырей могут служить сохранившиеся до нашего времени монастырские библиотеки горы Афон.

Документы монастырских архивов повествуют о том, что многие монастыри были земельными собственниками. Так, акты небольшого монастыря Св. Андрея неподалеку от Фессалоники отражают динамику роста его землевладений. Первый из актов (897 г.) рассказывает о получении монастырем владения некоей вдовы Георгии и ее детей, но уже документы X в. удостоверяют приобретения, сделанные у крупных светских собственников и казны²⁹. В большем количестве сохранились документы, свидетельствующие об административно-хозяйственной деятельности монастырей на Афоне.

Для любого земельного собственника в империи было жизненно необходимым обладание письменными подтверждениями законной принадлежности ему владений, связанных с ними привилегий и т.п., – ведь лица, не располагавшие подтверждениями своих имущественных прав, могли лишиться их в ходе земельной тяжбы или по результатам государственной ревизии. Так, проводившие ревизию в обители Павла Латрского государственные чиновники требовали предъявления актов на владение именьями и «немногими париками», те же именья и парики, на которые не имелось необходимых документов, должны были отойти казне³⁰. О проведении государственных ревизий поместий сообщает и Феофилакт Болгарский³¹.

В монастырском архиве обычно хранились подлинники и копии императорских хрисовулов, подтверждавших права монастыря на земли и угодья; вкладных грамот от лиц, постригшихся в монашество и жертвовавших при этом земли и угодья монастырю; духовных – по которым имущество завещалось данному монастырю; дарственных, купчих – передававшихся монастырю вместе с имуществом; меновых – на мену землями и угодьями с соседними землевладельцами; межевых – по ограничению и разграничению монастырских владений; судебных решений о правах на имущества в пользу монастыря; описей (бrevионов) монастырского имущества и прочей документации.

Помимо материалов, относящихся к монастырскому имуществу, в архивах монастырей довольно часто содержались документы, отражающие операции с имуществом мирян. Когда какое-либо имение оказывалось во владении монастыря, например, по наследству, то закреплявший данный факт документ, как правило, объединяли с прочей документацией по этим землям, что в будущем могло понадобиться при возможных спорах и судебных разбирательствах. Так, в архиве Великой лавры на Афоне хранятся документы о дарованных жившему в конце XI в. военачальнику Льву Кефале императорских привилегиях, которые перешли монастырю вместе с полученными в наследство от потомков военачальника землями. Могло случиться, что ушедший в монастырь человек приносил с собой и свои личные бумаги, которые передавались в архив монастыря. Именно так султанский бекрат 1483 г., утвердивший патриарха Симеона в данной должности, оказался в архиве Ватопедского монастыря, где патриарх провел свои последние годы. Данный акт не имел ни юридической силы, ни какого-либо практического значения для монастыря. Однако, перестав действовать вместе с отставкой получателя, он представлял ценность как исторический источник³². Таким образом, наличие в архивах византийских монастырей документов разнообразного происхождения и содержания делает их собрания важными и незаменимыми в исследованиях практически во всех областях византийской истории.

Отметим и довольно высокий уровень сохранности документов в церковных и монастырских архивах, в отличие от выданных отдельным частным лицам документов на владение имуществом, которые «были гораздо больше подвержены всяким случайностям бытия, а утратив через несколько поколений свою практическую ценность в глазах наследников, они вообще имели мало шансов “пережить века” – одна из наиболее веских причин того, что до нас от них дошли лишь единицы»³³. Большая часть подобных документов сохранилась именно в составе монастырских архивов.

Довольно интересно и другое наблюдение – стремление собственников, в том числе и «коллективных» (монастыри), приобретших каким-либо способом (покупка, дарение, наследование и пр.) недвижимость, добиваться на нее императорской жалованной грамоты, хранившейся особенно тщательно образом, зачастую отдельно от иных документов и рукописей. Так, Порфирий Успенский отмечает, что «в некоторых православных монастырях Востока, и преимущественно в Афонских, есть тайники, наполненные богатейшим сокровищем для науки. Там в саккулах, по-нашему сказать, в мешочках, тщательно берегутся неоцененные свитки с письменами то жемчужными, то кудрявыми, то парчовыми, с ликами святых, с портретами

царей и цариц, деспотов, деспотиц и их детей, с собственноручными их подписями, с рисованными цветами, с печатями из золота, свинца, из ярого воска и сургуча»³⁴.

В то же время «первичные документы (купчие, дарственные и т.д.) становились не столь ценными и, возможно, даже уничтожались»³⁵. Показательно, что около 40 % всех сохранившихся византийских документов – именно императорские хрисовулы. Объясняется это, очевидно, тем, что в Византийской империи «в условиях симбиоза церкви и государства обожествлялась не только императорская власть, но и распоряжения конкретных императоров рассматривались как божественные. Соответственно императорские пожалования, содержащие передачу частному лицу или монастырю прав собственности, трактовались как божественные и святые законы»³⁶.

Обращаясь к практике описания документов в монастырских архивах, следует упомянуть такой примечательный источник, как составленный в 1200 г. при игумене Арсении каталог архива Патмосского монастыря Св. Иоанна Богослова, который сам по себе весьма интересен, хотя и не позволяет с уверенностью говорить о достаточно распространенной практике раздельного хранения текущей и архивной документации. Составлено было, собственно, два каталога: первый, не дошедший до нашего времени, содержал опись актов, «сохранявших свою практическую ценность в глазах монастырских властей»³⁷, второй – опись вышедших из употребления документов, признанных бесполезными, изъятых из архива и содержащихся в мешках и связках. По мнению И.П. Медведева, «эти “бесполезные” акты были отобраны, очевидно, для “списания” и, может быть, даже для уничтожения», и потому содержание их в связках и мешках может и не отражать практику хранения документов в самом архиве»³⁸.

Однако, по всей видимости, Патмосский каталог – уникальное явление. Опись имущества монастыря Богородицы Милостивой в Струмице должна лучше демонстрировать распространенную практику создания описей документов. В данной описи перечисляется все движимое имущество учреждения: иконы («украшенные» и «неукрашенные»), книги, священные одеяния и покрывала, подсвечники, лампы и прочие светильники. И здесь же идет список императорских хрисовулов и иных официальных документов, имеющих отношение к имущественным правам монастыря, из которых лишь восемь полностью или частично сохранились вместе с описью и типиком. Опись предваряется довольно обширным разделом, где приводятся обоснования необходимости, а также правила ведения описей монастырских имуществ, взятые из постановлений соборов, церковных канонов, кодекса Юстиниана и т.п.³⁹

Вполне конкретные представления об организации хранения и использования документов в те времена мы можем получить по своеобразным инструкциям для хартофилаксов, содержащимся в монастырских типиках. Так, в «диагаксисе» (завещании-уставе) Михаила Аггалиата (март 1077 г.) для основанного им в Константинополе небольшого монастыря Христа Всемилоостивого в разделе «О документах» содержатся следующие указания: «Акты касательно недвижимых имуществ, которыми владеют мой монастырь и мой приют, как и подлинник хрисовула, должны храниться в шкафах, расположенных или в скевофилакии монастыря, или же в другом надежном помещении. Каждый из шкафов снабжается двумя ключами, один из которых на-

ходится в ведении моего преемника, а второй – эконома, если нет игумена. Шкафы должны печатываться и моим преемником, и монахами, а когда возникает потребность в каком-либо акте, то открывать их и вынимать нужный документ следует всем вместе. Ту же предосторожность следует соблюдать и в отношении всего остального. Затем, когда дело улажено, документ снова кладется туда, откуда его взяли. Три раза в году документы нужно разворачивать и трясти, и снова все с той же предосторожностью. Кроме того, все акты должны быть списаны в регистре, чтобы с одного взгляда было видно, сколько и каких актов имеет каждое владение. Ибо все, слава Богу, что я приобрел, я приобрел с помощью законных и в высшей степени надежных сделок, скрепленных документами, добросовестно, не нанеся вреда фиску, не нарушив закона, – свидетель тому Бог. И разбираясь в любом деле, относящемся к моим владениям, преемники благочестивых домов всегда смогут найти тот акт, который окажет им надежную помощь в отношении искомого»⁴⁰. В том же документе говорится об обеспечении сохранности и использовании наиболее ценных документов: «Оригинал типикона надлежит опечатать и спрятать. Его полную копию надлежит использовать вместо него и читать три раза в год... Но если возникнут сомнения насчет правильности какого-либо слова в копии, тогда следует открыть оригинал, и когда, по сличению написанного, установится сходство текстов, оригинал должен быть заперт снова и опечатан сверху; и он должен содержаться в безопасном месте, а копия использоваться как обычно»⁴¹.

Похожие сведения имеются и в типике (1110 г.) столичного монастыря Богородицы Благодной (Кехаритомены), основанного императрицей Ириной Дуковой. В разделе об обязанностях монахини, в ведении которой находился архив, говорится о том, что она «получит вместе с описью все писанные на бумаге акты монастыря и будет хранить их со всей тщательностью, чтобы они не были изведены молью. Если же возникнет нужда в каком-либо документе, то, по указу кафигуменьи, она принесет и вручит требуемый документ, сделав помету, что это за документ и кто его получатель, а по прошествии нескольких дней напомнит о нем кафигуменье, потребует вернуть вынутый, как было сказано, документ и не даст ему потеряться»⁴². В типике («Ипотипосисе») основателя Патмосского монастыря Св. Иоанна Богослова Христодула, составленном на Патмосе в 1091 г., также говорится о том, что «экклесиарх должен принять по описи и с прилежанием хранить книги и документы монастыря, как и другое имущество церкви»⁴³.

Видим, что основатели монастырей отчетливо понимали всю важность сохранения типиконов, имущественных актов, данных императором привилегий и иных ценных грамот. Но, пожалуй, еще большая предусмотрительность в отношении ценнейших монастырских документов проявляется в уставе монастыря Св. Маманта в Константинополе, составленном Афанасием Филантропином. В нем указывается, что было изготовлено три копии типикона и бревиона, оригиналы же для большей сохранности поместили в императорский монастырь Христа Человеколюбца⁴⁴. В приложенной к типикону симиоме (судебном решении) содержится подробнейшая запись процесса передачи этих ценнейших документов, формально исключавшего возможность каких-либо злоупотреблений (в том числе и при участии игумена и обитателей монастыря, которые «могли подвергнуться давлению» сторонних правоприязателей⁴⁵).

В главе 9 того же устава после описания обычных обязанностей скевофилака следует формула, в целом повторяющая инструкции уже упомянутого типика монастыря Богородицы Кехаритомены⁴⁶; подобный фрагмент содержится и в составленном в 1162 г. уставе Никифора Мистика для монастыря Богоматери Гелиу Бомон («Алтарь Солнца»)⁴⁷.

Итак, нами рассмотрены история, организация и состав архива и библиотеки Константинопольской патриархии, происхождение должности хартофилака Великои церкви и его обязанности как хранителя патриарших книг и документов, названы принципы хранения и использования документов в монастырских архивах, а также лица, отвечавшие за сохранение, и их обязанности. Не вполне проясненным остался вопрос существования каталогов и описей архивных документов как утвердившейся и распространенной практики, хотя отдельные примеры и подтверждения тому имеются.

Проанализировав массив сохранившихся монастырских типиков, можно заметить, что появление подробных, глубоко проработанных уставов (завещаний) относится в основном к XI – началу XII в. Еще со времен Василия I (867–886 гг.) широко распространена практика предоставления харистикия (права на управление и получение дохода с монастырских имений); однако нередко и сами настоятели монастырей отдавали принадлежавшие их монастырям имения в управление светским лицам⁴⁸. Указанный же период в истории монастырей отмечен приобретением многими из них финансовой и административной независимости от внешних управителей, нередко недобросовестных и алчных, а основным и фактически единственным обеспечением этой независимости служили архивные документы монастыря.

В целом можно утверждать, что делопроизводство и организация хранения документов в Византии находились на достаточно высоком уровне. Принадлежавшими церкви документохранилищами зачастую пользовались и частные лица-миряне. По всей видимости, степень сохранности документов в архивах монастырей и церквей была более высокой, нежели у светских лиц.

¹ Жители Византии именовали себя ромеями (т.е. римлянами).

² *Лебедев А.П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках: От конца иконоборческих споров в 842 г. до начала Крестовых походов – 1096 г. СПб., 1998. С. 9.

³ *Бржостовская Н.В., Илизаров Б.С.* Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней // Тр. Всесоюз. науч.-исслед. ин-та документовед. и архив. дела. М., 1979. Т. 8. Ч. 1; *Старостин Е.В., Чудиновских В.А.* Архивы и архивное дело в зарубежных странах. Свердловск, 1991.

⁴ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и церковь в XI веке: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея II Комнина. СПб.,

1884; *Успенский Ф.И., Бенешевич В.В.* Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV веков. Л., 1927; *Darrouzes J.* Recherches sur les οφφικια de L'Eglise Byzantine. Paris, 1970; *Каждан А.П.* Византийский монастырь XI–XIII вв. как социальная группа // Византийский временник. 1971. Т. 31. С. 48–70; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи: В 3 т. М., 1996–1997; *Wehmyer J.M.* The chartophylax: archivist and librarian to the patriarch in Constantinople // Libraries & Culture. University of Texas Press, 1997. V. 32. № 1. P. 107–112; *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века: От начала Крестовых походов до падения Константино-

поля в 1453 г. СПб., 1998; *Он же*. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках...; *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. СПб., 1998; *Он же*. Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999; *Каждан А.П.* Византийская культура (X–XII вв.). 2-е изд., исправ. и доп. СПб., 2000; *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. История Крестовых походов. М., 2001;

⁵ *Димитриу А.* К вопросу о договорах русских с греками // Византийский временник. 1895. Т. II. С. 531–550; *Яковенко П.А.* Исследования в области византийских грамот: Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе. Юрьев, 1917; *Нистазопулу-Пелекиду М.* О византийской дипломатике в период Никейской империи // Византийский временник. 1987. Т. 48. С. 64–73; *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатии (частноправовой акт). Л., 1988; *Каптанов С.М.* К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. В составе «Повести временных лет» // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура древнерусского государства: VIII чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пащуто. Москва, 17–19 апр. 1996 г.: Тез. докл. М., 1996. С. 39–42; *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001; и др.

⁶ *Порфирий Успенский.* Указатель актов, хранящихся в обителях Св. горы Афонской // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1847. Ч. LV; *Он же*. Восток Христианский. Афон. История Афона. СПб., 1892; *Безобразов П.В.* Афонские документы // Византийские очерки. 1915. Т. 1. Вып. 1–2. С. 53–76; *Бибииков М.В.* Церковные связи Руси и Византии в контексте межнациональных отношений // Исторический вестник. М.; Воронеж, 2000. № 1 (5). С. 15–28; *Он же*. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 2001; *Он же*. BYZANTINOROSSICA. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004.

⁷ Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the

Surviving Founder's Typika and Testaments / Ed. by J. Thomas and Angela Constantinides Hero // *Dumbarton Oaks Studies*. Washington, 2000. V. 35.

⁸ *Darrouzes J.* Recherches sur les οφφικια de l'Eglise Byzantine. P. 353–372.

⁹ *Wehmeyer J.M.* The chartophylax: archivist and librarian to the patriarch in Constantinople. P. 109.

¹⁰ *Hussey J.M.* The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986. P. 317.

¹¹ *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатии... С. 20.

¹² Продолжатель Феофана: Жизнеописание византийских царей / Подгот. Я.Н. Любарский. СПб., 1992. С. 156.

¹³ *Бржостовская Н.В., Илизаров Б.С.* Указ соч. С. 118.

¹⁴ *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатии... С. 19.

¹⁵ Сейчас в библиотеке (не считая более чем 20 тыс. печатных изданий) около 530 древних греческих рукописей, самая ранняя из которых датируется 952 г. Здесь же хранится (уже с XVI в.) патриарший архив. См.: *Moschonas Th.* A short history of the Library of the Greek Orthodox Patriarchate of Alexandria // *The Bulletin of the Patriarchal Library*. 1955. January–June // *Greek Orthodox Patriarchate of Alexandria and All Africa* [Электронный ресурс]. Электрон. данные. [Б. м.], 2002. Режим доступа свободный: <http://www.greekorthodox-alexandria.org/main.htm>

¹⁶ *Васильевский В.* Материалы для внутренней истории Византийского государства // ЖМНП. 1880. Ч. ССХ. С. 105.

¹⁷ Высокий гражданский титул в Византии X–XII вв.

¹⁸ *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатии... С. 19.

¹⁹ Типик Григория Пакуриана. Ереван, 1978. С. 100–101.

²⁰ Там же. С. 118–121; *Byzantine Monastic Foundation Documents...* P. 555–557.

²¹ *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998. С. 128.

²² *Савваттов П.* Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872. С. 183.

- 23 *Каждан А.П.* Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа. С. 50.
- 24 Там же. С. 51.
- 25 *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 201.
- 26 Στακος Κ. Στ. Μοναχισμος και μοναστηριακες βιβλιοθηκες [Электронный ресурс]. Электрон. данные. [Б. м.], 1996. Режим доступа свободный: http://www.libraries.gr/nonmembers/gr/history_bizadinos.htm
- 27 *Старостин Е.В., Чудиновских В.А.* Указ. соч. С. 27.
- 28 Продолжатель Феофана... С. 83.
- 29 *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 129.
- 30 *Васильевский В.* Указ. соч. С. 105–106.
- 31 *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 82.
- 32 Greek documents // Treasures of Mount Athos: Full catalog of the exhibition [Электронный ресурс]. Электрон. данные. [Б. м.], 1997. Режим доступа свободный: <http://www.culture.gr/2/21/218/218dm/e218dm01.html>
- 33 *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики... С. 20.
- 34 *Порфирий Успенский.* Указатель актов, хранящихся в обителях Св. горы Афонской. С. 25.
- 35 *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики... С. 22.
- 36 *Хвостова К.В.* Византизм «оправдание жизни» (проблемы византийской цивилизации) // Византийский временник. 1998. Т. 55. Ч. 2. С. 8–9.
- 37 *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики... С. 24–25.
- 38 Там же.
- 39 Byzantine Monastic Foundation Documents... P. 1667–1678.
- 40 *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики... С. 22–23.
- 41 Byzantine Monastic Foundation Documents... P. 353.
- 42 *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики... С. 23.
- 43 Там же.
- 44 Byzantine Monastic Foundation Documents... P. 1002.
- 45 Ibid. P. 1036–1037.
- 46 Ibid. P. 1002.
- 47 Ibid. P. 1059–1060.
- 48 Типик Григория Пакуриана... С. 213.

В.А. Гуркин

Судьба симбирского собрания К.И. Невоструева

Имя Капитона Ивановича Невоструева (1815–1872), профессора Симбирской и Московской духовных семинарий, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук, хорошо известно историкам православной церкви и исследователям прошлого Среднего Поволжья¹. Однако история его архива до сих пор мало изучена.

К.И. Невоструев родился в г. Елабуге в семье священника; окончив Елабужское духовное училище и Вифанскую Московскую семинарию, профессором которой был его брат Александр, он поступил в Московскую духовную академию. Особенно сильное влияние на студентов академии оказали ее ректор Филарет (Гумилевский)² и молодой преподаватель А.В. Горский³, читавший курс общей церковной истории и сумевший увлечь своим

предметом многих учеников, в том числе и Невоструева. «Совокупными усилиями они сделали так, что в комнатах тогдашних студентов стали появляться латинские и греческие фолианты и пергаменты, старые рукописи и древние книги: студенты стали стремиться к строго научной работе и даже положительно к научным открытиям»⁴. По окончании курса академии К.И. Невоструев 17 сентября 1840 г. был определен наставником Симбирской семинарии по предметам Священного писания, герменевтики, чтения греческих писателей в среднем отделении, патристики, чтения отцов греческих и латинских в высшем отделении, а с 18 октября еще и наставником еврейского языка.

Этот период становления Невоструева как исследователя представляется чрезвычайно важным для понимания его дальнейшей биографии. Летом 1843 г. он совершил путешествие по Волге, оказавшее на него сильное воздействие. Один из его биографов В.Андреев считал, что именно эти впечатления послужили эстетическим толчком для обращения наставника семинарии к изучению местной истории⁵. В Симбирске Невоструев приступил к сбору документов по древней истории монастырей и церквей Поволжья и на их основе составил описания более двадцати монастырей и пустыней (часть опубликована при жизни автора)⁶.

К.И. Невоструев активно привлекал к исследованиям местной старины и своих учеников: «Когда последние отъезжали на вакации, он поручал им тщательно смотреть свои приходские храмы и, если можно, собрать кое-какие сведения о своих селах и городах»⁷.

В это время молодой ученый знакомится с братьями Языковыми, которые не только предоставили в его пользование свое обширное собрание рукописей и старинных актов, но и способствовали личному знакомству с симбирским губернатором, «и последний, открывая ему двери губернских архивов, очень добивался того, чтобы Невоструев напечатал что-нибудь из истории местного края»⁸.

Сам же он так вспоминает события этого времени: «В бытность мою в Симбирской семинарии профессором, сперва по собственной воле, потом вследствие циркулярного указа Святейшего Синода (о составлении историко-статистического описания епархии) по поручению Симбирского преосвященного занимался я собранием материалов для истории монастырей, церквей и других сторон Симбирской епархии... я просматривал столбцы и старые дела в Симбирске – гражданской и казенной палаты, губернского правления, уездного суда и магистрата и архивы уездных судов в городах Сызрани, Самаре, Алатыре, Курмыше и Ставрополе, акты некоторых пригородов и селений и собрал сведения о гражданском быте и древностях этих городов и мест... Таким образом, мало-помалу в 1849 г. были составлены мною описания почти всех в Симбирской епархии существующих в числе семи и упраздненных в разные времена около 20 монастырей и пустыней, как в этом году неожиданно я был вызван в Москву участвовать в описании Синодальной (прежде Патриаршей) библиотеки. С тех пор, при всем сочувствии моем к Симбирскому краю и привязанности к прежнему делу, не нахожу возможности окончить это дело, как бы хотелось»⁹.

В 1849 г. А.В. Горскому была поручена подготовка библиографического описания рукописей Московской Синодальной библиотеки, и он настойчиво приглашает Невоструева в качестве помощника¹⁰. После некоторых ко-

лебаний тот принимает это предложение и переезжает в Москву. Следует отметить, что большая часть этой колоссальной работы была сделана самим Невоструевым. Если первые два тома описания подготовлены совместно Горским и Невоструевым, то над остальными выпусками последний работал фактически самостоятельно. Появление этого труда в печати вызвало множество восторженных откликов. Так, профессор Г. Вознесенский отзывался следующим образом: «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки есть, можно сказать, неисчерпаемая сокровищница критически очищенных фактов для истории священного библейского текста, равно для истории текста святоотеческих творений и различных богословских сочинений. По широте плана труд Горского и Невоструева мало имеет себе подобных и в западно-европейской литературе. Это не простая опись многих рукописей (в четырех томах описана 341 рукопись), а целый ряд глубоких исследований, снабженных в изобилии всеми данными филологии, палеографии, хронологии, истории и древностей и направленных к объяснению исторической судьбы литературных произведений, хранящихся в Московской Синодальной библиотеке»¹¹. Высоко оценили данный труд академики И. И. Срезневский и А. Ф. Бычков: «Мы не знаем, чему более удивляться в этом произведении, внимательности ли ко всему замечательному, даже мелочному, силе и ловкости соображений и строгости выводов, или глубокой учености, не многознанию (плоду начитанности), а именно учености, знающей то, что нужно знать, и требующей от научного труженика добросовестных изысканий»¹². В 1867 г. эта работа А. В. Горского и К. И. Невоструева была удостоена Ломоносовской премии от Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

Невоструев удивительным образом смог соединить в себе неутомимый талант собирателя исторических сведений по разрозненным документам, аскетизм, вполне сопоставимый с монашеским, широкий кругозор и прекрасное знание древних языков, что помогло ему не только провести сравнительный анализ рукописных церковнославянских текстов, но и самому сделать переводы с греческого сочинений Максима Грека и ряда древних текстов с Афона. «Отрешившись от всего ради знания, от семейных радостей, от общественных развлечений, ничем так не дорожил в своей жизни этот богатырь-работник, как временем. У него сочтена была каждая минута, назначен был час для каждой работы, и каждая работа рассчитана на известный час. Когда почему-нибудь нарушался обычный порядок его занятий, тогда он запирался в своем монастырском уединении и не принимал к себе самых близких людей до тех пор, пока не восполнит потерянного времени усиленным трудом...»¹³ Труд он считал призванием человека. «Не к тому мы должны стремиться, чтобы трудами других пользоваться для своего удовольствия, а к тому, чтобы своей жизнью облегчать труды других. Никакая роскошь в мире не доставит человеку такого высокого наслаждения, какое доставляет ученому его открытия в области знания»¹⁴.

При подготовке описания рукописей Московской Синодальной библиотеки Невоструев открыл некоторые сочинения отцов церкви, сохранившиеся лишь в древних русских переводах. Часть из этих рукописей он смог опубликовать¹⁵, а часть и поныне остается в рукописном виде.

Все годы жизни в Москве К. И. Невоструев провел в Чудовом монастыре. Многолетняя напряженная работа подорвала его здоровье. К весне

1872 г. болезнь стала развиваться и осенью приняла угрожающий характер. Ученый был помещен в университетскую клинику, где скончался в ночь на 30 ноября. Он завещал похоронить себя рядом с могилами чудовских монахов. Литургию в день погребения Невоструева совершал в Чудовом монастыре его друг, ректор Московской духовной академии протоиерей А.В. Горский, а отпевал покойного, при участии многих московских священнослужителей, преосвященный Леонид, епископ Дмитровский.

При отпевании близкий Невоструеву редактор-издатель «Душеполезного чтения» священник В.Нечаев (впоследствии Виссарион, епископ Костромской) произнес речь, в которой дал прекрасную характеристику усопшему и как человеку, и как ученому. «Почивший брат *наш* о Христе был не просто благочестивый христианин, но христианин-сподвижник. Он принадлежал к числу тех христиан, которые в древнее время в установлении монашества как особого чина вели жизнь, свойственную монахам, и назывались аскетами. Судьбы Божьи привели его, наконец, на жительство в эту обитель не для монашеского, впрочем, жития, а для ученых занятий, возложенных на него высшим духовным начальством. Но братья святой обители знают, что он, хотя не принадлежал к их чину, был, однако, образцом для них по строгому подвижническому житию, по точному исполнению церковных уставов, по любви к уединению и безмолвию, по ревности к молитве келейной и церковной...

С великим благочестием соединялась в нем великая любовь к ближним. Скучные средства, какие приобретал праведным трудом он, отказывая себе в удобствах жизни, употреблял на помощь ближним и на покупку книг, нужных ему для многосложных ученых работ. Но как ни близка ему была последняя эта нужда, он иногда отказывал себе в удовлетворении ее, для того, чтобы иметь возможность послужить своим достоянием другим в нуждах частных и общественных...

Он никому не отказывал в своих ученых советах, в ученых справках, за которыми со всех сторон к нему обращались люди науки. Он нередко по нескольку часов беседовал в своей келье с глаголемыми старообрядцами, требовавшими от него справок в старинных книгах и рукописях...

Ученую специальность почившего составляло, как известно, изучение памятников старины, преимущественно церковной... Изучая памятники старины, *он сам жил духом старины*; он любил не только памятники, но и самую жизнь в ее лучших проявлениях, о которой они свидетельствуют: он всецело переносился духом в древние времена, которые изучал по хартиям и немым памятникам, и жил жизнью древних подвижников правды и добра. Пример его в этом отношении весьма поучителен, особенно для нашего времени»¹⁶.

Что касается исторических и археологических исследований Невоструева по Симбирскому Поволжью, то без преувеличения можно сказать, что он один выполнил такой объем работ, который сопоставим с деятельностью научно-исследовательской организации. Благодаря неустанному труду ученому за 9 лет пребывания в Симбирске удалось собрать целый свод документов по истории всех монастырей Симбирской епархии. К счастью, большинство из этих исторических описаний было опубликовано усилиями преподавателя Симбирской духовной семинарии, члена Симбирской губернской ученой архивной комиссии (ГУАК) А.И. Соловьева¹⁷. Остальные же труды Невос-

труева, посвященные истории Вятской, Московской и других епархий, его работы по археологии и нумизматике Среднего Поволжья до сих пор не изданы. И если бы собрание Невоструева (от которого сегодня мы имеем едва ли не сотую часть, причем разбросанную между разными архивохранилищами¹⁸) сохранило свою целостность, то, безусловно, занимало бы одно из значимых мест среди личных архивных фондов российских историков.

Согласно завещанию ученого, весь его архив подлежал распределению по архивам тех епархий, над историей которых ему довелось работать (в том числе и Симбирской). Однако прежде чем невостревские рукописи все-таки попали в Симбирск, им пришлось проделать немалый путь. Об этом свидетельствует хранящаяся в Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО) переписка между Симбирской духовной консисторией и разными лицами, имевшими отношение к судьбе этого собрания¹⁹.

В апреле 1873 г. в Симбирскую духовную консисторию поступило письмо из Московской духовной консистории, где сообщалось о духовном завещании К.И. Невоструева, в том числе о просьбе покойного передать рукописи и тетради с выписками из истории Симбирской епархии в архив Симбирской духовной консистории, а тетради с выписками из архивов Симбирской губернии и уездных присутственных мест (включая Самару и Ставрополь) – «в Карамзинскую публичную библиотеку, как и рукописную карту Симбирской губернии, составленную при Екатерине II. Туда же дать подписных Алатырских записных книг и несколько столбцов Курмышских»²⁰, взятых Невоструевым на время.

Однако завещанный архив в Симбирск не поступил, и консистория через год начала его поиски. На запрос было получено письмо вдовы протоиерея А.И. Невоструева Софьи Михайловны от 8 января 1875 г., в котором она сообщила, что все указанные в завещании рукописи и коллекция документов находятся у уполномоченного к исполнению завещания проживавшего в Москве губернского секретаря И.П. Протопопова. Направив запрос Протопопову и не получив ответа, консистория обратилась за помощью в розыске адресата к московской полиции. Пристав Арбатской части Московской городской полиции информировал Симбирскую духовную консисторию о том, что «г. Протопопов 31.12.1874 г. выбыл, куда неизвестно»²¹.

В октябре 1875 г. в Симбирскую епархию поступило письмо от епископа Якутского и Вилюйского Дионисия²², в котором сообщалось, что вместо книг, купленных для Дионисия Невоструевым, его душеприказчик И.П. Протопопов по ошибке прислал посылку весом 5 пудов 38 фунтов с рукописями и документами, «касающимися описания церквей, монастырей и причтов Симбирской епархии». Далее епископ Якутский и Вилюйский писал: «Бумаги сии я велел перевязать в связки, коих вышло 16, и на каждой обозначить вес. Эти 16 связок упакованы в 5 холщевых тюков и сданы мною в Якутскую духовную консисторию для отсылки оных в Симбирскую духовную консисторию». Дионисий просил известить его о получении этих документов, а также помочь в поиске книг. Через месяц все тюки в Симбирскую духовную консисторию были доставлены.

Но завещанный архив оставался невостребованным, и постепенно о нем забыли. А.И. Соловьев рассказывает о случае, происшедшем в 1889 г., т.е. спустя всего 14 лет после поступления дара профессора в Симбирскую духовную консисторию. Крестьянин из чувашской деревни Кукшум Ядрин-

ского уезда Казанской губернии обратился к симбирскому епархиальному начальству с ходатайством о восстановлении в с. Ильина Гора Курмышского уезда некогда существовавшего там Рождественского монастыря. Епархиальное начальство с просьбой помочь в этом деле обратилось к Симбирской ГУАК. Последняя послала запрос в Московский архив Министерства юстиции, откуда сообщили, что Рождественский монастырь существовал в самом г. Курмыш «на посаде» еще в 1624 г. и владел соседней слободкой и обширными рыбными ловлями на р. Суре, тогда как дальнейшая история монастыря неизвестна²³. Эту краткую информацию Симбирское епархиальное управление получило из Москвы, в то время как в самом Симбирске, в архиве духовной консистории, находилось уже готовое описание истории Курмышского Рождественского и остальных монастырей и пустыней Симбирской епархии.

К материалам архива Невоструева обратились лишь через три десятилетия. С большим трудом их смог разыскать преподаватель Симбирской духовной семинарии П.П. Неболюбов, готовивший тогда статью о К.И. Невоструеве для сборника к десятилетию Симбирской ГУАК. Вот что пишет об этом А.И. Соловьев: «Здесь они лежали в библиотеке среди разного старого хлама в полной неизвестности... Другая часть рукописей, заключающая в себе некоторые цензурованные тетради с описаниями монастырей и копиями документов, хранившиеся в местных архивах гражданского ведомства, была найдена в июне 1900 г. на шкафах семинарской библиотеки во время ее разбора последней. Все эти рукописи мною разобраны, систематизированы, разделены по отделам и приведены в порядок»²⁴.

Согласно описи, сделанной А.И. Соловьевым в 1909 г., в архиве Невоструева в Симбирске хранилась огромная коллекция исторических документов (подлинников и копий), включающая подлинные акты монастырей и пустыней (причем не только Симбирской епархии, но и такие, как Костромской Богоявленский монастырь, Макарьевский Желтоводский, московские Новодевичий, Вознесенский и другие, всего более 250 документов, преимущественно XVIII–XIX вв.), церковью Симбирской и Самарской епархий (34 документа); рукописные книги: Алатырской приказной избы 1695 г. и «Сказание об обретении мошей инока Вассиана»; дела 1771–1773 гг. Тамбовской епархии Пензенского уезда; отказные книги на «порозжие земли» Алатырского уезда 1796 г.; копии описей монастырей и пустыней 1764 г., актов церковью Симбирской и Самарской епархии (более 40 документов, а также отдельные выписки, относящиеся к периоду с 1651 по 1774 г.), материалов губернских и уездных архивов Симбирской губернии (более 70 документов, начиная с периода Смутного времени и до 1834 г., среди них 21 – по истории Пугачевского бунта)²⁵.

В состав этой коллекции входило и 14 больших тетрадей (в пол-листа) с выписками, сделанными Невоструевым в провинциальных архивах (в частности, списки 2198 грамот Симбирска, отказных и крепостных книг XVII–XVIII вв., столбцов Курмышского уездного суда, дел Сызранской воеводской канцелярии); 28 тетрадей (до 150 листов) с выписками из центральных архивов, 21 тетрадь с описаниями монастырей; черновая рукопись «Историческое описание Симбирска от основания его»²⁶.

Большая часть этого уникального собрания была утрачена в советское время. Сравнивая данную опись с содержимым различных архивохранилищ

Ульяновска, легко представить размер потерь. Так, в личном фонде К.И. Невоструева ГАУО сохранились всего 16 тетрадей (в четверть листа) черновых и подготовленных к печати описаний монастырей и пустыней Симбирской епархии, а также одна тетрадь с выписками из писцовой книги Казанского уезда. Из 28 тетрадей с выписками, сделанными в центральных архивах, в фондах Ульяновского областного краеведческого музея удалось найти лишь три (под номерами VIII, XII и XIII), а также тетрадь, содержащую предметный указатель к выпискам.

Попробуем восстановить события, которые привели к такому состоянию симбирского архива Невоструева. После декрета 1918 г. о централизации архивного дела в стране большинство симбирских архивохранилищ объединили, разбором документов занималась архивная секция губернского отдела народного образования. В отчете о ее деятельности за первую половину 1919 г. среди наиболее ценных материалов упомянут архив Покровского монастыря, который «заключает в себе 19 столпов собранных профессором Невоструевым древних актов, касающихся монастырей и церковей Симбирской епархии»²⁷. В другом отчете сообщается, что архивная секция уже разбирает и описывает «найденный в бывшей духовной семинарии архив профессора Невоструева» и ввиду важности документов из этого архива (в частности, материалы, относящиеся к Пугачевскому бунту) предполагается их публикация в первом выпуске трудов Симбирского пролетарского университета²⁸. Однако издания не последовало, а уже в 1922 г. при передаче дел выяснилось, что после отъезда предыдущего директора Симбирского архива в Москву в августе того же года не обнаружен ряд дел, среди которых: «Сказание и описание св. мощей Вассиана», «Расходная книга Алатырской избы 7203 г.», папка с документами о Пугачевском бунте и др.²⁹ Сопоставив название дел с описью А.И. Соловьева: «Отдел I. Подлинники акты и старинные копии. VI. Книги в переплетах: 1. Книга Алатырской приказной избы [7]203 (1695) года...³⁰ 5. Книга в кожаном переплете... Сказание об обретении мощей инока Вассиана³¹; Отдел IV. Копии с актов губернских и уездных архивов Симбирской губернии (где были материалы, относящиеся к истории Пугачевского бунта)»³², легко увидеть, что недостающие дела входили в собрание К.И. Невоструева.

Очевидно, часть архива ученого могла погибнуть в 1920-е гг. в ходе неоднократных перемещений (из библиотеки духовной семинарии – в дом купца Шатрова, затем в архиерейский дом, Германовскую церковь), ведь при каждом переезде происходили неизбежные потери. Так, в отчете за март 1921 г. сообщалось, что «при перевозке из дома б. Шатрова в канцелярию губархива утерян или похищен 4-й столп Покровского монастыря, частично описанный в мст. сотрудником губархива П.Л. Мартыновым. О пропаже сообщалось в местной газете, однако никаких результатов это до сего времени не дало»³³.

По мере работы с документами ГАУО возникло предположение, что многие материалы невостревского архива оказались рассредоточены по другим фондам. Его описание в 1920-е гг. проводили разные люди, которые довольно часто менялись. Заметим, что в то время в областном госархиве уже не было специалистов, способных оценить значение полной невостревской коллекции³⁴. Мы обратили внимание на фонд Симбирской ГУАК, в котором находится несколько десятков единиц хранения, по названиям

схожих с входившими в собрание Невоструева материалами. В частности, это дело по Пугачевскому бунту³⁵, где обнаружены документы, совпадающие с описанием Соловьева³⁶. К сожалению, никаких невоструевских помет на этих листах нет, однако на многих документах имеются карандашные записи М.Беляева – «копия снята М.Б.», что говорит о рассмотрении их губархивом в 1919–1921 гг. (о чем и сообщалось в приведенных отчетах архивной секции о разборе невоструевского собрания). Поскольку в те годы архив Симбирской ГУАК еще не поступил в распоряжение губархива, можно допустить, что дела попали в данный фонд гораздо позднее, т.е. когда уже происходило перераспределение дел внутри фондов ГАУО.

При дальнейшем изучении документов Симбирской ГУАК удалось обнаружить еще несколько дел из коллекции Невоструева. Это документы Алатырского Троицкого монастыря (четыре явочные челобитные 1718 г., подрядная запись монастырских крестьян 1728 г., подтверждающая грамота 1752 г., грамота об исследовании данной монастырю в 1683 г. земли при реке Суре)³⁷, Сызранского Вознесенского монастыря – «Сборник древних рукописей»³⁸ и документы XVII в. на церковную землю с. Чеботаевки (Бунинского уезда), относящиеся к разделу невоструевского собрания «Подлинные акты церквей Симбирской и Самарской епархии»³⁹.

Таким образом, есть надежда, что так же, как в свое время тетради Невоструева почти случайно были найдены П.П. Неболюбовым в библиотеке семинарии, другие части этого уникального собрания когда-нибудь вновь обнаружат в неожиданном месте.

¹ О биографии Невоструева см. подробнее: Барсов Е.В. К.И. Невоструев // Русский архив. 1873. Т. 1. С. 846–859; Свящ. Баратынский А. Памяти К.И. Невоструева // Православное обозрение. 1873. С. 194–197; Неболюбов П. Капитан Иванович Невоструев (биографический очерк) // Сборник, посвященный 10-летию Симбирской губернской ученой архивной комиссии. Симбирск, 1905; Андреев Вл. К.И. Невоструев (биографический очерк) // Русская старина. 1908. № 1–2. С. 97–110, 367–392; Архимандрит Провсирин И. Капитан Иванович Невоструев и его исследования // Мстиславова Евангелие XII века: Исследования. М., 1997. С. 650–659 (в этой статье приводится список опубликованных и рукописных работ Невоструева из ОР РГБ).

² «Филарет начал новую эру в академической науке. Он стал читать лекции по-русски, а не на латинском языке... первый выступил с новыми для русского богословия приемами – критикой источников, филологическим анализом, с историей догматов веры и полемикой

с противоположными взглядами и учениями» (Андреев Вл. Указ. соч. С. 103).

³ С 1839 г. – ординарный профессор.

⁴ Андреев Вл. Указ. соч. С. 103.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ См.: Описание Симбирского Спасского девичьего монастыря. М., 1855; О начале Алатырского Киево-Николаевского монастыря. М., 1866; Историческое описание бывших в г. Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867; Описание Кашпирского Благовещенского Симеонова монастыря // Археологический вестник. 1868; Описание Симбирского Покровского монастыря, что ныне архиерейский дом // Симбирские губернские ведомости. 1870; Симбирский сборник. 1870; О бывшей Симбирской Соловецкой пустыни; О бывшем Симбирском Успенском монастыре // Там же. Кроме того, ряд материалов по истории Сызранского Вознесенского монастыря был включен в заметку Невоструева «Сведения о построении города Сызрани» (Журнал Министерства внутренних дел. 1849. XXVIII. С. 473).

⁷ Андреев Вл. Указ. соч. С. 108.

⁸ Там же. С. 108–109.

⁹ Из письма в редакцию «Самарских епархиальных ведомостей» / Приложение к «Историческому описанию бывших в г. Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей», составленному К. Невоструевым. С. 1–3.

¹⁰ Св. Синод, «вполне разделяя изложенные в представлении Преосвященного митрополита Московского Филарета соображения о необходимости и пользе неотложного составления полного ученого описания славянских рукописей, хранящихся в Синодальной библиотеке в Москве», 19–28 июля определил: 1) «Составление сего описания по предначертанному Преосвященным митрополитом плану поручить профессору исторических наук в Московской духовной академии Александру Горскому, по сознанной Преосвященным способности и готовности его к сему труду; 2) в сотрудники Горскому назначить профессора Симбирской семинарии Капитона Невоструева, также известного Преосвященному митрополиту по своему расположению и способности к археологическим занятиям. Для сего освободить Невоструева от профессорских занятий по семинарии, вызвать его в Москву и обеспечить в средствах к содержанию при исполнении возлагаемого на него поручения...» (Синодальный указ от 30 июля 1849 г. // Небользов П. Указ. соч. С. 72–73).

¹¹ Вознесенский. Г. О заслугах протоиерея А.В. Горского для науки // Богословский вестник. 1900. Ноябрь. С. 453–455.

¹² Цит. по: Барсов Е.В. Указ. соч. С. 858.

¹³ Там же. С. 846.

¹⁴ Там же. С. 847.

¹⁵ См.: Поучение митрополита Алексия // Душеполезное чтение. 1861. Т. 1; Житие Иосифа Волоколамского. М., 1865; Древнерусские поучения об иноческой жизни // Там же. 1866; Слово Св. Ипполита об антихристе в древнем славянском переводе по списку XII в. М., 1868; и др.

¹⁶ Душеполезное чтение. 1872. Т. 3. С. 463.

¹⁷ Как пишет в предисловии сам Соловьев: «описания монастырей и пустынь составлены главным образом на основании документов, собранных в подлинниках и в копиях неутомимейшим тружеником науки, покойным археологом Капитоном Ивановичем Невоструевым, и частью обработанных им» (Соловьев А. Упраздненные монастыри и пустыни Симбирской епархии. Симбирск, 1909. С. 1). В издании включены материалы по 21 монастырю и пустыни, существовавших в XVIII столетии на пространстве Симбирской епархии: в Курмыше – Рождественский мужской и Троицкий женский монастыри; в Курмышском уезде – Николаевская Медянская пустынь; в Алатыре – Троицкий мужской, Старо-Николаевский и Киево-Николаевский женские монастыри; в Алатырском уезде – Духовская пустынь близ Алатыря, Николаевская Городищенская и Казанская Пичерская пустыни близ с. Промзино Городище (ныне п. Сурское), Преображенская Старцеуловская пустынь близ с. Большого Талызина, Покровская Иваньковская пустынь близ с. Порецкого, Николаевская Борковкая пустынь близ с. Барышская Слобода; в Симбирске – Успенский и Покровский мужские и Спасский женский монастыри; в Симбирском уезде – Соловецкая пустынь; в Сызрани – Вознесенский мужской и Богородицкий женский монастыри; в Сызранском уезде – Кашпирский Благовещенский монастырь; в Карсуне – Преображенский монастырь; в Карсунском уезде – Жадовская Казанская пустынь. Все эти монастыри и пустыни, кроме Симбирского Успенского, закрытого в 1724 г., существовали до 1764 г. Во время проводившейся Екатериной II секуляризации четыре из них – алатырские Троицкий и Киево-Николаевский и симбирские Покровский и Спасский были зачислены в штат, Сызранский Вознесенский монастырь оставлен в качестве заштатного, а все прочие закрыты. Из закрытых пустыней впоследствии были восстановлены в 1796 г. Алатырская Духовская и в 1845 г. Жадовская Богородицкая (закрыта в 1930 г. и затем вновь открыта в 1996 г.).

18 Значительная часть рукописей К.И. Невоструева находится в ОР РГБ, часть хранится в Государственном архиве Ульяновской области, часть – в фондах Ульяновского областного краеведческого музея, в ОР РНБ, а также в отделе редких книг Ульяновской областной научной библиотеки есть книги с автографом Невоструева. Три тетради Невоструева 1848 и 1849 гг. с этнографическим описанием трех мордовских сел Симбирской губернии хранятся в архиве Русского Географического общества (С.-Петербург). П.П. Неболюбов в своем очерке указывал, что «библиотека и часть рукописей К.И. (в числе 2849), согласно его завещанию, поступили в Московскую духовную академию (там же должна находиться и уникальная по объему переписка А.В. Горского с К.И. Невоструевым – более 500 писем А.В. Горского и около 650 писем Невоструева с 1840 до 1872 г.); рукописи, вероятно, имевшие отношение (по содержанию) к Московской епархии, переданы в Московскую епархиальную библиотеку, а остальные, оставшиеся, – к другим епархиям, в том числе Вятской и Симбирской, пересланы были в эти епархии. Довольно богатая коллекция древностей Ананьинского могильника, принадлежавшая К.И., перешла, по его завещанию, в музей древностей Московского археологического общества. Сюда входили: коллекция древних монет – греческих, римских, восточных и русских и медалей, всего 571 экземпляр, медные кресты, старинные серебряные ложки, оружие, украшения, вещи домашнего быта, символы и амулеты, принадлежности конской сбруи, кремневые вещи; сюда же завещан был и здесь хранится дорогой для К.И. "Ананьинский камень" с изображением Геродотова скифа, раздробленный на семь частей» (Неболюбов П. Указ. соч. С. 100).

19 См.: ГАУО. Ф. 134. Оп. 8. Д. 241 – «Дело о духовном завещании покойного профессора Московской духовной семинарии Капитона Ивановича Невоструева».

20 Там же.

21 Там же.

22 Епископа Дионисия связывала многолетняя дружба с К.И. Невоструевым. Об этом см.: Барсуков И.П. Капитон Иванович Невоструев в письмах к ректору Якутской семинарии Дмитрию Васильевичу Хитрову, впоследствии Дионисию, епископу Якутскому и Вилюйскому (1850–1871). СПб., 1903.

23 Соловьев А.И. Указ. соч. С. X.

24 Там же. С. XVI.

25 ГАУО. Ф. 720. Оп. 1. Д. 27.

26 Там же.

27 Там же. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 3. Л. 132–135. Из 19 «столпов» Покровского монастыря, собранных в свое время Невоструевым, осталось только 15.

28 Там же. Д. 10. Л. 67–68.

29 Там же. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 7.

30 Там же. Ф. 720. Оп. 1. Д. 27. Л. 11 об.

31 Там же. Л. 13.

32 Там же. Л. 26–26 об.

33 Там же. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 4. Л. 17 об., вставка № 2.

34 Характерен в этом отношении фрагмент из доклада секретаря Средне-Волжского краевого архивного бюро Жукова: «В смысле обеспечения архивных органов научными работниками, из бывших губернских городов в самом плачевном положении Ульяновск. В Пензе имеется ученый архивист (один на весь город! – В.Г.), в Оренбурге – научный сотрудник, а в Ульяновске ни одного...» (Бюллетень Средне-Волжского краевого архивного бюро. 1930. № 9. Февраль. С. 16). Причина такого бедственного положения была традиционной, т.е. финансовой, и это несмотря на постановление ВЦИКа от 16.07.1928 г. за подписью М.И. Калинина «Об улучшении постановки архивного дела на местах», где прямо предписывалось: «...центральным исполнительным комитетам выработать и утвердить штаты местных архивных органов... Принимая во внимание крайне низкую оплату архивных работников на местах, предложить центральным исполнительным комитетам автономных республик и местным исполнительным комитетам принять меры к повышению уровня заработной платы работников местных архивных органов до средней заработной платы работни-

ков других местных советских учреждений». (Там же. 1929. № 5. Февраль. С. 3–7.)

³⁵ ГАУО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 455.

³⁶ Там же. Л. 18 – «Ордер Самарскому коменданту Молоствову», Л. 19–22 – «Указы из Симбирской провинциальной канцелярии в Самарское комиссариатство о Пугачеве», Л. 27 – «Указ Оренбургской секретной комиссии Самарскому коменданту о взбунтовавшихся калмыках», Л. 28 – «Указ из Оренбургской губернской канцелярии в Ставропольскую канцелярию о поимке Пугачева», Л. 37 – «Указ Святейшего Синода оренбургскому губернатору Рейнсдорпу о наказании свя-

щенников, перешедших на сторону Пугачева», Л. 43 – «От графа Панина в Ставропольскую канцелярию с требованием донесения об убийствах Пугачева и его шайки», Л. 44 – «От Оренбургского губернатора Рейнсдорпа в Ставропольскую канцелярию о выплатах разоренным дворянам и чиновникам награждения пожертвованных императрицей деньгами», Л. 45–47 – «Указ из Оренбургской губернской канцелярии в Самарскую комендантскую канцелярию о совершении казни над соучастниками Пугачева».

³⁷ Там же. Д. 131, 298.

³⁸ Там же. Д. 446.

³⁹ Там же.

В фондах российских архивов

С.П. Синельников

Церковно-приходские летописи конца XIX – начала XX в. в Госархиве Волгоградской области

Впервые в новейшей отечественной историографии вопрос о церковно-приходских летописях как ценных источниках по истории России не только о церковной жизни поставили в 1996 г. исследователи из Вологды (Г.М. Чебыкина) и Кирова (Н.Г. Братчикова)¹. Отдельным летописям посвящены более поздние публикации, в которых отмечены высокая степень информационной отдачи этих источников, целесообразность использования их в этнографических исследованиях и при изучении революционно-освободительного движения².

Из числа летописей, созданных на территории Донского края³, более других известна летопись Христо-Рождественской церкви станицы Урюпинской. Ее автор священник П.Протопопов не считал себя обязанным строго следовать правилам летописания и тем не менее достиг поставленной цели – ярко и почти беспристрастно показал события и людей своей эпохи. К данной летописи обращались журналист Ю.Беледин, архивист Т.Судник, однако следует заметить, что вынесенные ими в заголовки статей слова («что было, то было»; «да погибнет насилие»)⁴, в летописи отсутствуют. В данном случае журналистско-публицистическая тенденция перевесила объективность. Практически полностью, с незначительными сокращениями (статистических сведений годовых показателей), эта летопись опубликована в журнале «Волга» в 2000 г.⁵

В 2002 г. фрагменты летописи Христо-Рождественской церкви станицы Урюпинской вошли в сборник, изданный Волгоградским государственным университетом. Вызывает сожаление множество ошибок (в архивном шифре, названии летописи и т. д.) и чрезмерное число текстуальных примечаний («так в документе»). Видимо, публикатор не был знаком с более ранним изданием летописи и комментариями к ней⁶.

Среди обязательных церковных книг (метрические и исповедные, братских доходов, обыска брачного, прихода и расхода денежных средств), а также носивших служебный, статистическо-информационный, регистрационный и учетно-официальный характер клировых ведомостей, описей церковного имущества, церковные летописи – совершенно особое явление. Они появились относительно поздно (во второй половине XIX в.), и их «исправное составление» требовало от священнослужителей особого усердия и усилий, знаний, грамотности, наблюдательности и, наконец, большой ответственности.

Начало церковно-приходского летописания в России было положено в 1865 г., инициатором выступила Оренбургская епархия. Св. Синод поддержал это полезное и важное дело и 12 октября 1866 г. своим указом поставил перед епархиальными начальниками вопрос о возможности и желательности ведения церковных летописей⁷. В журнале «Духовная Беседа» за 1866 г. появилась статья о составлении летописей при церквях Оренбургской епархии, где подробно давалась история церковного летописания, содержались объяснения и побудительные мотивы к нему: «Летопись приходской церкви может заключать в себе большой интерес для будущего времени, и частный, и общий. Будущим членам каждой приходской церкви и причту, и прихожанам весьма интересно будет знать о прошедших днях своей приходской церкви и прихода, и они будут почерпать из летописи ее немало пользы для себя и поучительности. С другой стороны, приходские летописи, в совокупности взятые, могут служить важным пособием и для будущего историка православной церкви Русского царства... Таким образом, приходские летописи эти могут послужить с течением времени богатым материалом вообще для истории Церкви и Отечества»⁸.

В широко известном священнослужителям журнале «Руководство для сельских пастырей», издаваемом при Киевской духовной академии, им рекомендовали не в ущерб основной деятельности упражняться в сочинениях и тщательном ведении церковно-приходских летописей, тогда еще только входивших в обиход, подчеркивали, что «одним из наиболее приличных и полезных для пастыря родов сочинений есть ведение церковно-приходской летописи, т.е. записывание по годам всех важнейших событий, касающихся храма, причта и прихожан... О чем писать в церковно-приходской летописи, как и по какому плану, это обстоятельство изложено в предложении архиепископа Варлаама (бывшего Оренбургского, ныне Черниговского), данном в 1866 г. Оренбургской консисторией»⁹. Предложения и рекомендации оренбургского архиерея напечатаны в том же журнале в 1867 г.¹⁰

Епархиальные архиереи откликнулись на это пожелание Синода и во исполнение указа распорядились ввести церковное летописание на своей территории. Так, Донская духовная консистория 24 марта 1867 г. через благочинных обязала духовенство завести такие же летописи при церквях епархии по всем правилам, изложенным в вышеназванной статье, приложенной

к предписанию. Однако по различным причинам (новое и непосильное для священников дело встречало непреодолимые препятствия, а порой и сознательное торможение) повсеместного составления приходских летописей в Донской епархии не получилось. Требовались дополнительные разъяснения по ведению летописей, их содержанию и оформлению. В духовных журналах и церковных изданиях с этой целью помещали соответствующие руководства. Примером могут служить опубликованные в календаре «Церковно-общественного вестника» за 1879 г. «Правила: как вести церковно-приходские летописи»¹¹.

Вновь вопрос о составлении летописей в церквях Донской епархии встал в связи с посещением епархии в 1895 г. архиепископом Донским и Новочеркасским Афанасием (Пархомовичем). По его указанию благочинные распорядились об обязательном ведении летописей и снова изложили правила. Сохранилось подобное распоряжение урюпинского благочинного Петра Тугорского причтам церквей от 20 ноября 1895 г.¹² 15 января 1902 г. последовало повторное распоряжение Донской духовной консистории с напоминанием о статье 1866 г.

Итак, сегодня известны три варианта Правил ведения церковно-приходских летописей, определяющих их форму и содержание: первый, опубликованный в журнале «Духовная Беседа» за 1866 г.; второй – в календаре «Церковно-общественного вестника» за 1879 г.; третий приведен в распоряжении урюпинского благочинного 1895 г.¹³ В них с разной степенью полноты разъясняются мотивы создания летописей, порядок их составления и оформления, содержательное наполнение с обязательными элементами, технические требования. Наиболее подробно руководство по ведению летописей изложил П.Тугорский. В структуре летописи – два крупных раздела: историческая часть (описание истории храма и прихода), которая составлялась один раз, но могла дополняться, и текущая часть (содержала сведения о церкви или храме, священнослужителях, приходе и прихожанах, явлениях и событиях в приходе, выходящие из ряда обыкновенного, общие выводы в конце года).

Заметим, что правила, как расширенный вопросник, всеохватны в плане изучения и описания прихода и храма, что облегчало практическое летописание для священников и позволяло им сверять излагаемый материал с Правилами, корректировать записи.

П. Тугорский в своем распоряжении предложил вносить в летопись все без исключения важные местные события, в том числе сведения о том, «нет ли в храме особенно замечательных предметов, например: особо почитаемых древних икон, замечательных древностей и ценности церковных сосудов, риз на иконах, облачений, книг и т.п.; не существует ли местных крестных ходов и особенных общественных молений, кроме обычных, повсюду совершаемых, когда и по какому случаю начались они; нет ли в приходе часовен и по какому случаю они построены; сведения о старых и новых кладбищах и замечательных лицах, на них похороненных; о причте церкви с основания ее до настоящего времени, каким он пользовался содержанием; о подцерковных домах, когда и кем они устроены; об училищах, когда и кем устроены, сколько в них было учащихся и средства содержания их; о церковных библиотеках, попечительствах и других благотворительных учреждениях; кем основана станица, слобода, хутор, давно ли занимает настоящее

место, из каких селений прежде состоял приход и теперь состоит; о числе раскольников и сектантов, нет ли у них моленных домов; о замечательных местностях в приходе, предание о них; о станичных, волостных и других общественных управлениях в приходе, давно ли существуют и какими поселениями заведуют»¹⁴.

Содержание летописи Урюпинский благочинный рекомендовал разделить на четыре блока, посвященных самому храму, его служителям, прихожанам и явлениям особого рода: «а) О церкви или храме: освящение вновь престолов или перемена св. антиминов на новые; значительные перестройки в храме, возобновление иконостаса, приобретение церковных ценных вещей с обозначением стоимости их и жертвователей; о церковных библиотеках – какие книги вновь приобретены; о церковных попечительствах – средства их деятельности; несчастные случаи, каковы: похищения, пожар, повреждение от грозы и т.п.; посещение церкви архипастырями или другими высокопоставленными лицами духовного и светского звания и т.д.

б) О священно-церковнослужителях и церковных старостах: имена и фамилии их, продолжительность их службы при настоящей церкви, перемещения членов причта с обозначением причин перемещений; их происхождение, образование, с указанием на послужные списки; материальная обеспеченность членов причта.

в) О приходе и прихожанах: степень усердия их к церковному богослужению, к чтению и слушанию душевспасительных книг, к поминовению усопших, к отправлению молебнов и вообще к делам благочестия; случаи совращения православных в раскол, при каких обстоятельствах произошли они; случаи обращения в православие из язычества и разных сект; замечательные случаи выражения любви и благодарности к Богу, любви к ближним, любви и преданности к Государю и Отечеству; открытие благотворительных общественных учреждений; грамотность, расположение к ней или предубеждение против нее, церковные школы и влияние их на прихожан, школы министерские и земские, число учащихся в тех и других и средства содержания; суеверия; общие наклонности к порокам; занятия и промыслы прихожан, коими они преимущественно снискивают себе пропитание; их материальная обеспеченность и прочее тому подобное.

г) Всякого рода события и явления, выходящие из ряда обыкновенных, например: знамения особого Промысла Божия о людях и небесного покровительства, случаи редкого долголетия, чрезвычайные явления в природе, затмения солнца и луны, метеоры, кометы, сильные бури и грозы с их последствиями, градобития, пожары, засухи, слишком сильные дожди и разлитие рек, наводнения, обильные урожаи и неурожаи, эпидемические болезни, падежи скота и проч. т.п.»¹⁵.

Один из пунктов программы, особо ценный для историка, гласил: «Вообще в летописи записывать все, что, по мнению составителей, с течением времени могло бы послужить материалом для истории Церкви и Отечества». Ведение летописи возлагалось «на всех членов причта, но главным руководителем и ответственным лицом должен быть священник, без согласия которого и просмотра вчерне ничто не должно быть вносимо в летописи». Особо оговаривались в Правилах стиль, язык и форма подачи материала. «Излагать летопись сколько можно яснее и проще, без всякой изысканности в слог, таким языком и слогом, кто каким владеет и говорит. При этом

вносить в оную одни только факты, а где возможно и прилично, то и причины оных, но пишущий не должен присовокуплять к тому собственных размышлений и чувствований по поводу излагаемого им»¹⁶.

Вот развернутая программа исследования, тщательности, всеохватности которой не может не позавидовать современный историк! Приходскому духовенству надлежало стать не только историками Церкви, но и краеведами. Тому способствовали гуманитарная нацеленность полученного образования, позволявшего умело исполнять возложенные на него функции по регистрации происходивших в приходе рождений, браков, смертей, наличие в приходской церкви архива – все это делало приходского священнослужителя сельским историком, влияло на его мировоззрение, круг занятий. Близость и сопричастность ко всем крестьянским праздникам превращала летописца в определенной мере и в этнографа, превосходно знавшего местные обычаи и обряды. Поэтому в определенном смысле справедливы слова «русское православное духовенство было потенциально сословием историков»¹⁷.

В фондах Государственного архива Волгоградской области (ГАВО) среди имеющихся в наличии дел по 79 церквям трех округов (Хоперского, Усть-Медведицкого и 2-го Донского) бывшей Донской области и епархии сохранились церковно-приходские летописи всего лишь 11 храмов¹⁸. Еще одна летопись относится к Николаевской церкви села Иловатый Ерик Новоузенского уезда Самарской губернии и епархии¹⁹. Большая часть летописей не сохранилась и утрачена в советское время, а в некоторых отдаленных и глухих приходах, возможно, летописи не велись.

Правда, постепенно выявляются и новые летописи. Так, благодаря помощи сотрудников архива УФСБ РФ по Волгоградской области обнаружена и изучена летопись Пантелеймоновской церкви хутора Летонского Усть-Медведицкого округа, составленная священником А.К. Чечко. Она была приобщена к делу, возбужденному против священника по ст. 59¹¹ УК РСФСР (летопись доведена до 1929 г., и в ней дана оценка происходившим в то время событиям, показаны настроения крестьян и их возмущение политикой советской власти в конце 1920-х гг.)²⁰.

Одной из причин плохой сохранности церковно-приходских летописей как части церковных фондов является то, что Госархив Волгоградской (Сталинградской) области не был подготовлен к эвакуации в 1942 г. и его самая ценная часть – исторический архив со всеми дореволюционными фондами оставался в городе. Архив практически весь погиб во время бомбардировки города и проходивших здесь боевых действий. Лишь немногие летописи чудом сохранились потому, что часть документов находилась в Урюпинском районном архиве. Потеря архивных документов была катастрофической: из общего количества относимых к 1893–1942 гг. 117 580 ед. хр. погибло 116 355²¹.

Назовем наиболее содержательные и замечательные из сохранившихся источников. Это – летописи Покровской церкви слободы Даниловской (1896–1908 гг.), Кресто-Воздвиженской церкви станицы Глазуновской (1867–1913 гг.), Христо-Рождественской церкви станицы Скуришенской (1896–1916 гг.), Христо-Рождественской церкви (1913–1920 гг.) и Вознесенского собора станицы Урюпинской Хоперского округа (1896–1916 гг.).

Безусловно, ответственные за составление и тщательное ведение летописей священнослужители руководствовались инструкцией благочинного,

хотя иногда и позволяли себе перейти на дневниковую запись, дать личную оценку происходившему, выстроить материал не по хронологии, а тематически или подробнейшим образом описывать события в станице, не относившиеся напрямую к церкви, как это сделал священник Христо-Рождественской церкви станицы Урюпинской (довел летопись до 1920 г.!)²².

Если проанализировать все сохранившиеся летописи, то общая картина вполне будет соответствовать Правилам; если же рассматривать каждую летопись в отдельности, заметны огромные пробелы, отсутствуют целые блоки, предусмотренные и заданные Правилами.

Конечно, надо иметь в виду, что священники-летописцы рассматривали Правила в качестве примерного плана, ориентировочного руководства, хотя и максимально полно охватывающего многообразие вопросов, подлежащих отражению в летописи. Безусловную ценность представляет историческая часть летописей, раскрывающая историю не только церквей, но и сел, станиц и других поселений. Именно из церковных летописей истории узнают о возникновении населенных пунктов. В них рассказано о прошлом селения с момента его основания до построения здесь храма и далее – история храма, а значит и прихода.

Степень полноты изложения зависела от сохранности устных (легенды, рассказы стариков) и письменных сведений (архив церкви, исторические записки или отдельные сохранившиеся документы) о селе и храме, первых поселенцах и священнослужителях. В исторической части священник выступает как собиратель легенд, преданий, и зачастую, не имея на руках письменных документов, вынужденный доверяться рассказам старожил. Поэтому на исторические сюжеты в некоторых летописях следует смотреть лишь как на одну из версий в пересказе составителя.

При описании текущей жизни церкви и села летописец выступает уже как хроникер и регистратор событий, свидетель и очевидец, нередко является активным их участником. Но из-за близости рассматриваемого его выводы не всегда объективны.

Наибольший интерес представляют страницы летописи, где освещается деятельность внутрицерковных комитетов и учреждений: церковных и попечительских советов, церковно-приходских школ, кружков ревнителей веры и благочестия, обществ трезвости и т.д. Нашли свое место в летописях и другие немаловажные вопросы: благотворительность и пожертвования на содержание и украшение храма, экономическое положение духовенства, обрядовое и внешнее благочестие, глубина усвоения христианских истин и неуклонное соблюдение заповедей, состояние нравственности и дурные привычки прихожан, крестные ходы и особая ревность к почитанию икон. И наконец, в церковно-приходских летописях задолго до 1917 г. ставится проблема возрождения приходской жизни, так сильно волновавшая духовенство и прихожан.

Очень обстоятельно описаны эпизоды самых разнообразных событий. Богатейший материал летописей позволяет приоткрыть область самосознания русского народа. А некоторые летописи, без всякого преувеличения, достойны включения в корпус ценнейших литературно-исторических памятников истории Отечества и Церкви.

Практически во всех летописях имеются тщательно просчитанные годовые итоговые сведения: число прихожан мужского и женского пола (право-

славных, раскольников и сектантов в отдельности); количество совершенных за год крещений, браков, погребений; проданных в церкви свечей и огарков (в пудах); общая сумма свечной выручки (в рублях) и других сборов: кошелькового, кружечного; чистой прибыли и ее сопоставление с предыдущим годом; а также братских доходов причта. Все летописи отмечают рост из года в год показателей требоисправлений и доходов церкви.

В летописях поднимаются и остро ставятся проблемы нравственности прихожан. Ее оценки даются на основании посещения церкви, анализа поведения людей в быту, отношения к труду и семейным обязанностям, совершению молебнов и слушанию проповедей, качества работы церковных учреждений и различных форм проявления религиозной воли: участие в крестных ходах, приглашение священников на дом и т.д. В оценке нравственности прихожан и всех жителей станиц, хуторов, селений, по свидетельствам летописцев, существовали большие расхождения даже в рамках отдельно взятой летописи, и обусловлены они были следующими обстоятельствами: историческим отрезком (относительно благополучный или тяжелый год); внешними по отношению к Церкви событиями (войны, революции, чрезвычайные ситуации как общероссийского, так и местного масштаба); природно-погодными условиями (неурожай, засуха, дожди, наводнения и т.д.) Замечено, что последнее обстоятельство в значительной степени влияло на состояние нравственности.

Характер оценки нравственности прихожан зависел и от степени веры самого летописца. Так, мягкий и либеральный человек сглаживал все шероховатости и как бы не замечал их, не указывал в летописи; напротив, ревностный, исполненный глубокой веры и требовательный священник писал всю правду, в том числе и горькую, особо обращая внимание на детали.

Благочинным вменялось в обязанность периодически просматривать летописи и контролировать их ведение, да и сами епископы нередко это делали. Поэтому ведущий летопись священник мог из боязни перемещения или наказания за свое недостаточное усердие в приходе умолчать о неблагоприятных поступках прихожан, церковного клира и идеализировать окружающую его действительность. По отдельным летописям видно, как при смене священников менялось и отношение к ведению летописей.

Для подтверждения сказанного обратимся непосредственно к источникам. В России, в особенности среди казачества, остро стояла проблема страсти к потреблению спиртного. Летописец церкви хутора Беспалова Хоперского округа писал: «По причине тепла и плохой дороги на масленице не было обычного казачьего катания... Но пьянство было сильное, и казаки выпили за это время (за неделю. — С.С.) водки, по рассказу кабатчика, на 500 рублей». Для сравнения отметим, что с большим трудом в течение трех лет теми же казаками были собраны 3 тыс. рублей на колокол! Народная чайная трезвости, открытая в том же хуторе, существовала на средства ее организаторов (десяти человек, внесших вступительный взнос в размере пяти рублей каждый). Первоначальное отношение прихожан к чайной было не вполне сочувственное; затем, по мере помощи от Урюпинского окружного комитета народной трезвости, она завоевывала все большую симпатию местного населения и охотно посещалась²³.

Нравственность прихожан в оценке священнослужителей представляла весьма пеструю картину: в одной станице или хуторе рядом уживались не-

обыкновенное почитание святых икон, ревность к посещению церкви и беспробудное пьянство, другие пороки. Из летописи Тихоновской церкви хутора Беспалова Хоперского округа узнаем, что ее прихожане «вообще люди добрые, особенных выдающихся суеверий и пороков среди них не замечено. Как христиане, усердны к церкви, хотя посещение церкви бывает для большинства прихожан сопряжено, по причине восьмиверстного расстояния, с некоторыми неудобствами, в особенности в весеннюю распутицу, в осеннее дождливое время и в зимние непогоды; усердны к слушанию поучений и душеспасительных книг, к поминовению усопших, к отправлению молебнов и вообще к добрым и благочестивым делам»²⁴.

В летописи Свято-Духовской церкви хутора Верхне-Соинского Хоперского округа отмечено: «Нравственность оставляет желать много лучшего. В приходе вообще развито сутяжничество и кляузничество, пьянство и бездельничанье, как казаков, так и русских значительно, сквернословие – явление обычное, игра в карты в деньги между молодежью также практикуется, хотя не в особенно сильной степени благодаря благодетельному влиянию церкви и школы. Церковь и школа заметным образом действуют на православность и религиозность населения»²⁵.

Церковно-приходские летописи дают богатый материал для краеведения. Как правило, возникновение селений сопровождалось строительством в них храмов с запозданием в несколько десятилетий. С введением обязательного церковного летописания история села попадала сразу в поле зрения церковных летописцев, получала свое начальное осмысление и первичное описание. И если официальные информационные и статистические материалы отсутствуют, то сохранившиеся летописи могут служить важным источником для написания местной истории.

В качестве примера приведем несколько подобных описаний населенных пунктов Донской области: «Хутор Остроуховский (Усть-Медведицкого округа. – С.С.) лежит на правой стороне Хопра-реки. Расположен он на крутой обрывистой меловой горе. Самый каменный храм и упраздненное кладбище лежат на самом обрыве горы... Жители хутора прежде жили в старом городке и были приписаны приходом к станице Кумылге Хоперского округа. Когда река Хопер стала заливать Зимовную, т.е. старый городок, то жители его перешли на правую сторону р. Хопра и выстроили свою деревянную церковь, каковая существовала до постройки теперь существующего каменного храма. Деревянную же церковь продали в слободу Чистякову на р. Чир Усть-Медведицкого округа»²⁶.

Летопись указывает на татарские корни в истории станицы Скуришенской: «Скуришенская станица находится на правой стороне р. Медведицы; расположена она на прекрасном равнинном месте; от окружной станицы отстоит в 40 верстах. Первоначально станица находилась на левой стороне реки, при устье речки Скурихи, на острове, который в весеннее время затоплялся водою. Это обстоятельство заставило станицу перейти на настоящее место в 1815 г. Место прежнего ее поселения теперь называется “Старая станица”. Станица основана до 1636 г. Первыми ее основателями были граждане Зотовской станицы Федор и Иван Шабровы и некоторые из жителей Кумылженской станицы; эти лица, присоединяясь к татарину Искурату, жившему с семейством на острове между р. Медведицей и притоком ее Скурихою, сделали здесь “зимовье”. Сын же Ивана

Шаброва Никифор собрал охотников и основал постоянное селение, получившее потом свое название Скуришенской станицы, от р. Скурихи. А речка Скуриха получила наименование от первого при ней жителя татарина Искурата, и уже впоследствии название это было испорчено: вместо "Искурата" – "Скуриха"»²⁷.

А данные летописи Покровской церкви слободы Даниловки заставляют если не по-новому, то хотя бы критически отнестись к общепринятой точке зрения на основание этого поселения Данилой Ефремовым²⁸. «Прихожане Даниловской Покровской церкви исключительно малороссияне – выходцы из Украины. По словам Андрея Лукича Мордовцева, переселение состоялось при следующих обстоятельствах. Прадед его, Иван Власов Мордовцев, богатый малороссийский сотник, был друг Мазепы, и когда Мазепа предался на сторону шведского короля Карла XII, Иван Мордовцев последовал за ним. От Мордовцева осталось трое сыновей... младший Андрей Иванович, по уничтожении Запорожской Сечи с некоторыми земляками переселился на Медведицу в Войско Донское. Вот эти выходцы и основали Даниловку. Первоначально они были вольные казаки. Но вскоре они были запрещены.

Богатый московский купец Ефремов прибыл на Дон и казаками был выбран в наказные атаманы. Во время представления своего императрице Екатерине II он просил о наделении его землей по Медведице, между прочим, он заявил, что земли эти никем не заселены; на самом же деле они были заселены выходцами из Украины. Просьба его была уважена, и Ефремов сделался обладателем не только земли, но и живущих на ней вольных казаков. Название свое слобода получила от имени одного из первых ее владельцев»²⁹. Летописец ошибочно относит последнее событие ко времени царствования Екатерины II. На самом деле это случилось при императрице Елизавете Петровне.

Не последнее место занимает в летописях деятельность церковно-приходских школ и училищ. Старейшей на Дону была церковно-приходская школа в слободе Даниловке, образованная ранее 1837 г. Учителем в ней священники и члены причта. Незатейливая школьная программа излагалась так: «Обучать чтению церковной и гражданской печати, а желающих и письму, на память молитву Господню, Символ [Веры], 10 заповедей, стих Богородице «Дева, радуйся», к чему учащий присовокупит самое краткое и простейшее изъяснение оных из катехизиса и главнейшие сказания в виде разговоров по времени и случаям, возобновляемым без школьной принужденности и буквального вытверживания наизусть; оказавшим в церковном чтении успехи в праздничные дни давать в церкви место на клиросе, приохочивать их к церковному пению и, по возможности, употреблять к церковному чтению, дабы очевидность успехов их служила в утешение родителей и поощряла прочих к учению. Метод обучения зависел от учащихся, но самый главный способ, к которому прибегали учащие для достижения легкости обучения, была розга: она отвечала за непонимание учащихся и учащихся»³⁰.

Несмотря на простую программу и несовершенство обучения, Даниловская церковная школа дала русскому обществу таких замечательных людей, как писатель Д.Л. Мордовцев, его брат А.Л. Мордовцев, потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, бывший городской голова г. Росто-

ва-на-Дону, известный своею благотворительностью, художник Ткаченков, много духовных лиц³¹.

Священник Христо-Рождественской церкви станицы Урюпинской П.Протопопов специально изучал историю церковно-приходской школы при храме. Помимо очерка, написанного и опубликованного им 12 января 1911 г. в «Донских епархиальных ведомостях» к 25-летию школы, священник с завидным усердием дополнительно собирал материал в канцелярии Донской духовной консистории о Христо-Рождественской школе³². П.Протопопов описал историю основания, обустройства и работы этого учебного заведения, ставшего в некотором роде образцово-показательным на Дону. Школа открылась в 1886 г., когда в Урюпинской было лишь одно приходское училище Министерства народного просвещения, явно не справлявшееся с образовательно-воспитательными задачами.

«Основателем школы явился весьма почтенный в то время (25 лет назад) деятель, умный и сердечный пастырь, законоучитель реального училища, теперь покойный священник Иван Андреевич Ледковский. До сего времени в станице Урюпинской жива любовь к нему, и теперь еще, вспоминая о нем, многие из местных жителей говорят: “Это был наш учитель”. Ему и принадлежала инициатива открытия школы. С кафедры он однажды обратился к детям с такою речью: “Будет вам все шалить да играть на улицах. Давайте учиться; откроется школа, приходите и займитесь”... Для совершення богослужений в школе по фасаду здания устроена выступающая полукругом часовня, украшенная внутри иконостасом с прекрасно написанными иконами. Эта особенность школьного здания показывает, что устроители его были именно озабочены тем, чтобы школа была как бы преддверием к храму, этому великому училищу благочестия. Увенчанный Св. Крестом купол на часовне придавал и всей школе вид молитвенного дома»³³.

Из года в год расходы на школу возрастали: если в 1900 г. на нее было истрачено 50 руб., то в 1910 г. – уже 815 руб. В учебно-воспитательном плане школа сослужила огромную службу местному населению: каждый год через нее проходили десятки и даже сотни детей. Если в год основания обучались 68 детей, то в 1910 г. – 225.

Не ограничиваясь обучением и воспитанием детей, школа оказывала влияние и на взрослое население. Действовавшая при школе народная библиотека с читальней располагала богатым собранием книг – богословских и нравоучительных, сочинений русских писателей и исторического содержания, всего 650 названий. В определенные дни недели библиотека была открыта для всех желающих. Еще с 1893 г. при библиотеке организовывались чтения для станичников, обычно сопровождавшиеся световыми картинами и пением хора³⁴.

Необходимость обращения к церковно-приходским летописям сегодня обусловлена не только их широкой тематической палитрой и глубиной содержания, но также и тем, что это не сухие отчеты чиновников о деятельности церкви и состоянии прихода, а живые документы эпохи, пренебречь которыми было бы неразумно и неблагодарно.

Тексты, составленные священниками-летописцами, требуют осмысления: характеризуя нравы, привычки, обычаи, традиции и устроения современников, они отвечают на аксиологический вопрос: что в изучаемое время почиталось за достойное и лучшее, а что осуждалось и порицалось.

В данных источниках любознательный читатель, памятующий о прошлом, найдет для себя много неожиданного. Историк Церкви (войны, казачества), исследователь сознания и самосознания русского народа, литературовед и писатель обнаружат богатейшую информацию свидетеля-очевидца – участника событий эпохи и его размышления. Наконец, и священнослужитель приобретет некоторый положительный опыт, прочувствовав вместе с автором описываемые им годы. В связи с этим возникает и мысль о том, что замечательным было бы возобновление летописания в приходах.

Сегодня настоятели храмов, конечно же, занимаются по мере сил и способностей историческими разысканиями. И некоторые священники даже издают брошюры по истории их возникновения и деятельности. Однако усилия эти стихийны и неорганизованны.

Есть твердая уверенность и убеждение в том, что указанный корпус источников далеко не исчерпан и исследователи находятся только в начале пути: их ожидают неожиданные открытия. Церковно-приходские летописи могут быть обнаружены в государственных и муниципальных архивохранилищах, среди документов архивов ФСБ, в частных собраниях. С целью повышения информационной и объективной отдачи необходима и специальная методика их обработки, изучения и публикации.

И, наконец, последнее. История получает свое осмысление в оценках, суждениях, умонастроениях, мнениях, объяснениях людей. Нельзя допустить, чтобы история замолчала: это исказит ее. Поэтому необходимо публиковать церковно-приходские летописи после их критического анализа, что послужит «озвучанию» истории и позволить ей избежать немоты.

¹ *Чебыкина Г.М.* Церковно-приходское летописание в Устюжском крае во второй половине XIX – начале XX века // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца): Материалы международной конференции. Киров, 1996. Т. 1. С. 456–459; *Братчикова Н.Г.* Летопись Загарской Вознесенской церкви Вятского уезда как источник по истории родного края // Там же. С. 459–477.

² *Синельников С.П.* Иловатый Ерик: от неурожая 1891 г. до урожая 1913 г. (по страницам церковной летописи) // Духовный собеседник (Самара). 1998. № 4. С. 141–157. (Известна и более ранняя работа по летописи церкви села Иловатый Ерик: *Головкин Г.М., Шкодина Е.Н.* Из летописи села Иловатки // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1973. Выпуск 1. С. 148–149); Церковная летопись села Алгасово [церковь Рождества Богородицы Моршанского уезда Тамбовской губернии] //

Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX века: Этнографические исследования и материалы. М., 2002. С. 399–462.

³ Имеется в виду часть территории современных Волгоградской и Ростовской областей.

⁴ *Протопопов П.* «Что было, то было». (Записал Ю.Беледин) // Городские вести. 1993. 18 сентября; *Судник Т.* «Да погибнет насилие» // Отчий край. 1995. № 2. С. 115–122.

⁵ Смутное время 1913–1920 гг. глазами священника. Церковно-приходская летопись Христо-Рождественской церкви и прихода Урюпинского ярмарочного поселения, составленная священником Петром Протопоповым / Публикация, предисловие и примечания С.П. Синельникова // Волга. 2000. № 7–12 (413). С. 99–197.

⁶ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сб. документов и материалов. Каталог культовых зданий. Волгоград, 2002. С. 63–79.

⁷ *Чебыкина Г.М.* Указ. соч. С. 456; ГАВО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁸ ГАВО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁹ Домашний быт приходских пастырей // Руководство для сельских пастырей (Киев). 1869. Т. 2. № 20 (20 мая). С. 95.

¹⁰ Приходские летописи // Руководство для сельских пастырей. 1867. Т. 1. С. 100–108.

¹¹ ГАВО. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–3.

¹² Там же. Ф. И-41. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.-2.

¹³ Там же. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2; Ф. И-125. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–3.

¹⁴ Там же. Ф. И-41. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.-2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Бердинских Б.А.* Приходское духовенство в России и развитие краеведения // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 135.

¹⁸ ГАВО. Ф. И-74. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–69. Свято-Духовская церковь хутора Верхне-Соина Хоперского округа (1895–1917 гг.); Ф. И-73. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–42. Сошествия Св. Духа церковь станицы Луковской Хоперского округа (1902–1915 гг.); Ф. И-35. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–45. Тихоновская церковь хутора Беспалова станицы Михайловской Хоперского округа (1896–1915 гг.); Ф. И-49. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–18. Ильинская церковь хутора Россошинского станицы Луковской Хоперского округа (1911–1917 гг.); Ф. И-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–49. Христо-Рождественская церковь станицы Скуришенской (1896–1916 гг.); Ф. И-53. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–77. Кресто-Воздвиженская церковь станицы Глазуновской Усть-Медведицкого округа (1867–1913 гг.); Ф. И-113. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–50. Покровская церковь слободы Даниловской Усть-Медведицкого округа (1896–1908 гг.); Ф. И-112. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–24. Петро-Павловская церковь хутора Подпешен-

ского станицы Клетской Усть-Медведицкого округа (1880–1918 гг.); Ф. И-125. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–15. Преображенская церковь хутора Остроуховского Слащевской волости Усть-Медведицкого округа (1897 гг.); Ф. И-41. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–67. Вознесенский собор станицы Урюпинской Хоперского округа (1896–1916 гг.); Ф. И-78. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–169. Христо-Рождественская церковь станицы Урюпинской Хоперского округа (1913–1920 гг.). В скобках указаны годы текущей летописи.

¹⁹ ГАВО. Ф. И-163. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–93. Николаевская церковь села Иловатый Ерик Новоузенского уезда Самарской губернии (1891–1913 гг.)

²⁰ Архив УФСБ РФ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 18632. Л. 1–58. Пантелеймоновская церковь хутора Летонского Усть-Медведицкого округа (1913–1929 гг.).

²¹ ГАВО. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1892. Л. 1–2.

²² Там же. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–169.

²³ Там же. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 46. Л. 23.

²⁴ Там же. Л. 8.

²⁵ Там же. Ф. И-74. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

²⁶ Там же. И-125. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

²⁷ Там же. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.

²⁸ *Левин А.* Слобода большая и богатая... Даниловке – 250 лет // Отчий край. 1997. № 4 (16). С. 137, 140.

²⁹ ГАВО. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 36. Л. 31–32.

³⁰ Там же. Л. 5–6.

³¹ Там же. Л. 6.

³² Там же. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 7. Л. 13–15.

³³ *Свящ. П.Протопопов.* 25-летний юбилей Урюпинской Христо-Рождественской церковно-приходской школы // Донские епархиальные ведомости. 1911. № 10. С. 223–224.

³⁴ Там же. № 14. С. 340–343.

И.И. Юрганова

Документы по истории Русской православной церкви в Национальном архиве Республики Саха (Якутия)

Национальный архив Республики Саха (Якутия) является крупнейшим документальным хранилищем Северо-Восточного азиатского региона Российской Федерации, сосредоточившим более 600 тыс. ед. хр., в том числе 230 тыс. ед. хр. досоветского периода. В архиве отложился значительный комплекс документов по истории распространения и утверждения православия в Якутском крае.

Первые проповедники православия появились в Якутии после присоединения в XVII в. ее территории к Российскому государству¹. Христианизация коренного населения завершилась в основном к середине XIX в. и, согласно материалам Первой переписи населения Российской империи, 98 % жителей Якутской области считали себя православными².

В 1870 г. в области, входившей в состав Иркутского генерал-губернаторства, была образована самостоятельная Якутская епархия, в которой сложилась разветвленная сеть организаций Русской православной церкви – духовные консистория и правление, архиерейский дом, благочиния, попечительство, ревизионный комитет, комитет миссионерского общества, церковно-миссионерское Братство Христа, отдел Палестинского общества, училищный совет, духовные семинария и училище, школы и комиссии, редакция газеты «Якутские епархиальные ведомости», свечной и книжный склады и др. Учреждение епархиального управления, многообразие и многофункциональность духовных органов, строительство церквей и увеличение количества лиц духовного звания способствовали росту документооборота: так, если в 1868 г. его объем составил 1885 документов, то уже в год образования епархии – 2864 документа, в 1908 г. – 9718, в 1913 г. – 15 446 документов³.

Контроль за постановкой и ведением делопроизводства, организацией архивного хранения документов РПЦ осуществляла духовная консистория на основании устава⁴. С середины XIX в. при Якутском духовном правлении и консистории существовал архив, ежегодно пополняемый поступающими из благочиний и причтов материалами. Архиереи во время своих поездок по епархии («обозрение приходов») также обращали особое внимание на состояние церковного делопроизводства⁵.

Все это обеспечивало достаточно высокий уровень работы с документами в епархиальных учреждениях. После установления советской власти данная документация поступила в образованный в 1920 г. Якутский губернский архив. В советское время документы духовного ведомства не только не изучались и не вводились в научный оборот, но и подвергались уничтожению. По указанию партийных органов ликвидировались наиболее важные документальные свидетельства о роли и значении православия. Серьезные лакуны возникли в церковных документах заключительного периода деятельности епархиальной администрации, а также в сводных, отчетных сведениях. Так, отчеты якутских епархиальных архиереев, направленные

в Синод, имеются только в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), а в ЦГА Якутской АССР они в 1958 г. попали в отборочный список на уничтожение⁶.

Объем документов по истории РПЦ, находящихся на хранении в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), составляет свыше 70 фондов – более 20 тыс. ед. хр. с 1722 по 1924 г. Ранние документы по христианизации населения Якутского края находятся в Российском государственном архиве древних актов и филиале Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Материалы по истории православия Национального архива можно условно разделить на пять основных групп: фонды административно-судебных учреждений Якутской епархии – консистории и правления; других духовных организаций – советов, комитетов, обществ и складов; Якутского Спаского мужского монастыря; церквей и часовен; духовных учебных заведений.

Самой значительной по количеству и составу является первая группа, куда входят разнообразные документы за 1774–1919 гг., отложившиеся в деятельности якутских духовных консистории и правления. Здесь указы Синода и протоколы заседаний коллегиальных органов консистории и правления соседствуют с документами училищного совета и церквей. Тематика вопросов, рассматриваемых на заседаниях правления и консистории, охватывала все стороны жизни епархии: рукоположение в сан, составление церковных летописей, выплату ружных и прогонных (дорожных) денег, поездки епископа по епархии и итоги этих поездок, снабжение церквей духовной литературой, присоединение к православию иноверцев и др. Консистория, выступая в качестве главной епархиальной кассы, контролировала финансовое положение учреждений духовного ведомства Якутии, а также осуществляла церковный суд.

Устав консистории обязывал назначать заседания в любые дни, кроме выходных и праздничных. При этом члены присутствия Якутской консистории собирались по мере накопления вопросов и, судя по документам, довольно часто. Так, в 1870 г. на 40 заседаниях консистории был рассмотрен 71 вопрос⁷. В 1879 г. – 40 заседаний с 46 вопросами, в 1884 г. – 69 заседаний и 151 вопрос, в 1910 г. – 100 заседаний и 150 вопросов⁸.

Церковные причты представляли в консисторию отчетные сведения, первые экземпляры метрических книг, клировых ведомостей и исповедных росписей. Сегодня можно лишь сожалеть, что на местах (в улусах) в условиях Гражданской войны и воинствующего атеизма сохранились лишь отдельные экземпляры этих документов и их достаточно полный комплект находится только в Национальном архиве. Между тем метрические книги (метрики) обладают универсальными информационными возможностями – это комплексный источник, в котором переплетаются и культовый, и светский аспекты, содержится как правовая, так и научная информация. По данным метрик можно проследить динамику христианизации, прирост населения, возраст, количество заключаемых браков, продолжительность жизни и причины смерти, акцимляционные процессы, изучать проблемы антропоники и генеалогии. Метрики Национального архива содержат сведения о конфессиональных актах 128 церквей и часовен Якутии за 1779–1922 гг.

Разнообразные сведения имеются также в клировых ведомостях – «списках лицам духовного ведомства»⁹, содержащих информацию по истории

храмов, о жизни и деятельности церковнослужителей¹⁰. Этот документальный комплекс позволяет составить представление о влиянии православия на якутское общество, его взаимодействии со светскими структурами области и дать ответы на некоторые дискуссионные вопросы истории Якутии. Так, детальное изучение сведений «Экстракта о числе церквей Якутского заказа» 1806 г. дает возможность установить не только количество церквей Якутии в начале XIX в., но и численность населения заказа и его сословную принадлежность¹¹.

Положение православия в Якутии характеризуют также фонды советов, комитетов, обществ и складов духовного ведомства. В фонде Якутского духовно-цензурного комитета переводов на якутский язык отложились указы Синода о разрешении печатания в Якутской типографии духовных текстов, переведенных на якутский язык; тексты переводов; переписка с Московской синодальной типографией. Фонд епархиального попечительства о бедных духовного звания составляют документы по установлению опеки, прошения о выдаче пособий, ведомости и журналы выдачи пособий и денежных сумм в долг, списки вдов и сирот духовного сословия и получающих пособие. Особый интерес вызывают документы Покровской Нининской женской миссионерской общины – первой попытки организации женской монашеской обители в Якутии¹².

Описи монастырского имущества, документы о покупке и сдаче в аренду земли и другие составляют фонд Якутского Спасского монастыря – первого православного монастыря в Восточной Сибири, основанного в 1663 (1664) г. и в XVII – первой половине XVIII в. до учреждения духовного правления и затем консистории выполнявшего роль духовного центра Якутского края, имевшего обширное хозяйство – монахи Спасского монастыря являлись основоположниками земледелия в Якутии и на Камчатке¹³. В фонде монастыря всего 589 дел, что немного, учитывая длительный период его деятельности, но в деревянных храмах частым гостем был огонь: так, пожаром 1858 г. были уничтожены документы монастыря и личный архив архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия (Вениаминова)¹⁴.

В фондах церквей и часовен сосредоточены материалы об их деятельности и переписка с органами епархиального управления.

Первые духовные школы в Якутском крае появились в XVIII в. после указа Петра I от 1714 г. о христианизации нерусского сибирского населения. С конца 80-х гг. XIX в. начинается возрождение духовного образования. К 1892 г. в епархии действовало 44 духовных школы, в которых обучались 377 учащихся.

Система духовно-учебных заведений Якутской епархии включала епархиальный училищный совет с отделениями во всех округах, духовную семинарию и духовное училище, епархиальное женское училище и церковно-приходские школы и школы грамоты, подчиненные местным духовным органам. Документы учебных заведений представлены циркулярами и распоряжениями училищного совета при Синоде, журналами заседания епархиального училищного совета, учебными программами, докладами и отчетами о деятельности и состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты. В фондах архива отложились послужные списки учителей и учащихся, протоколы собраний педагогического коллектива духовной семинарии и духов-

ного училища, правила и программы экзаменов, табели и ведомости успеваемости и поведения учащихся, листы переэкзаменовки¹⁵. Обобщающую информацию о состоянии духовного образования в Якутии содержат протоколы училищных съездов духовенства епархии.

Некоторые источники по истории православия имеются также в фондах органов аппарата управления Якутской области – областного управления, губернатора, по городским делам присутствия, статистического комитета и других, в которых упоминается о деятельности духовного ведомства Якутии. Например, в фонде Якутской областной ученой архивной комиссии имеется список церквей епархии за 1913 г.¹⁶

В современной Якутии наблюдается рост обращений к документам духовного ведомства, обусловленный возрастающим интересом как к истории своей малой Родины, так и к своим семейным, династическим истокам. Появляются труды по истории православия в Якутии¹⁷ и возможность комплексной научной разработки истории православия на Северо-Востоке Азии при объективной оценке источникового материала, находящегося в Национальном архиве Республики Саха (Якутия).

¹ Сафронов Ф.Г. Православное христианство в Якутии. Мирный, 1997. С. 24.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./ Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXX: Якутская область. СПб., 1905.

³ Объем документооборота рассчитан на основании отчетов якутских епархиальных архиереев Синоду за 1870–1913 гг. См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 496. Оп. 422. Д. 406, 455, 507, 561, 613, 665, 718, 767, 822, 860, 915, 988, 1010, 1060, 1115, 1169, 1219, 1270, 1321, 1372, 1431, 1488, 1544, 1602, 1705, 1818, 1968, 2190, 2253.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. III. СПб., 1886. С. 131–154. № 1495.

⁵ Юрганова И.И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск, 2003. С. 30.

⁶ Юрганова И.И. Указ. соч. С. 6–7; Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС(Я)). Ф. 226-и. Оп. 1–14; Ф. 228-и. Оп. 1 и др.

⁷ НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 1. Т. 1. Д. 27.

⁸ Там же. Д. 657а, 843а, 843б, 3665; Оп. 2. Д. 746; Оп. 3. Д. 236, 237.

⁹ Генеалогическая информация в государственных архивах России: Справочное пособие. М., 1996. С. 188–189.

¹⁰ Юрганова И.И. Церкви Якутии (краткая история). Якутск, 2005. С. 8.

¹¹ НА РС(Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 3.

¹² Там же. Ф. 501-и. Оп. 1. Д. 1–10.

¹³ История Дальнего Востока СССР. М., 1991. Т. 2. С. 116; Иркутские епархиальные ведомости. Иркутск, 1865. № 32.

¹⁴ Иннокентий (Вениаминов) (И.Е. Попов (1797–1879)) – уроженец Верхотурского уезда Иркутской губернии. С 1823 г. миссионер-священник в Русской Америке, затем архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский; в 1853–1860 гг. проживал в Якутске, в Якутском Спасском монастыре; с 1868 г. митрополит Московский и Коломенский. Известный миссионер Сибири, Дальнего Востока и Аляски, член Синода, ученый-лингвист и этнолог, почетный член Императорского Русского географического общества. В 1977 г. канонизирован.

¹⁵ НА РС(Я). Ф. 287-и, 283-и, 348-и.

¹⁶ Там же. Ф. 365-и. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–9.

¹⁷ Петров П.П. Градо-Якутские православные храмы. Якутск, 2000; Преосвященный Дионисий, апостол Якутии/ Сост. В.В. Качаев. М., 2000; Николаев А.П. «И да воссияла вера христианская на земле Якутской» // Якутский архив. 2000. № 1. С. 65–67; Он же. «Многие лета Благоверное Временное

правительство» // Там же. 2001. № 3(4). С. 108–111; Харченко Л.Н. Распространение православной духовной литературы и духовного просвещения в Восточной Сибири (XVII – перв. пол. XIX в.): Очерки истории. Иркутск, 2001; Она же.

Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вт. пол. XIX в. – февраль 1917 г.). Очерк истории. Санкт-Петербург, 2004; Юрганова И.И. История Якутской епархии...; Она же. Церкви Якутии...

В.А. Волчек

Журналы заседаний II Сибирского комитета как источник по истории винокурения в Сибири в середине XIX в.

Определение приоритетов государственной политики является одной из насущных задач исторического исследования. Важнейшее значение при этом имеет изучение документов органов центрального управления, одним из которых был функционировавший в период с 1852 по 1864 г. II Сибирский комитет. В него вносились как дела, превышающие власть отдельных министров и решавшиеся императором по управлению восточными окраинами страны, так и вообще все дела по высшему управлению Сибири.

В состав комитета входили высшие сановники империи. По должности – председатель Государственного совета, председатель департамента законов Госсовета, министры: финансов, внутренних дел, государственных имуществ, юстиции, уделов, военный, иностранных дел; государственный контролер, великие князья Александр и Константин Николаевичи. (Правда, наследник в работе данного органа участия не принимал.) Сверх того, в состав комитета входил сенатор, генерал-адъютант Н.Н. Анненков. С первых дней своего существования комитет получил право все маловажные дела решать именем царя без его утверждения, остальные – по совету с царем, мина Государственный совет и Комитет министров.

Документы II Сибирского комитета хранятся в РГИА (Ф. 1265) в количестве 2997 дел. Особый интерес представляют дела описи 13 – журналы заседаний комитета, отражающие работу данного органа, в том числе на стадии принятия решения. Именно их подробное изучение позволяет определить основные приоритеты государства на восточных окраинах.

Журналы – интереснейший источник. Они состоят из констатирующей и постановляющей частей. В констатирующей не только отражалась точка зрения того или иного министерства, органа управления, генерал-губернатора, но часто давались предыстория вопроса, информация о его обсуждении на ранних заседаниях в других органах, приводились статистические материалы. Именно здесь можно получить информацию о разных подходах

к решению того или иного вопроса, разногласиях между членами комитета. Постановляющая часть, как правило, меньше по объему, но она отражает все нюансы политики правительства на восточных окраинах империи. Если учесть, что журналы утверждались императором (после чего решения комитета становились обязательными для исполнения всеми органами), то можно говорить о концентрации в них полного комплекса мер, принимаемых центром по отношению к Сибири.

Журналы хорошо сохранились. Более того, архив осуществил их копирование и они стали доступны широкому кругу исследователей. Несмотря на то, что многие отечественные ученые широко использовали данные журналов II Сибирского комитета в своих работах, комплексного их изучения как исторического источника до сих пор не проводилось.

Сфера деятельности комитета была обширной. Он рассматривал административные вопросы, проблемы образования, медицины, религии, национальные взаимоотношения, функционирование системы наказания, военное строительство и хозяйственную деятельность. При этом хозяйственные вопросы составляли 28 % в общем сегменте, тогда как в деятельности I Сибирского комитета (действовал в 1821–1838 гг.) – 25 %.

Всего же за 1852–1864 гг. комитетом рассмотрено около 400 вопросов. Приоритетными для государственной власти были проблемы развития в Сибири добывающих отраслей промышленности. В целом на них приходилось более 100 вопросов (28 %), из которых 90 связаны с регулированием частной золотодобывающей промышленности. Ряд актов, изданных после обсуждения в комитете, поощрял частное предпринимательство на золотых приисках, развитие пароходства на сибирских реках и т.п.

Около 20 % рассмотренных вопросов касались земледелия, переселенческой политики, состояния хлебных запасов в регионе. Традиционно много внимания уделялось таким видам деятельности, как солеварение и винокурение: первые составляли около 9 %, вторые – 12 % от всех рассматриваемых вопросов. Это объясняется тем, что данные отрасли способствовали пополнению казны. Примечательно, что, как только с 1 января 1863 г. стала действовать акцизная система, количество рассматриваемых вопросов, связанных с этими отраслями, сократилось. Так, если в 1862 г. обсуждалось семь вопросов по винокурению, то в 1863 г. – только два, а в 1864 г. – вообще ни одного. Причем в 1863 г. разбирались лишь частные вопросы: «О воспрещении частным лицам впредь до 1865 года устраивать винокуренные заводы в Забайкальской области и Амурском крае», «О допущении евреев к производству винокурения на заводах в Сибири». Из 44 вопросов, рассмотренных в 1852–1862 гг., 19 касались организации работы, реорганизации, закрытия отдельных заводов; девять – снятия ответственности за утрату первичного сырья; три – реализации вина.

Конечно, журналы комитета не единственный источник по изучению истории винокурения в Сибири. Много материалов отложилось в фонде Министерства финансов (хранится в РГИА), фондах губернских казенных палат, имевшихся в Восточной и Западной Сибири, документах отдельных винокуренных заводов. Тем не менее именно журналы Сибирского комитета отражают проблему в комплексе.

Комитет строго охранял государственную монополию на продажу вина в России. Даже на окраинах великого государства, где сказывалось влияние

соседних стран, винная монополия неукоснительно соблюдалась. Так, в октябре 1852 г. комитет рассматривал вопрос о продаже спиртных напитков в Капальском укреплении, расположенном в Киргизской степи на границе с Китаем. Воинская команда и местные жители (1430 человек) оказались вне сферы поставок русской водки и вынуждены были покупать по весьма высоким ценам низкокачественную китайскую. Для предотвращения ее незаконной продажи генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд предложил учредить в Капальском укреплении постоянную торговлю русскими горячительными напитками. Министры финансов, внутренних дел, юстиции, Правительствующий Сенат и Военный совет не видели никаких препятствий к разрешению подобного рода торговли. Сибирский комитет утвердил предложение министра внутренних дел, который представлял дело на рассмотрение¹.

Материалы журналов свидетельствуют о закрытии казенных винокуренных заводов в Сибири. Падунский казенный винокуренный завод, существовавший в Ялutorовском округе Тобольской губернии, к середине XIX в. пришел в совершенную негодность. Основными рынками сбыта вина с завода были города Зауралья и Оренбургской губернии. В эти же районы поставляли вино частные винозаводчики. Министерство финансов, не считая нужным вкладывать деньги в реконструкцию завода, предложило его упразднить. 3 ноября 1853 г. Сибирский комитет утвердил предложение министра финансов. Имущество завода было решено продать с торгов, а «заводскую землю и плотину обратить в оброчную статью и отдать в содержание существующим порядком»².

В некоторых вопросах Сибирский комитет, однозначно понимая преимущества частного винокурения, все же не решался отказаться от казенных заводов. В 1851 г. Государственный совет рассматривал вопрос о сокращении государственных расходов. Позже соображения министра финансов Ф.П. Вронченко были представлены II Сибирскому комитету. В них речь шла об упразднении одного из казенных заводов и отдаче в арендное содержание другого. Генерал-губернатор Западной Сибири высказал мнение об опасности возникновения монополии частных винозаводчиков, которые могут договориться о ценах и добиться получения сверхприбыли. С другой стороны, при ликвидации казенных заводов возникал вопрос: куда девать сотни и тысячи работавших там каторжан? Поэтому Г.Х. Гасфорд предложил оставить оба завода в казенном управлении. Министр внутренних дел и министр финансов не возражали. И 15 декабря 1853 г. Сибирский комитет утвердил это предложение, хотя в правительстве и видели все слабости казенного винокурения.

Журнал заседания свидетельствует, что в этот же день решался вопрос о Боготольском казенном винокуренном заводе, который с 1845 г. не действовал из-за высокой цены на хлеб в регионе. За восемь лет завод пришел в упадок, и министр финансов предложил упразднить его, а всех ссыльно-каторжных перевести на Керевский винокуренный завод, находившийся в том же Боготольском округе. На землях завода решено было устроить казенное поселение с численностью людей от 600 до 700 душ³.

В ведении казны винокуренные заводы оставались недолго. Уже через несколько лет стало понятно, что эффективно управлять казенным производством вина государство не может. В 1854 г. последовательно были сданы в аренду все три казенных винокуренных завода Западной Сибири – Успен-

ский, Екатерининский и Керевский. Последний решением Сибирского комитета от 18 декабря 1856 г. вообще был упразднен. Производство вина на нем обходилось казне в 65 коп. за ведро, в то время как на Екатерининском заводе себестоимость составляла всего 38,5 коп. Работавшие на Керевском заводе ссыльнокаторжные были переведены на казенные заводы Восточной Сибири. Для того чтобы объемы производства вина не сократились, Екатерининский завод было решено модернизировать. С его арендатором А.Ф. Поклевским-Козелл был заключен контракт на модернизацию винницы, а понесенные арендатором расходы включили в сумму оплаты аренды завода⁴.

Кризис казенного винокурения проявился и в излишних тратах вина во время его хранения и перевозки. По существовавшим нормам утрата вина при перевозке на расстояние 100 верст на каждые 100 ведер устанавливалась в полведра. Однако на практике она была выше. В 1847–1851 гг. утрата вина по Западной Сибири составила 74 653 ведра, из них 52 962 потеряны во время перевозок, остальные – в магазинах или на заводах. После проведения расследования выяснилось, что «причиной такой траты вина была непрочность и теклость бочек, выделанных вследствие неимения в Сибири дуба из лиственного и соснового леса». Ряд чиновников обвинили в том, что они не донесли о плохом качестве тары. За 1157 ведер утерянного вина с них были взысканы деньги, за 2631 ведро вычеты денег определили, но в казну не взыскали, за 2364 ведра деньги взыскали с откупщиков. В судах доказаны факты кражи 5099 ведер вина во время его транспортировки, остальную утрату в размере 64 470 ведер списали, так как доказать кражу не удалось⁵.

Чтобы хоть как-то направить процесс утраты вина в рамки закона, Сибирскому комитету пришлось пересматривать все нормы усышки (так это определялось в источниках того времени) и утечки спиртных напитков. Согласно расчетам, они за год должны были составлять 3 ведра на 100 ведер. Однако в реальности цифры оказались выше: от 7 до 8 ведер на 100 ведер. В феврале 1852 г. Сибирский комитет постановил утвердить усышку и утечку вина в размере 7 ведер на 100, а числившиеся на чиновниках недоимки всех магазинов и складов списать. 11 апреля того же года это положение было утверждено императором. Как оказалось впоследствии, подобные явления происходили не только в магазинах и на складах, но и на самих заводах. В результате потребовалось еще одно решение комитета специально по заводам. Допустимые нормы утраты вина были утверждены в количестве 7 ведер на 100 ведер⁶, а все недоимки, числившиеся на чиновниках, сняли. Если учесть, что размеры выработки вина на заводах исчислялись десятками и даже сотнями тысяч ведер в год, то усышка могла составлять сотни и тысячи ведер. Все это наводит на мысль о массовых хищениях казенного вина со складов, магазинов и заводов. Прямых доказательств этому нет, но ясно одно – эффективность хранения ценного продукта была не на высоте.

В отношениях с частными владельцами винокуренных заводов Сибирский комитет никогда не упускал из виду выгоду государства. В феврале 1853 г. он рассматривал вопрос о частном заводе вдовы Пономаревой. Ее муж, надворный советник Пономарев, в 1835 г. построил винокуренный завод в Канском округе Енисейской губернии, взяв для этой цели в аренду у государства 3104 десятины земли сроком на 12 лет. После его смерти вдова продолжила дело, заключив в 1847 г. новый контракт с правительством об аренде той же части земли на следующие 12 лет. В случае работы заво-

да она должна была платить по 6 коп. с 7 ведер вина, а если завод простаивал – то по 21,5 коп. с каждой отведенной десятины.

В марте 1851 г. Канский завод сторел во время пожара. Пономарева решила его не восстанавливать и вернуть землю государству. Рассматривавший дело министр финансов Ф.П. Вронченко признал предложения вдовы справедливыми, тем более что в контракте не были предусмотрены никакие штрафы в случае пожара на заводе, но предложил взять с Пономаревой арендную плату не только за предыдущие годы работы завода, но и за 1851 г., поскольку завод «хотя и не производил винокурение, но существовал и мог быть в действии до случившегося в марте пожара». Сибирский комитет 18 февраля 1853 г. утвердил предложение министра⁷.

Одним из важных направлений деятельности Сибирского комитета в области винокурения было утверждение правил продажи вина в Сибири. Как известно, торговля вином осуществлялась через откупщиков. Правила для продажи пересматривались каждые четыре года. За год или даже за полтора до очередного четырехлетия в правительстве утверждалось положение о продаже вина. На период деятельности II Сибирского комитета пришлось три четырехлетия: 1851–1855; 1855–1859 и 1859–1863 гг.

В 1858 г. рассматривались правила продажи вина в сибирских губерниях на очередное четырехлетие. Как и прежде, основанием послужило высочайше утвержденное положение о продаже питей в великороссийских губерниях. Министр финансов А.М. Княжевич не считал нужным делать какие-либо серьезные изменения, и в правила для сибирских губерний были внесены лишь небольшие поправки, соответствовавшие местным особенностям края. Обязательная годовая пропорция вина, даваемая в откупа по Восточной Сибири, составляла в 1855–1856 гг. по 500 тыс. ведер в год, в 1857–1859 гг. – 554,5 тыс. ведер.

Правительство явно пыталось повысить доходы казны за счет увеличения объемов продажи вина, что подтверждается архивными документами. 11 ноября 1854 г. был заключен контракт на содержание винных откупов в Восточной Сибири в 1855–1857 гг. с отставным поручиком Д.Е. Бенардаки, майором Абазой и почетным гражданином Руковишниковым. Согласно указу Правительствующего Сената от 28 декабря 1856 г., торги на следующее двухлетие, 1858–1859 гг., проводились на прежних основаниях. Контракт на содержание винных откупов в эти годы Иркутская казенная палата заключила 8 февраля 1857 г. с Д.Е. Бенардаки, который должен был ежегодно выбирать с заводов и продавать 280 тыс. ведер вина по Енисейской губернии, а по Иркутской губернии вместе с областями Забайкальской и Якутской – по 274,5 тыс. ведер в год. Всего он обязывался продавать по Восточной Сибири ежегодно по 554,5 тыс. ведер⁸.

Дела предпринимателя шли успешно. Известно, что в 1851–1855 гг. он содержал откупа в обеих столицах и вдоль линии Николаевской железной дороги и стал близок ко двору императора после того, как пожертвовал на содержание кадетских корпусов большие средства из вырученной им суммы с откупов в Москве и Санкт-Петербурге.

В июне 1858 г. состоялись торги по Восточной Сибири на четырехлетие с 1859 до 1863 г., в которых кроме Д.Е. Бенардаки участвовали и другие предприниматели. Победил коммерции советник Кокорев, обещавший выбрать с заводов и продать по Восточной Сибири 1040 тыс. ведер в год

(500 тыс. по Енисейской губернии и 540 тыс. по Иркутской). Объемы заявленных продаж были явно завышены (почти вдвое больше, чем в предыдущие годы). Опыт прежних торгов подсказывал, что больше 500 тыс. ведер в год по Восточной Сибири продать очень трудно, так как население региона за это время практически не увеличилось. Тем не менее правительство пошло на заключение сделки с Кокоревым.

Вскоре Д.Е. Бенардаки, недовольный результатами торгов, заключил одобренный Правительствующим Сенатом 6 октября 1858 г. договор с Кокоревым о получении всех прав на винные откупа в Восточной Сибири. Неизвестно, чем руководствовался Бенардаки, заключая этот договор, но уже 31 августа 1858 г., в то время когда его контракт с победителем торгов еще рассматривался в Сенате, он подал прошение, в котором объявил, что ежегодная потребность вина по Восточной Сибири составляет 700 тыс. ведер, а не 1040 тыс., как было заявлено ранее. Для того чтобы выполнить все условия продажи вина, он запросил ряд привилегий: во-первых, распространить его винный откуп на Приамурский край, только что присоединенный к России, и, во-вторых, разрешить ему продажу вина маньчжурам. Только при этих условиях Бенардаки обещал выполнить контракт на продажу 1040 тыс. ведер вина в Восточной Сибири.

В правительстве дело рассматривалось довольно долго и в конце концов было передано в ведение Сибирского комитета. Тот, всесторонне изучив материалы, в сентябре 1859 г. заявителю отказал⁹. Д.Е. Бенардаки попал в сложное положение. Его проект не сработал, не помогли ему и его прежние заслуги. Конечно, в том, что авантюра не прошла, виноват был сам предприниматель, но и правительство, использовавшее такой способ пополнения казны, как разорение откупщиков, явно демонстрировало слабости в управлении винными откупами. Сама откупная система уже не отвечала современным потребностям общества и государства, в отрасли назревал кризис, который можно было решить путем проведения серьезных реформ.

Пока Д.Е. Бенардаки улаживал дела в Санкт-Петербурге, его контрагент, 1-й гильдии купец А.К. Веретенников, заключил (хотя и с опозданием) контракт с Иркутской казенной палатой на откуп питей по Восточной Сибири в период с 1859 по 1863 г. Документ был подписан обеими сторонами 22 декабря 1860 г. Как свидетельствуют архивные документы, было взято обязательство выбрать с заводов и продать по Восточной Сибири вино в количестве 1040 тыс. ведер в год, Веретенников от лица Бенардаки должен был заплатить по 4 руб. за ведро, всего же за четыре года сумма контракта составляла 16 млн 640 тыс. руб.¹⁰

Еще до заключения контракта Д.Е. Бенардаки обратился к министру финансов с просьбой разрешить ему выбирать и продавать по Восточной Сибири 700 тыс. ведер вина в год, а на уплату оставшихся невыбранными 340 тыс. ведер в год просил отсрочку на 25 лет. В залог он предложил свои имения в Вологодской, Вятской, Херсонской губерниях, пять чугуноплавильных и железоделательных заводов, остров в Санкт-Петербурге с паровой мельницей и другую недвижимость общей стоимостью 2 млн 700 тыс. руб.¹¹

В рассматривавшем это дело Сибирском комитете, как видно из анализа журнала заседания, возникли определенные разногласия. Четыре члена комитета склонялись к тому, чтобы согласиться с предложением Бенардаки об отсрочке платежей. Большая же часть членов комитета (семь человек), а также

присутствовавшие на заседании генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев-Амурский и статс-секретарь Бутков не видели причин, позволявших пойти на уступки. В конце концов «на благоусмотрение» императора вынесли предложение об отсрочке выплат по недоборам на 10 лет. 1 июня 1860 г. император утвердил мнение Сибирского комитета. Таким образом, откупщик должен был заплатить 4 млн 596 тыс. 800 руб. в течение 10 лет за невыбранное им вино по Восточной Сибири¹².

Реально ситуация по винным откупам в Восточной Сибири в 1859–1863 гг. оказалась еще более плачевной, чем предполагал Д.Е. Бенардаки. По результатам откупов Иркутская казенная палата составила специальную записку, из которой видно, что всего по Восточной Сибири нужно было выбрать за четыре года 4,16 млн ведер вина на сумму 16,64 млн руб. На самом деле было выбрано 2 794 460,65 ведер на сумму 11 млн 177 тыс. 842 руб. Итого Бенардаки не смог выбрать 1 365 539,35 ведер вина на сумму 5 млн 462 тыс. 157 руб. 58 коп.¹³ На эту сумму ему и была предоставлена отсрочка по платежам на 10 лет. Реально даже узаконенная отсрочка оказалась ниже оказавшегося долга на 865 тыс. 357 руб. 58 коп.

Таким образом, откупная система окончательно себя дискредитировала в последнее откупное четырехлетие. Это хорошо понимали в правительстве и готовили реформу сбора налогов с винокурения и виноторговли. 4 июля 1861 г. император Александр II подписал «Положение о введении акцизной системы взимания питейного сбора», в котором повелел открыть в каждой губернии акцизные управления с 1 июля 1862 г. и перейти к взиманию акциза с 1 января 1863 г. Согласно положению, каждое губернское акцизное управление должно было состоять из управляющего, его помощника и ревизоров; при управлении имелась канцелярия. В каждое окружное (уездное) акцизное управление входили надзиратель и его помощники, отвечавшие за сбор акциза в селениях округа. Акциз (налог на количество произведенного спирта) был определен в 4 коп. с градуса (1 градус – $\frac{1}{100}$ ведра) безводного спирта¹⁴. В дальнейшем акциз постоянно повышался и к 1869 г. уже составлял 6 коп. с градуса. Кроме сбора акциза с производителей вина взимался патентный сбор. Все заводы были разделены на категории в зависимости от производства видов напитка (винокуренные, пивоваренные, медоваренные и т.д.) и объемов винницы. Патентная плата взималась по каждой категории отдельно.

Проблемы введения акцизной системы в Сибири рассматривались на заседании Сибирского комитета в феврале 1862 г. Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков предложил образовать одно акцизное управление на всю Восточную Сибирь, причем действовать оно должно было под непосредственным наблюдением самого генерал-губернатора. Министр финансов М.Х. Рейтерн признал подобное предложение не соответствующим существующему законодательству. Согласно «Положению о введении акцизной системы взимания акцизного сбора», все акцизные управления должны были подчиняться непосредственно департаменту разных податей и сборов Министерства финансов. Однако, признавая особенности управления Сибирью, министр предложил сделать некоторые исключения для этого региона при учреждении акцизной системы взимания налога.

Сибирский комитет после тщательного рассмотрения вопроса счел мнение министра финансов более правильным, с точки зрения как местных особенностей Сибири, так и существовавшего законодательства. В резуль-

тате было решено образовать в каждой части Сибири отдельное акцизное управление в подчинении Министерства финансов, а оба главных управления (Западной и Восточной Сибири) имели право только надзирать за их деятельностью. В виде исключения генерал-губернаторы могли в экстренных случаях «разрешать собственной властью и те дела по акцизному с питей управлению, которые... подлежат предварительному обсуждению советов главных управлений», с тем, однако, чтобы они несли полную ответственность за принятые решения¹⁵. Таким образом, Сибирский комитет в вопросе об учреждении акцизной системы занял компромиссную позицию, скорее склоняясь к мнению Министерства финансов, чем к предложениям генерал-губернатора Восточной Сибири.

В декабре 1862 г., за несколько недель до вступления в силу «Положения о введении акцизной системы взимания питейного сбора», генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель обратил внимание на то, что по этому «Положению...» при открытии питейных заведений, а также погребов с распивочной продажей вина в казенных селениях требуется согласие двух третей сельского общества. В Сибири же собрать на мирской сход две трети списочного состава общества практически было невозможно, так как в летние месяцы многие сельские жители работали на золотоносных приисках. Генерал-губернатор предложил разрешить открытие питейных заведений в казенных селениях с согласия двух третей наличного, а не списочного состава жителей. Министр финансов М.Х. Рейтерн не нашел в доводах Дюгамеля ничего противозаконного. В результате решением Сибирского комитета от 10 декабря 1862 г. соответствующая поправка была внесена в «Положение...»¹⁶.

При введении в действие данного «Положения...» в Сибири указанное отступление от общероссийских законов было не единственным. По представлению А.О. Дюгамеля на том же заседании 10 декабря 1862 г. Сибирский комитет рассматривал вопрос о праве ссыльных и лиц, находившихся под особым надзором правительства, открывать питейные заведения. Согласно общероссийским законам, такие лица не имели право вести торговлю вином, но А.О. Дюгамель по причине слабой конкуренции в Сибири предложил разрешить им открывать питейные заведения. Министр финансов М.Х. Рейтерн признал убедительными доводы западно-сибирского генерал-губернатора и согласился, что большее число желающих заниматься виноторговлей приведет к развитию конкуренции. Сибирский комитет утвердил предложения Дюгамеля, распространив их и на Восточную Сибирь¹⁷.

После введения в действие «Положения...» вопросы винокурения и виноторговли в деятельности Сибирского комитета стали отходить на второй план. Довольно успешное развитие винной отрасли, отданной в частные руки, не требовало вмешательства государства. Количество винокуренных заводов в Западной Сибири росло быстрыми темпами. Если в 1862 г. их было всего три, то в 1868 г. – уже 23¹⁸.

Надо заметить, что в вопросах винокурения сибирское начальство часто занимало консервативные позиции. В 1863 г. Сибирский комитет рассматривал предложение о запрещении открывать частные винокуренные заводы в Забайкальской области и Амурском крае в связи с тем, что хлебопашество там развито слабо и потребление хлеба на выкурку вина может вызвать рост цен на этот важный продукт. Снабжение Забайкалья и Амурско-

го края вином планировалось осуществлять, как и прежде, из казенного Александровского винокуренного завода в Иркутской губернии. Согласившись с мнением М.С. Корсакова, Сибирский комитет предложил ограничить запрещение строительства частных винокуренных заводов в Забайкалье и Амурском крае 1865 годом. По мнению комитета, изложенному в журнале от 4 марта 1863 г., к указанному сроку хлебопашество в тех районах «достигнет желаемых для собственного продовольствия края размеров» и запрещать частную инициативу не будет иметь никакого смысла¹⁹.

Как видим, анализ журналов заседаний II Сибирского комитета по регулированию винокурения в Сибири показывает направления правительственной политики по данному вопросу. Материалы журналов свидетельствуют о кризисе казенного винокурения в конце первой половины XIX в. и о попытках его преодоления.

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 11. Л. 115–117.

² Там же. Д. 12. Л. 300–301.

³ Там же. Л. 360–365.

⁴ Там же. Д. 15. Л. 585–589.

⁵ Там же. Д. 20. Л. 254–255.

⁶ Там же. Д. 12. Л. 266–267.

⁷ Там же. Л. 85–88.

⁸ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. К. 1379. Оп. 7. Д. 4. Л. 32.

⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 18. Л. 831–832.

¹⁰ ГАИО. Ф. 24. К. 1359. Оп. 7. Д. 4. Л. 61–66 об.

¹¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 19. Л. 244–246.

¹² Там же. Л. 240, 248.

¹³ ГАИО. Ф. 24. К. 1359. Оп. 7. Д. 4. Л. 95.

¹⁴ Там же. Оп. 12. Д. 642. Л. 3–31.

¹⁵ РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 21. Л. 52–66.

¹⁶ Там же. Л. 459–463.

¹⁷ Там же. Л. 448–457.

¹⁸ *Мариупольский А.М.* Винокурение и виноторговля в Западной Сибири в период действия акцизной системы. Барнаул, 2000. С. 20.

¹⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 22. Л. 297–302.

К.А. Степанов

Ленинградские дети на Ростовской земле в годы Великой Отечественной войны (по документам РФ ГАЯО)

О жизни тыла в годы Великой Отечественной войны, в частности таком важном деле, как прием и обустройство эвакуированного из прифронтовой полосы населения, в том числе детей, рассказывают хранящиеся в Ростовском филиале Госархива Ярославской области документы органов исполнительной власти и учреждений народного образования.

Наиболее полную информацию по данной теме содержит фонд Ростовского районного исполкома Советов депутатов трудящихся, где сосредото-

чены переписка вышестоящих и местных властей, их решения и указания сельским Советам, учреждениям, организациям, колхозам о порядке приема и размещения эвакуированных. Документы свидетельствуют, что эта работа началась уже в первые недели войны. Так, на состоявшемся 11 июля 1941 г. заседании Ростовского райисполкома была образована комиссия по размещению в районе эвакуированного населения из семи человек (А.И. Кучин, В.Н. Титов, М.Г. Матвеев, К.М. Соловьев, А.Е. Михайлова, Суроват и Васильев)¹. Заведующий отделом народного образования В.Н. Лапин был утвержден уполномоченным и распорядителем по финансированию прибывших из Ленинграда детей². В соответствии с решением облисполкома от 14 июля 1941 г. заниматься школьниками предстояло району, а детьми ясельного возраста – райздравотделу. Ростовский райисполком обязал исполкомы сельских Советов, Поречский поселковый Совет и председателей колхозов в пятидневный срок обеспечить всех прибывших на территорию района детей и сопровождавших их лиц спальными местами, а также выделить и оборудовать отдельные помещения для приготовления пищи³. Горжилуправлению, кооперативной промыслово-торговой артели инвалидов «Роспромторгин» и артели «Рембытстрой» было дано указание до 9 августа 1941 г. изготовить 2 тыс. топчанов и 300 кроватей-раскладушек⁴.

На питание одного ребенка в районе выделяли не менее 4 руб. в сутки⁵. Местные власти запросили в облисполкоме дополнительные наряды на молоко из централизованных фондов в количестве 40 т в месяц⁶. Глава райисполкома Я.А. Любасов разрешил председателям сельсоветов закупать молоко у колхозников по ценам госзакупок – 66 коп. за литр⁷ и дал указание председателям колхозов привлекать к некоторым сельскохозяйственным работам эвакуированных детей старше 11 лет⁸.

Первые два эшелона с 2398 детьми из Ленинграда прибыли на железнодорожную станцию Ростов уже 4 июля 1941 г., а третий привез 7 июля еще 1527 ребят⁹. По сельсоветам Ростовского района были размещены воспитанники яслей, детских садов, школьники, а также дети работников НКВД, Наркомюста, заводов им. Кирова и «Марти», фабрики им. Самойлова и треста столовых Октябрьского района¹⁰. По сведениям областного переселенческого отдела, на 15 августа 1941 г. в Ростовский район были эвакуированы 5967 человек (включая детей и обслуживающий персонал)¹¹.

По указаниям переселенческого отдела, все дети, прибывшие в составе яслей, детских садов, школ и пионерских лагерей, постоянно учитывались. Списки составлялись в трех экземплярах, первый отсылался в Переселенческое управление при СНК СССР, второй – в Ярославский областной переселенческий отдел, а третий оставался на месте. Данные о количестве эвакуированных представлялись через каждые пять дней¹².

Местные органы власти разработали комплекс мероприятий по приему и размещению эвакуированных. После осмотра на железнодорожном вокзале и завтрака в кафе-столовой артели инвалидов дети проходили санитарную обработку: в парикмахерскую и баню их вели группами по 100 человек, а одежду пропускали через дезинфекционную камеру. Затем дети размещались во временно свободных помещениях городских учебных заведений: направляемые в Борисоглебский район – в неполной средней школе (ул. Октябрьская, 7) и в финифтяной школе (Советская пл.), оставляемые в Ростовском районе – в начальных школах № 1 и № 5¹³. Здесь их ре-

гистрировали, формировали группы из дошкольников и детей школьного возраста.

Эвакуация детей вызвала переписку их родителей и родственников с местными органами власти. Так, в письме А.И. Пининой председателю Ростовского райисполкома читаем: «Прошу немедленно сообщить адрес пребывания моего ребенка, отправленного из Ленинграда, Октябрьского района, ясли № 138, 3 июля с. г.; ввиду того, что муж находится на фронте и я иду добровольцем, мне необходимо срочно иметь адрес моего ребенка Пинина Георгия»¹⁴. В ответной телеграмме, подписанной секретарем райисполкома А.И. Кучиным, сообщалось, что «Пинин Георгий Борисович находится в д. Поддыбье, Шугорского сельсовета»¹⁵. Следует заметить, что эта переписка, судя по находящимся в фондах архива отдельным письмам, носила единичный характер. Вероятно, родители знали о месте нахождения своих детей.

Сохранилась переписка не только родственников эвакуированных детей с представителями районной администрации, но и самих ребят с красноармейцами. Среди документов детского дома № 156 имеется письмо от 19 марта 1943 г., подписанное капитаном Грибовым, лейтенантами Далматовым, Шеркуновым, Махначевым, сержантами Авдеевым, Гавриленковым и Игошиным (п/п 21031 К), отправленное в ответ на обращение ленинградских школьников. Бойцы сообщали детям, что «Красная армия на полях сражений мужественно и стойко защищает каждый вершок земли нашей Родины, нанося немецкой армии все более и более чувствительные уроны», желали ребятам отлично и хорошо учиться, быть стойкими пионерами, а в свободное время помогать «благородным трудом нашим предприятиям и колхозам»¹⁶.

О труде эвакуированных школьников на полях колхоза им. Орджоникидзе рассказывается в дневнике воспитателя детского дома Тихомировой. 11 октября 1943 г. она записала: «Ребята оказались провед[енным] мероприятием довольны, т[ак] к[ак] колхозники их там встретили очень радушно и наградили большим количеством моркови»¹⁷. Из плана работ детского дома № 156 на 23 мая 1943 г. известно, что организованные здесь четыре группы собирали в этот день крапиву и щавель для Москвы¹⁸.

Работу детей в колхозах подтверждают и документы Ростовского района. В его годовом отчете за 1943/44 уч. г. читаем: «Дети д[етских] д[омов] помогают колхозникам в прополке. В каждом д[етском] д[оме] создана бригада по оказанию помощи колхозу. Собрано лекарственных растений 200 кг»¹⁹. Наряду с этим «в целях создания собственной продовольственной базы» ребята работали на подсобных участках при детских домах, общая площадь которых летом 1943 г. составляла 47 га²⁰.

Следует заметить, что некоторые эвакуированные в Ростовский район дети имели здесь родственников, которые, узнав о новом месте жительства ребят, приезжали за ними и увозили с собой. Так, в письме А.И. Кучина в Борисоглебский райисполком от 25 июля 1941 г. сообщается, что эвакуированные из Ленинграда со школой № 255 Юрий Хмелев 13 лет и Борис Максимов, проживавшие в с. Зверинец Кустерского сельсовета, 20 июля 1941 г. ушли из этого села и остались в с. Воцажниково Борисоглебского района у бабушки Хмелева А.М. Шабуниной²¹. В ответном письме от 12 августа заведующий общим отделом Борисоглебского райисполкома Д.Боро-

виков сообщает, что эвакуированные дети Ю.Хмелев и Б.Максимов находились в с. Вошажниково с 19 по 21 июля 1941 г.²² Основными причинами «побегов» детей из детских домов были, по мнению района, «тяга на родину и плохая воспитательная работа»²³. Из документов детского дома № 156 известно, что с 3 января по 18 августа 1943 г. 25 из 87 его воспитанников покинули детский дом без разрешения администрации²⁴. Скорее всего, некоторые школьники стремились попасть на фронт, что было в то время обычным явлением. В письме директора детдома № 105 от 2 июля 1944 г. в райисполком сообщается о гибели одного воспитанника детдома на фронте²⁵. В целях контроля за эвакуированными детьми райисполком потребовал от В.Н. Лапина подготовить списки выбывших из состава детских учреждений, с указанием их нового места жительства²⁶.

Осенью 1941 г., когда положение на фронте стало угрожающим и враг подошел к Москве, возникла опасность захвата фашистами столицы и прилегающих к ней областей. На основании решения, принятого Советом по эвакуации при СНК СССР «Об эвакуации детей Ленинграда из Ярославской области» 28 октября 1941 г., Яроблисполком решил «эвакуировать детей Ленинграда из... Ростовского, Ярославского, Даниловского, Буйского, Галичского районов в количестве 12 612 детей в Челябинскую область железнодорожным транспортом»²⁷. Всего же из области подлежали переселению в Челябинск, Омск, Молотов 38 128 детей и 6605 человек обслуживающего персонала²⁸. Всех предполагалось обеспечить теплой одеждой и 10-дневным запасом продуктов питания в пути по нормам: сливочное масло – 300 г, сыр – 500 г, колбасные изделия – 500 г, сгущенное молоко – одна банка на человека²⁹. Детям ясельного и дошкольного возрастов полагалось дополнительно по одному килограмму сухарей из пшеничной муки.

Из Ростовского района 3 ноября 1941 г. в Челябинскую область были отправлены 3920 детей и 580 человек обслуживающего персонала³⁰. Когда после успешного контрнаступления Красной армии во время Московской битвы враг был отброшен от столицы и нависшая над Ярославщиной опасность миновала, сюда возобновилась эвакуация детей из прифронтовой полосы и блокадного Ленинграда, а многие из отправленных на Урал и в Сибирь ребят вновь обрели свой кров на Ростовской земле. В июле–августе 1942 г. они были размещены в специально подготовленных помещениях десяти детских домов (№ 4, 105–109, 114, 155, 156, 159), расположенных в селах Сулость, Николо-Перевоз, Пужбол, Львы, Поречье-Рыбное, Ново-Никольское, Шулец, Погорелово, Макарово. Тогда же в Петровском районе³¹ были открыты детские дома № 8, 21, 28, 176 и 177. Заметим, что кроме ленинградцев здесь жили оставшиеся без родителей дети из других регионов страны.

К сожалению, в РФ ГАЯО сохранились документы лишь шести детских домов (№ 105, 108, 109, 155, 156 и 159). Их фонды неравноценны, и некоторые (№ 105, 108, 155) содержат всего несколько дел с ведомостями на зарплату обслуживающего персонала³². Среди документов детских домов № 109 и 159, кроме того, имеются сметы расходов, финансовые отчеты, книги приказов по личному составу за 1943–1945 гг., план учебно-воспитательной работы на 1944/45 уч. г., паспорт детского дома со списком преподавателей³³. Наиболее насыщенным является фонд детского дома № 156. В нем сосредоточены протоколы заседаний педагогических советов, списки сот-

рудников и воспитанников, личные дела детей (на 31 ребенка из 95), дневник воспитателя Тихомировой за сентябрь–октябрь 1944 г., переписка родственников ребят с директором детского дома³⁴.

Несмотря на трудности военного времени, местные органы власти, подшефные колхозы и многие жители округа старались создать для ребят хорошие условия проживания на новом месте. Для размещения детей были приспособлены и оборудованы отдельные сельские дома. Контроль за проживанием в них ребят возлагался на районо и райздравотдел. Так, в приказе районо от 16 августа 1943 г. указывается на необходимость срочного окончания всех ремонтных работ, связанных с подготовкой детского дома № 156 к зиме³⁵. Согласно распоряжению райздравотдела (на основании приказа № 149-0 НКЗ РСФСР от 23 сентября 1943 г.) за каждым расположенным на территории Ростовского района детдомом был закреплен врач, наблюдавший за здоровьем детей и состоянием помещений, в которых они проживали³⁶. Помогали врачам также и старшие медсестры из городской и сельских больниц. В документах детдома № 156 имеется акт его обследования старшей медсестрой от 8 мая 1943 г., в котором указывается директору детдома на необходимость «ликвидировать вшивость, чесотку, не допускать инфекционных заболеваний, довести состояние помещений, детей и белья до хорошего», а проверки на педикулез производить ежедневно³⁷.

Документы архива свидетельствуют об оказании детдомам материальной помощи. Так, на основании решений райисполкома от 27 апреля и 25 июля 1944 г. ленинградским детям из детдома № 4 было выделено 30 кг ржи и 3 тыс. руб.³⁸

Проживание ребят в приспособленных деревянных домах имело и отрицательные стороны. В частности, 23 февраля 1945 г. сгорел детдом № 159. Сведений о жертвах среди ребят и обслуживающего персонала в документах Ростовского райисполкома не содержится. 2 марта 1945 г. облисполком принимает решение, обязывающее райисполком до 5 марта разместить детей в каменном здании Макаровской школы³⁹. Документы также свидетельствуют, что в детдомах не всегда хватало дров. В отчете райисполкома отмечено, что «многие школы и детские дома часто оставались без топлива»⁴⁰.

В документах районо имеются интересные сведения об обучении ребят в местных школах и проведении досуга. Так, в отчете районо о работе детских домов за 1943/44 уч. г. читаем: «Всеобучем охвачены все дети детдомов. Переведено в следующий класс с похвальными грамотами 25 человек... Детдома имеют драматические, хоровые и балетные кружки. Воспитанники обслуживали своими постановками, декламацией и сольным пением собрания колхозников, выступают в клубах»⁴¹ и госпиталях города.

Успехи армии на фронтах позволили детям, имевшим родителей или близких им людей, возвратиться домой еще в военные годы. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 11 августа 1944 г. и решением облисполкома от 22 августа 1944 г. в Ростовском крае началась эвакуация жителей г. Ленинграда и области «к прежнему месту жительства»⁴². Документы детдомов свидетельствуют, что ребята стали разъезжаться уже в 1944 г. В связи с уменьшением «контингента детей в детских домах» 17 февраля 1944 г. райисполком принимает решение о сокращении детдомов № 107 и 156 и размещении оставшихся воспитанников «в существующих детских домах района»⁴³.

Примечательно, что по окончании войны воспитанники, в числе которых были сироты из селений Ростовского района, продолжали жить и учиться (по 7-й класс) в детских домах (№ 114 и 159 соответственно до 1953 и 1955 г.)⁴⁴, а потом местные власти и школа помогли им с устройством «в школы ФЗО, ремесленные училища»⁴⁵ и при поступлении на работу. Следует заметить, что работа по трудоустройству ребят была организована с момента открытия детдомов. В отчетном докладе Ростовского района за первую четверть 1943/44 уч. г. говорилось, что в это время в районе было 85 детей-сирот, 23 ребенка имели опекунов, 17 усыновлены, а 56 оказана помощь при поступлении на работу⁴⁶.

Таким образом, из архивных документов можно узнать, как местные власти, учреждения и организации Ростовского района в кратчайшие сроки, в условиях военного времени подготовились к приему и разместили эвакуированных граждан, оказывали помощь прибывшим из прифронтовой полосы и блокадного Ленинграда детям, окружив их заботой и вниманием.

1 Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО) Ф. Р. 6. Оп. 3. Д. 108. Л. 158.

2 Там же. Д. 108. Л. 157 об.

3 Там же. Л. 163.

4 Там же. Д. 257. Л. 173–175.

5 Там же. Д. 257. Л. 95 об.

6 Там же. Д. 108. Л. 163 об.

7 Там же. Д. 257. Л. 74.

8 Там же. Л. 82.

9 Там же. Л. 32.

10 Там же. Л. 13.

11 Там же. Л. 70.

12 Там же. Д. 257. Л. 57.

13 Там же. Д. 263. Л. 280–280 об.

14 Там же. Л. 112.

15 Там же. Л. 111.

16 Там же. Ф. Р. 71. Оп. 1. 1944 г. Д. 19. Л. 13 об. – 14.

17 Там же. Д. 15. Л. 16 об. – 17.

18 Там же. Л. 25.

19 Там же. Ф. Р. 8. Оп. 1. Д. 1105. Л. 132.

20 Там же. Ф. Р. 6. Оп. 4. Д. 63. Л. 31.

21 Там же. Оп. 3. Д. 257. Л. 120.

22 Там же. Л. 121.

23 Там же. Ф. Р. 8. Оп. 1. Д. 1105. Л. 132 об.

24 Там же. Ф. Р. 71. Оп. 1. 1944 г. Д. 11. Л. 1–8.

25 Там же. Ф. Р. 6. Оп. 4. Д. 63. Л. 92.

26 Там же. Оп. 3. Д. 257. Л. 307.

27 Там же. Л. 385.

28 Там же. Л. 386.

29 Там же. Л. 385 об.

30 Там же. Л. 386.

31 Район был образован постановлением Президиума ВЦИК от 25 января 1935 г. из частей Борисовского, Переславского и Ростовского районов Ярославской области и упразднен указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 октября 1959 г.

32 РФ ГАЯО. Ф. Р. 70. Оп. 1. Д. 2, 3; Ф. Р. 499. Оп. 1. Д. 1; Ф. Р. 501. Д. 1.

33 Там же. Ф. Р. 547. Оп. 1. Д. 21, 23; Ф. Р. 917. Оп. 1. Д. 1–5, 8–9.

34 Там же. Ф. Р. 71. Оп. 1. 1944 г. Д. 10–11, 15, 18–19.

35 Там же. 1943 г. Д. 10. Л. 17.

36 Там же. 1944 г. Д. 18. Л. 65.

37 Там же. Л. 35, 37.

38 Там же. Ф. Р. 6. Оп. 4. Д. 63. Л. 35, 53.

39 Там же. Д. 84. Л. 54.

40 Там же. Д. 130. Л. 23.

41 Там же. Ф. Р. 8. Оп. 1. Д. 1105. Л. 132.

42 Там же. Ф. Р. 6. Оп. 4. Д. 82. Л. 15.

43 Там же. Ф. Р. 71. Оп. 1. 1944 г. Д. 16. Л. 2, 8.

44 Там же. Ф. Р. 6. Оп. 4. Д. 325. Л. 7, 40, 182; Д. 394. Л. 43, 78.

45 Там же. Д. 239. Л. 18.

46 Там же. Ф. Р. 8. Оп. 1. Д. 1071. Л. 4.

60-летию Победы посвящается

«Нужно выдержать и возродить архив...»

**Из воспоминаний начальника ГАОРСС Ленинграда
Е.Н. Суловой**

60 лет назад отгремели залпы победного салюта. Чем дальше от нас события тех страшных военных лет, тем больший интерес вызывают воспоминания очевидцев. В нашей стране нет, пожалуй, ни одной семьи, которую бы не затронуло военное лихолетье.

Мы – сотрудники Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга – тоже считаем себя семьей. Архивной семьей. Мы, как дитя, родившееся через 25 лет после Великой Победы¹, часто задавались вопросами: как во время блокады в нашем архивном доме сохранились документы, как работали наши предшественники, как им удалось выжить в те страшные дни и ночи? На момент образования архива в его штате не оказалось ни одного участника событий, и лишь служебные документы (приказы, планы, отчеты, сводки, переписка и т.п.) могли рассказать о работе архива. Но хотелось чего-то другого, живого голоса человека, очевидца событий.

Д.А. Гранин², работая в 1960–1970-е гг. над своей книгой о блокадном Ленинграде³, собрал огромное количество документов, которые ему предоставили блокадники, живо откликнувшиеся на просьбу писателя о помощи. Они составили личный фонд писателя (Ф. 107). Среди документов их дневники и воспоминания, в том числе и мемуары Екатерины Николаевны Суловой «Вместе с архивом в блокаду Ленинграда и в войну»⁴, возглавлявшей в суровые военные годы Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ГАОРСС) Ленинграда.

Екатерина Николаевна родилась 7 октября 1905 г. в Санкт-Петербурге. В 1924 г. поступила и в 1929 г. окончила факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета по специальности историк-архивариус (так в документе). С октября 1926 по ноябрь 1936 г. – работник Ленинградского архивного бюро и ученый консультант Ленинградского областного архивного управления. С 1936 по 1937 г. преподавала историю в 84-й средней школе для взрослых при заводе «Вулкан». С 14 октября 1937 г. – заместитель, а с 4 октября 1940 г. начальник Ленинградского областного архива Октябрьской революции (позднее переименованного в ГАОРСС Ленинграда, ныне Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.)).

В грозном 41-м ей было всего 36 лет. На хрупкие женские плечи легла огромная ответственность по обеспечению сохранности фондов архива, их эвакуации, реэвакуации, забота о людях и т.д. Деятельность Екатерины Николаевны отмечена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁵. Она возглавляла архив до 18 марта 1948 г., затем была переведена на должность начальника научно-публикаторского отдела ГАОРСС. В сентябре 1949 г. перешла в Архив Академии наук СССР, где и трудилась до ухода на пенсию в ноябре 1962 г. Е.Н. Сулова очень многое делала

для пропаганды архивного дела, привлечения молодых историков к работе с документами. По архивным источникам ею написаны очерки (о М.В. Ломоносове, Ю.А. Гагарине и др.), составившие книгу «Необычайные судьбы»⁶.

В ходе подготовки настоящей публикации выяснилось, что Екатерина Николаевна проживает в г. Пушкине под Санкт-Петербургом. В этом году 7 октября ей исполняется 100 лет.

Воспоминания (68 машинописных листов) датированы 1965 г., хорошо сохранились, несмотря на плохое качество бумаги. Рукой Е.Н. Сусловой сделаны дополнения, внесены исправления, некоторые строчки заклеены бумагой. Это, по сути, своеобразная летопись работы архива и архивистов в блокадном городе.

Некоторые из упомянутых в тексте событий, но в иной редакции, освещены в названной выше книге очерков. Написанные ярко, хорошим литературным языком, мемуары являются бесценным документом по истории архивных учреждений. Поражают точность и логика их построения. Перед глазами читателя предстают живые картины быта и труда архивистов. Должность, которую Е.Н. Суслова занимала во время войны, обусловила пребывание автора в гуще событий, будь то спасение архивных документов в освобожденных от немцев городах: Пушкине, Павловске, Красном Селе, Вырице, Новгороде, участие в работе Всесоюзной конференции, посвященной 25-летию архивного дела в стране (Москва, 1–3 июня 1943 г.), и др. Читая рукопись, ощущаешь молодой задор, честность и самоотверженность автора.

В публикацию включены все разделы, выделенные автором, но из-за большого объема текст подвергся некоторому сокращению. Опушенные фрагменты заключены в угловые скобки. Их содержание не оговаривается, поскольку является продолжением описываемых автором событий.

Надеемся, что мемуары найдут отклик в душах читателей и будут интересны не только архивистам.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **Л.С. ГЕОРГИЕВСКОЙ.**

¹ ЦГАЛИ СПб. (ранее ЛГАЛИ) – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (до ноября 1987 г. Ленинградский государственный архив литературы и искусства) был образован 31 июля 1969 г.

² Гранин (Герман) Даниил Александрович (р. 1919) – писатель.

³ *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. М., 1982.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 107. Оп. 3. Д. 320. Л. 1–68. Подлинник. Машинопись с авторской правкой.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 79. Д. 1021. Л. 1–36.

⁶ *Суслова Е.Н.* Необычайные судьбы. Очерки о документах и архивах: Пособие для учащихся. М., 1979; *Она же.* Поиск архивных документов. Л., 1987; и др.

Вместе с архивом в блокаду Ленинграда и в войну

Готовимся

22 июня 1941 г. гитлеровские войска напали на Советский Союз. Мирные дни кончились.

Война!

С этого дня Государственный архив Октябрьской революции и социального строительства Ленинградской области, сокращенно называе-

мый ГАОРСС и хранящий документы учреждений, организаций, предприятий Ленинградской области и города Ленинграда – колыбели Великого Октября, становится не только научно-исследовательским учреждением, но и объектом местной противовоздушной обороны, одним из тысяч объектов общей обороны Ленинграда. И сотрудники – из 129 сотрудников большинство являются уже и бойцами МПВО* архива. И я выполняю обязанности не только старшего научного сотрудника, начальника архива, но и начальника объекта МПВО ГАОРССа. От нас потребовалось охранять и защищать от врага крупнейший архив Советского Союза, ценнейший архив мира, размещенный в шести многоэтажных зданиях, находящихся в разных районах города.

Всех бойцов группы самозащиты МПВО архива переводим на казарменное положение. Сначала непривычно было видеть в рабочих комнатах домашние вещи сотрудников, кровати, на тумбочках духи, пудру – большинство сотрудников женщины, но скоро к кроватям привыкли, точно они всегда стояли тут. Привыкают и к тому, что во всех зданиях архива круглые сутки, посменно, дежурят бойцы. Ведут журнал происшествий и донесений. И ежедневно дают по-военному рапорт в штаб объекта МПВО ГАОРССа, на улицу Воинова, 34¹. Оттуда общее донесение передают в штаб объектов МПВО архивного отдела Управления МПВО по Ленинградской области. ГАОРСС, как и все архивы Советского Союза, находился в те годы в ведении Министерства внутренних дел².

Изредка раздаются сигналы воздушной тревоги. Резкие, пронзительные, завывающие. По сигналу бойцы через плечо надевают противогазы, спокойно расходятся по лестницам, хранилищам, чердакам. Стоят на своих постах. Все понимают, что Ленинград гитлеровцы не оставят в покое**. <...>

Внимательно и печально смотрят сотрудники архива на знакомые и близкие связки дел, стоящие рядами на полках, уходящие вдаль. Они хотят запечатлеть их в памяти при расставании. Минуту молча вглядываются в них. Обегают глазами ярлыки связок, их номера. Потом протягивают к ним руки и решительно снимают с полок связки дел, назначенных к эвакуации. И по порядку, по фондам и номерам, связку за связкой, одну к другой, плотно укладывают в ящики, перекладывая старыми обложками, бумагой. Каждую связку записывают в поящичный реестр – в общую опись эвакуируемых архивных материалов, являющуюся ключом, единственным теперь топографическим указателем о местонахождении в ящиках эвакуируемых документов. А на крышке каждого ящика черной краской кисточкой большими буквами выводят – «АОР» и меньшими – номер отдела, номер фонда и валовый по всему отделу номер ящика. Гвоздями приколачивают крышку. Ящик обвязывают накрепко веревками. И, помогая друг другу, вдвоем несут и ставят на упакованные ящики. <...>

А сотрудников остается в архиве все меньше и меньше. Большинство мужчин ушло на фронт. Молодые девушки, добровольцами, пошли в санитарные батальоны. Часть матерей с детьми эвакуировались. Группа гаорс-совцев, вместе с ленинградцами, строят оборонительные сооружения на подступах к городу, работая под обстрелом и бомбежками врага. <...>

* Местная противовоздушная оборона.

** Далее опущена часть текста о значении документов и архивов.

Не допустили

В первый же день бомбежки, 8 сентября, мы получаем «боевое крещение». Протяжно завыл сигнал воздушной тревоги. Бойцы группы самозащиты архива на улице Воинова, 34, как обычно, надевают через плечо противогазы и спокойно расходятся по своим постам: в хранилища, на чердаки, крышу. <...>

С этого дня пошли ежедневные бомбардировки города. И днем, и вечером, и ночью, следующие иногда одна за другой. По несколько часов подряд. Изнуряющие, изматывающие. На Ленинград сбрасываются тысячи, десятки тысяч фугасных и зажигательных бомб, разрушающих здания, дома, заводы... погребая под обломками детей, стариков, женщин. <...>

Тревожно, страшно тревожно звучит сигнал, предупреждая об опасности. Нельзя привыкнуть к звуку, пронизывающему тебя насквозь, клещами хватающему за сердце. Стиснув зубы, бойцы архива, считая себя солдатами, обороняющимися, охраняющими архив, город-крепость, идут на свою боевую вахту: в хранилища, к телефону, на улицу, во дворы, на чердаки. И на крыше, у труб, застывают часовыми. Все слышат, все видят стражи крыш – глаза и уши. <...>

Разгоряченные, красные идем по крыше. И только тут замечаем, что на соседних крышах тоже воюют с горящими зажигательными бомбами, от которых светло кругом. И удивительно красиво, фантастично. Горят, мелькают огоньки на белых, заснеженных крышах, улицах, набережных, дворах. Мы даже останавливаемся, пораженные необычайным зрелищем. <...> В первые же «бои» с зажигательными бомбами убеждаемся: успех зависит от быстроты действий и нахождения под рукой всех средств их обезвреживания и пожаротушения. И как зажигалки ни брызгаются огнем, ни извиваются, ни корежатся, ни шипят, их все равно топят в бочках с водой, забрасывают, валяют, засыпают песком, затаптывают ногами... Не допускают поджечь архив. <...>

После напряженного дня и частых воздушных тревог мы спим на своих казарменных кроватях в архиве на Воинова, 34. Спим, как все ленинградцы, не раздеваясь. Сняли только противогазы и положили их около себя. Вдруг нас подбрасывает от сильного взрыва. Ничего не понимая, мы вскакиваем. Радио мирно постукивает в репродукторе. Тревога не объявляется, а взрывы рядом. В чем дело? Схватив противогазы и на ходу их надевая, выбегаем во двор. И сразу становится все ясно. Пожар! Пожар рядом с архивом! Горит пятиэтажный жилой дом, находящийся в одном дворе, в шести метрах от архива. <...>

В архиве все приходит в движение. Бойцы группы самозащиты по команде расходятся по своим постам: в хранилища, на чердаки, крышу, во двор, на улицу. И окружают здание архива. Пожарные команды приехали быстро. Пожарники еще на ходу соскакивают с машин. Одни бегут в дом, другие разворачивают рукава, поднимают механические лестницы к окнам. По лестницам лезут пожарники с брандспойтами... И вот уже блестящие водяные струи сражаются с огнем... Не допустить огонь и до архива! Об этом думают люди в блестящих касках, яростно сражающиеся с огнем. Об этом думаем мы, бойцы архива, кому доверены документы страны. Большинство бойцов с противогазами уже на крыше. И на соседних домах – темные силуэты верных часовых крыш, их изредка освещает свет пожара. Здание же

архива и гаорсовцы на крыше – все огненно-красные. Горит ближайшее к архиву крыло жилого дома. На нашу крышу, которая ниже горящего дома, падают искры, пепел, головешки. <...>

Кто знает! Не для ГАОРССа ли предназначался этот германский зажигательный снаряд замедленного действия? И, может быть, он только случайно попал в жилой дом, а не в архив?

Зажигательный снаряд был послан фашистами в здание бывшего Сената, в котором находится Центральный государственный исторический архив СССР и где от этого снаряда возник пожар. Пожар был быстро ликвидирован городскими пожарными командами, и документы почти не пострадали.

Город опять бомбят. Бомбят почти непрерывно... По сигналу воздушной тревоги бойцы расходятся по своим постам. Стоят, ждут, прислушиваются, вслушиваются, вслушиваются. Лица суровые, настороженные. По полету, свисту снарядов, разрывам бомб уже умеем различать, где они разрываются. Перелетают ли через архив, рвутся ли рядом. Томительно тянется бомбежка. И сердце беспокойно бьется. И мысль сверлит в мозгу: «Вот, вот... Сейчас... Попадет? Или не попадет?» Знаем: попадет! Если не в архив, то все равно гитлеровские снаряды больно впиваются в здания, заводы, дома, разрушают, разносят их. Убивают товарищей. К этому привыкнуть невозможно. <...>

Многое в начале войны нам было непонятно, неизвестно. Опыт, знания и блокадная мудрость пришли не сразу. Но очень скоро – в первые же дни, месяцы войны архивные работники – защитники архива, как и все ленинградцы, выковали и закалили в себе те новые качества: спокойствие при всех обстоятельствах, выдержку, умение держать себя в руках, мужество, упорство, которые [помогли] превозмочь и страшные изнуряющие бомбежки и обстрелы, и невероятную напряженность, и усталость, и гигантский труд, и голод и холод, и боль и страдания, и утраты и все, что принесла с собой война, близость фронта, блокада Ленинграда.

Не покладая рук

И все-таки никакие бомбежки и обстрелы не могли остановить, парализовать повседневную работу Ленинграда. И это, пожалуй, самое удивительное. <...>

За исключением рабочих, все сотрудники архива: научные, архивно-технические, начальники получают карточки служащих с 20 ноября 1941 г. по 125 граммов хлеба, а рабочие – по 250 граммов в день. И только с января 1942 г., после того как прокладывают по замерзшему Ладожскому озеру «Дорогу жизни» и освобождают от немцев Тихвин, начинают периодически увеличивать продовольственные нормы ленинградцам. И несколько позднее, сначала начальникам, потом научным, а затем и архивно-техническим сотрудникам архива стали выдавать карточки рабочих. А к концу войны – еще и дополнительные карточки. По карточкам питаемся в столовой при типографии и в здании бюро пропусков Управления МВД. Сотрудники истощены. Некоторых голод до неузнаваемости изменил. Многие опухшие, бледные, серые или очень худые, обтянутые кожей скелеты, с провалившимися глазами. Часть гаорсовцев не выдерживает голодного пайка³. <...>

Режим казарменной жизни соблюдается в архиве, даже в самые страшные дни зимы 1941/42 г.: все встают в одно и то же установленное время.

А если кто-нибудь, ослабев от голода, вовремя не поднимается, товарищи помогают ему. И партгруппорг Елена Архиповна Михайлова, маленькая, коренастая женщина, лет сорока, переваливаясь как утка на опухших, цинготных ногах, подходит, садится на кровать, участливо спрашивает:

– Ты что это!? Не больна ли? Хочешь, вызовем врача?

– Нет!.. Я так... Сейчас встану.

И невозможная слабость, усталость, ослабевший товарищ поднимается...

А на кухне уже топится плита, разожженная дежурным бойцом. Дрова весело горят, потрескивают. Общий большой медный чайник бодро шумит, выпуская из носика струйку белого пара, побулькивая кипятком – горячим, согревающим каждую жилку всегда зябнувших бойцов. И на горячих плитах стоят уже кастрюльки, сковородки. Одни – подсушивают хлеб, нарезанный маленькими кубиками, считая это сытнее, выгоднее. Другие – из столоярного клея варят студень... За общим столом пьют горячую воду, едят, что имеется.

Идут на работу, в рабочую комнату – рядом. И там уже уборщица или дежурный протопил печку. Тепло! Топливом архив был обеспечен. Хотя в хранилищах холодно, паровое отопление вышло из строя. В обеденный перерыв по очереди, чтобы в архиве всегда были люди на постах, идут в столовую. Возвращаются в рабочую комнату, работают. После рабочего дня, вечером, опять топят плиту, кипятят общий чайник, хлопочут около плиты. Вместе ужинают. Когда же установили в городе рационное питание, в столовую ходили три раза в день. Отдыхали тоже вместе.

Комната казарменников во вне рабочее время является центром жизни архива. Одни лежат на кроватях, отдыхают. Другие – сидят за общим столом – читают, вяжут, шьют. Или, устроившись на дровах перед печкой, греются, кочергой помешивают красные раскаленные угли. Разговаривают. Слушают радиопередачи, музыку. Здесь же проводят и митинги, и общие собрания сотрудников. Сообща обсуждают архивные дела. Переживают трудности, тревоги за архив. Мечтают. Думают об ушедших на фронт, умерших от голода, об эвакуированных до августа 1941 г. и в феврале, и марте 1942 г., когда возобновилась эвакуация ленинградцев по военно-автомобильной дороге через замерзшее Ладожское озеро. Много думают и об архивных документах, лежащих на этажах в хранилищах...

В архивохранилищах темно. Днем, вечером, всегда темно. Даже в солнечные яркие дни свет не проникает через блокадные «стекла» – фанеру, доски. Темно, мрачно, холодно в жилище документов. Часто документы вместе со зданием вздрагивают, подпрыгивают, качаются, стонут, скрипят стеллажи от взрывов бомб и снарядов, падающих рядом. Взрывная волна врывается в хранилища, из окон выбивает фанерки, доски, распахивает двери, смрадом, пылью обдаёт архивные связки, коробки с документами, стоящие на полках. Ветер гуляет по комнатам, пока заботливые руки бойцов архива не заделают окна.

В каждом здании архива осталось не более четырех-пяти, а иногда и меньше бойцов. Только на улице Воинова несколько больше, но их приходится часто посылать на помощь в другие отделы взамен больных. Те больные, у которых дома есть родные, уходят домой хворать. Одиноким заболевшим сотрудникам и болеют, и лежат в архиве. Маленькие группы бойцов неотлучно находятся в своих отделах на постах. И если нужно, ходят по тем-

ным, неосвещенным лестницам, этажам, чердакам, хранилищам, наблюдая, охраняя, оберегая доверенное им драгоценное документальное богатство Ленинграда.

В крошечной темноте, в те дни, когда нет керосина даже на фонарь «летучая мышь» – а с коптилкой ведь в хранилище не пойдешь, не разрешается ходить, – архивный работник в ватнике, ватных брюках, валенках, пальто, теплой шапке и закутанный в платок, шарф и еще в какие-то сорок одежек, идет в хранилище. Входит. Темная комната, темные стеллажи, темные окна, не пропускающие уличный свет, темные ящики с песком, бочки с водой... И тихо, тихо, если нет тревоги, налета врага. Тишина не нарушается даже редкими прохожими, машинами, идущими, проезжающими мимо здания архива. Только иногда очень глухо донесется стук хлопнувшей двери рабочей комнаты. Это вышел еще кто-то. Слышны замедленные шаги. В другое время их не было бы слышно, но сейчас в тишине они слышны. Шаги смолкают. И снова тишина. И темнота... А архивный работник идет по хранилищу, между стеллажей, осторожно и уверенно обходя то бочку с водой, то ящик с песком... как будто бы в хранилище и не темно, а светлым-светло и ясно все видно: стеллажи, полки, архивные связки и на белых ярлыках номера фондов, дел, архивные шифры. Здесь все знакомо, все изучено до каждой мелочи, детали. Каждый тупик, выступ, закоулочок хорошо известен. И все чувства: обоняние, осязание, слух, зрение так напряжены, что зрение доходит до ясновидения в темноте. Но больше всего помогает «архивное чутье», профессиональная память архивного работника. Она хранит не только знание тупиков, закоулочков хранилищ, не только знание состава и содержания документов отдела, но и номера архивных фондов, дел, связок, коробок, комнат, стеллажей, полок и даже размеры, толщину дел, цвет и качество бумаги документов, однажды побывавших в руках. И эти профессиональные чутье и память очень помогают в темноте, в блокаду. Сотрудник идет хотя и медленно от истощения, но уверенно и прямо к цели, к нужному стеллажу, полке, связке. Иногда лезет на лестницу, с трудом поднимая и ставя на ступеньки опухшие ноги. Взобравшись, замирает, сливаясь темной фигурой с темным стеллажом. Потом протягивает руку и идет по корешкам связок, стоящих на полках. То ли отсчитывая их в уме, то ли на ощупь определяя их размеры, толщину, качество бумаги, и по данным, ему известным, находит в темноте нужные дела. Берет с полки связку, одну, две. Осторожно слезает с лестницы. И прижимая к себе дела, бредет в темноте из хранилища.

Рабочая комната тоже тонет во тьме. Темными силуэтами выступают шкафы, стулья, столы. И люди, сидящие за одним большим столом, посредине которого на чем-то высоком стоит коптилка. Маленький язычок пламени то колышется, то тянется кверху, тускло, скупо освещая только стол и сотрудников, склонившихся над архивными делами. Появление на столе фонаря «летучая мышь» встречают как праздник, как награду за тяжкий труд. Каждый сотрудник имеет свое архивное задание, работу⁴. <...> Приходится выполнять работы, связанные с условиями жизни в заблокированном городе, в городе-крепости.

В апреле 1942 г. со всеми ленинградцами и гаорссовцы очищают свои улицы и дворы. В рост человека тянутся у тротуаров сугробы снега. Толстая ледяная кора покрывает улицы, дворы. Кучи снега, залитые грязью, не-

чистотами, заваленные сломанными кроватями, кастрюлями, черепками, битым стеклом... всюду, во дворах, соседствующих с жилыми домами. Все сотрудники архива заняты уборкой. Ломами, скребками, топорами скалывают, скребут лед. Снегом с грязью, разным мусором нагружают и впрягаются в санки-тележку на двух больших колесах и просто на большом листе фанеры тянут, везут их по черному, грязному снегу, по булыжнику, по асфальту и лужам... И вывозят на себе на свалку снег, сколку льда, мусор, хлам и нечистоты. И как заправские дворники метлами начисто подметают дворы и улицы пяти архивных зданий... И так приятно посмотреть на чистые улицы, дворы, на преобразившийся, такой прекрасный, величественный, строгий Ленинград.

С мая занимаемся и огородом. В выходной день по очереди и оставляя в отделах дежурных бойцов, поездом едем до Парголова⁵. От станции идем пешком полем километра три-четыре и доходим до нашего огорода. Неудачный у нас огород, земля – песок – почти ничего не уродила. Зато выкапываем из земли корни толщиной в мизинец, цветом и вкусом смахивающие на картофель. С появлением травы собираем лебеду, крапиву, щавель... Разводим костер. На нем в кастрюлях варим корни и траву. Тут же у весело горящего костра, сидя и стоя едим прямо из кастрюль. Да и домой еще везем дары природы. Корни, трава, воздух нас все же очень подкрепляют.

А летом сообща с сотрудниками государственных архивов Ленинграда ломаем на дрова двухэтажный большой дом на Языковом переулке. В перерыв ходим в «зеленую столовую», где все блюда только из травы. И без карточек! Полную миску каждый получает свежих, зеленых щей из лебеды или крапивы, и еще второе – тушеную траву. Есть можем мы беспредельно много. Но и работаем усердно. Быстро дом сметаем с лица земли. Разбираем по бревнышку, перевозим в архивы и распиливаем, колом на дрова. Обеспечиваем все здания ГАОРССа топливом на зиму 1942/43 г., и даже остается еще на следующий год.

Пользуясь сухими летними днями, устраиваем просушку хранилищ. Открываем зафанеренные окна, двери. Устраиваем сквозняки, чтобы плесень и сырость не коснулись ни одного из документов, не испортили их. Сметаем набравшуюся пыль, осколки стекол, грязь. Подметаем, моем полы, подоконники, рамы. Заделываем старым железом, толем дырки на крышах, пробитые осколками. Меняем, доливаем воду в бочки, досыпаем в ящики песок – на лестницах, в хранилищах, на чердаках. <...>

Стало светлее работать⁶. Радостнее, веселее, сытнее жить ленинградцам... Советские войска уже разгромили немцев под Москвой, а 18 января 1943 г. прорвали блокаду Ленинграда, разорвали проклятое кольцо и по узкой освобожденной полосе земли проложили железную дорогу, связавшую Ленинград с Большой землей. <...>

Со всеми архивами Большой земли архивы Ленинграда тоже готовятся к встрече 25-летия архивного строительства Советского Союза. Главное архивное управление⁷ проводило в Москве Всесоюзную конференцию историков-архивистов⁸, куда съезжались представители архивов, историки всего Советского Союза.

От ленинградских центральных и областных архивов посланцем в Москву направляют меня. Еду туда, как все едут тогда. Через Ладожское озеро, где гитлеровцы яростно бомбят наш пароход. Высаживаемся на берег.

В Кабонах*⁹ опять обстреливают с немецкого самолета. Погружаемся в товарные вагоны. Едем дальше. Приезжаем в Москву.

В Москве непривычно. Много поражает... И эта Всесоюзная конференция историков-архивистов всего Советского Союза в разгар войны, в Москве, была потрясающим фактом. Внушительные итоги работы советских архивов за 25 лет их существования, оглашенные начальником Главного архивного управления генералом Никитинским¹⁰. Интересен доклад и академика Панкратовой¹¹ о состоянии исторической науки и ее перспективах. Знаменателен доклад начальника научно-публикаторского отдела ГАУ товарища Софинова¹² по археографии и о перспективах развития публикаторской деятельности государственных архивов. Руководящие архивные органы ориентируют и готовят архивы и архивистов к мирной работе. Пахнуло спокойной, мирной обстановкой. Из выступлений запомнились слова Алексея Толстого. Он живо и образно рассказывает, как он работал в архивах и подбирал документы к своей работе «Петр I»... Все очень интересно слушать. И сидя в президиуме конференции, видеть присутствующих на ней. Тут и знакомые лица московских архивистов, историков, и эвакуированные ленинградцы: архивист-консультант Ленинградского архивного отдела, профессор и мой университетский учитель И.Л. Маяковский¹³, и архивист-консультант Центрального исторического архива, профессор В.К. Лукомский¹⁴...

В перерыве можно с ними со многими разговаривать. Вести беседы с руководителями ГАУ... Но... очень хочется скорее вернуться в Ленинград. <...> А Ленинград гитлеровцы все продолжают обстреливать из артиллерийских орудий, разрушать прекрасные, величавые здания, дворцы, набережные, заводы, жилые дома...

Но советские люди уже думают об их восстановлении. Архитекторы, инженеры, экономисты уже составляют проекты восстановления старых разрушенных и строительства новых, еще лучших зданий, домов, фабрик, мостов, чудесных улиц, проспектов, площадей... И архивисты думают об этом же. Знают, что старые архивные документы могут в этом помочь, как они неоднократно уже помогали. Знают, что архивные документы прошлого – это не мертвый груз; от правильного отношения к ним зависят настоящее и будущее. Знают, что руководители предприятий и учреждений, как нерасчетливые хозяева, забывают о существовании архивных кладов, не используют эти внутренние ресурсы страны и напрасно тратят силы, средства и удлиняют сроки. Знают, что нужно им об этом напомнить, подсказать...

Идем без приглашения, по собственной инициативе, еще в октябре 1943 г., в архитектурно-планировочное управление Ленсовета. Заходим к главному архитектору города. Говорим о цели своего прихода. Предлагаем использовать документы архивов при составлении плана восстановления Ленинграда. Это, оказывается, действительно нужно, кстати. <...> Научные сотрудники ГАОРССа разыскивают, выявляют, подбирают планово-технические и другие документы для восстановления жилых домов, служебных зданий, фабрик, заводов не только Ленинграда, но и Ленинградской области. О наличии в архиве документов пишем многим: и Ленинградскому городскому и областному жилищным управлениям, и всем райисполкомам,

* Так в документе, правильно Кобона.

райжилотделам, райнаробразам Ленинграда. Подробные перечни нужных для восстановления документов высылаем и заводам: Кировскому, «Красному треугольнику», «Красному выборжцу»... И горисполкомам Ленинградской области: Новгородскому, Псковскому, Кингисеппскому...

И вот уже в читальном зале архива на столах лежат стопками раскрытые и выявленные гаорссовцами архивные дела. <...>

За армией. На помощь документам

К снятию блокады и решительному бою за Ленинград готовятся тщательно и все, и все уверены, что в этом бою враг будет изгнан с Ленинградской, советской земли. Готовимся и мы, архивисты, следовать за Ленинградским фронтом: спасать, собирать и охранять уцелевшие документы и архивы. Еще гитлеровцы обстреливают город, еще не выступили Ленинградские воинские части, а в кабинете начальника архивного отдела уже собираются архивисты областных и центральных архивов Ленинграда, которые должны отправиться вслед за Ленинградским войском. <...>

И вот настали эти знаменательные дни. С необычайной силой, гулко, грозно заговорили орудия Ленинградского фронта. Войска двинулись на врага. На сборный милицейский пункт в подвал здания на Мойке собираются милиционеры. И архивисты – первые разведчики документов в освобождаемых городах и районных центрах Ленинградской области.

За несколько дней до выезда: люди, машины, продукты, все подготовлено, чтобы по команде быстро, без задержки выехать в освобожденный район, город. По названиям этих городов и милицейские отряды назывались: «Красносельцы», «Петергофцы». Отряд за отрядом выезжают в освобожденные города. <...>

Начальник отделения, минер и я направляемся к Екатерининскому дворцу¹⁵. <...> Оба дворца и лицей фашистами совершенно опустошены. В них буквально ничего нет. Одни голые стены. И кое-где остатки содранных тканей, обоев, бронзы. Сверкающие до войны золотом купола и кресты церковного флигеля стали черные. Все золото с них снято. Исчезли и сотни, тысячи великолепных зеркал, жирандолей, плафонов, ценнейшего паркета, орнаментальных украшений, картин, мебели, фарфора, мрамора, бронзы... Все, все гитлеровцы разграбили и вывезли в Германию. Оставили только мины замедленного действия с расчетом полного уничтожения дворцов. Самый большой снаряд замедленного действия с хвостом-пропеллером лежал в первом этаже Екатерининского дворца, под самым Белым тронным залом. Если бы он взорвался, от дворца бы ничего не осталось. Не вышло! Минеры его успели обезвредить и продолжили очищать дворец от мин. <...>

Уже одна, с чемоданчиком в руках иду по протоптанной минерами тропке посредине занесенной снегом улицы мертвого города. Ни одного человека не видать. Ни один дымок не поднимается над крышей. Никто не сидит на скамеечке перед домом. Одни разрушенные здания, черные, закопченные, опаленные огнем... Приглядываюсь к ним, прислушиваюсь к взрывам мин. Иду и все думаю: «Что же мне делать?» На инструктировании в архивном отделе говорили: «Действуйте смотря по обстоятельствам». А обстоятельства здесь такие: многие улицы непроходимы совершенно, завалены срубленными деревьями и заминированы, здания и дома то-

же заминированы. Всех жителей Пушкина фашисты угнали с собой. Ни одного, ни одного человека не оставили. Ни у кого ничего нельзя спросить, узнать... Что же делать? Кажется ясно, нужно осматривать здания по порядку. А как? <...> Неожиданно у меня появляется большой отряд помощников. Молодые, здоровые, веселые минеры. Они становятся разведчиками документов. Охотно и по-братски помогают мне в поисках документов и архивов.

Из Пушкина я хожу и в Павловск. Утром ухожу туда, вечером возвращаюсь в наше пушкинское приветливое милицейское общежитие, в подвал, на готовый вкусный обед и ужин сразу. Обед готовится краснощекой поварихой, прибывшей на другой день вместе со следующей партией милиционеров. Обед варится уже в большом котле, как в банном, прямо на улице, на костре, против нашего подвала.

Павловск тоже очень разрушен и заминирован. Как Пушкин! И все его жители угнаны немцами. И в Павловске работают те же минеры, что и в Пушкине. И помогают мне в поисках. <...>

А в феврале 1944 г. меня снова направляют в освобожденный город. На этот раз в Новгород, во второй заезд туда ленинградцев. Архивисты – первые разведчики документов – уже побывали в нем. Они выяснили и сообщали в архивный отдел о разорении Новгородского государственного архива и о необходимости спасения его документов. Кроме ленинградских архивистов сделать это некому – в Новгороде нет ни одного архивного работника. На помощь направляются сотрудники ГАОРССа. <...>

Все вместе идем в Новгородский государственный архив. Он – на окраине города. В бывшем Духовом монастыре. Чудом, как говорили, в этот монастырь не попал ни один немецкий снаряд. А в примыкающем к церкви бывшем игуменьем доме жили немецкие минеры. И в котором, после освобождения города, временно разместилось Новгородское городское управление МВД, которое и охраняло архивные материалы до нашего приезда в таком виде, в какой их привели оккупанты.

Пришли. Открыли дверь в архивохранилища. И хотя нам говорили, что предстоит увидеть, но мы остолбенели. Гора... Гора архивных дел, сброшенных на пол с украденных высоких трехъярусных стеллажей, вздымалась под куполом. И разлившееся по всей пустой церкви и застывшее волнами мертвое море разноцветных: серых, желтых, синих, голубых, белых отдельных документов, дел, связок. Разрозненных, перепутанных, перемешанных. Без обложек, папок, ярлыков. Надорванные и разодранные. Измятые и сжатые комками. Облитые и подмоченные. Загрязненные, затоптанные, с прилипшей грязью, размазанной и вмятой подковами сапог... Сотни тысяч дел учреждений, организаций, предприятий города Новгорода, города русской славы и величия, и Новгородской губернии с XVII в. до 40-х гг. XX в. превращены в хаос, частично уничтожены, растащены... Молча и долго стоим перед растерзанными, замученными документами. Нет слов... Не выразить словами ни возмущения, ни гнева к осквернителям архива, ни презрения к вандалам, заклеившим себя позором... Да, несомненно, отношение к архивам, документам определяет культуру человека, нации, народа, государства!

Сообща решаем: все нужно выдержать и возродить архив во имя истории, науки, культуры, для советского народа, для поколений. <...>

Вернулись!

Война еще не кончилась. Но фронт уже далеко от Ленинграда. Советские войска крушат, уничтожают, побеждают, гонят германские войска на всех фронтах.

К платформе станции Октябрьская товарная, в один из сентябрьских дней 1944 г., замедляя ход, подходит и останавливается длинный, тяжелый товарный эшелон с реэвакуированными фондами архивов Ленинграда. Его встречают сотрудники архивов. Машут руками. Улыбаются. Из вагонов высовываются сияющие лица приехавших архивных работников. Они на ходу высказывают, кричат: «Вернулись! Вернулись! С документами! Целыми! Невредимыми!» <...>

Более людно и оживленно в рабочих комнатах. Архивные работники и ходят, и стоят с делами, и сидят за столиками со стопками дел и документов. Работают. Разбирают и описывают архивные фонды, составляют по документам, по литературным источникам справки по истории фондообразователей. Заполняют фондовые карточки для учета архивных фондов. Принимают от организаций дела на постоянное хранение в архив. Выявляют нужные документы для их использования при восстановлении Ленинграда. <...>

[Е. Суслова, 1965 г.]

ЦГАЛИ СПб. Ф. 107. Оп. 3. Д. 320. Л. 1–68. Подлинник. Машинопись с авторской правкой.

¹ Ныне – ул. Шпалерная, д. 34. ГАОРСС располагался здесь до 1969 г., ЦГАЛИ СПб. – с 1970 г.

² Мемуарист ошибается: в те годы – Наркомата внутренних дел.

³ Из женщин-бойцов, живших в архиве, никто не умер.

⁴ Архив выполнял свою повседневную работу: проводилась экспертиза ценности документов, подбирались дела для читального зала, составлялись ответы на запросы учреждений и граждан.

⁵ Станция Парголово – поселок городского типа Ленинградской области.

⁶ В ноябре 1942 г. в Ленинграде дали электрический свет.

⁷ Мемуарист ошибается. Верно: Управление государственными архивами (УГА) НКВД СССР (1941–1947).

⁸ О конференции подробнее см.: *Цаплин В.В.* Конференция историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 42–55.

⁹ Кобона – деревня на берегу Ладожского озера, где проходила «Дорога жизни».

¹⁰ Никитинский И.И. (1905–1974) – начальник УГА НКВД СССР в 1939–1947 гг., генерал-майор госбезопасности.

¹¹ Панкратова А.М. (1897–1957) – историк, академик АН СССР. Труды по истории революционного и рабочего движения.

¹² Софинов П.Г. (1915–1964) – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и практики архивного дела ИАИ в 1943–1947 гг. В годы войны начальник научно-публикаторского отдела УГА НКВД СССР.

¹³ Маяковский И.Л. (1878–1954) – профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и практики архивного дела МГИАИ в 1946–1953 гг.

¹⁴ Лукомский В.К. (1882–1946) – историк, профессор. Труды по сфрагистике, геральдике, генеалогии, архивоведению, истории книги.

¹⁵ Екатерининский, Александровский дворцы и Лицей расположены в г. Пушкине (Царское Село).

«Я слагаю с себя звание и профессию служителя религиозного культа...»

Биография иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) по документам российских архивов

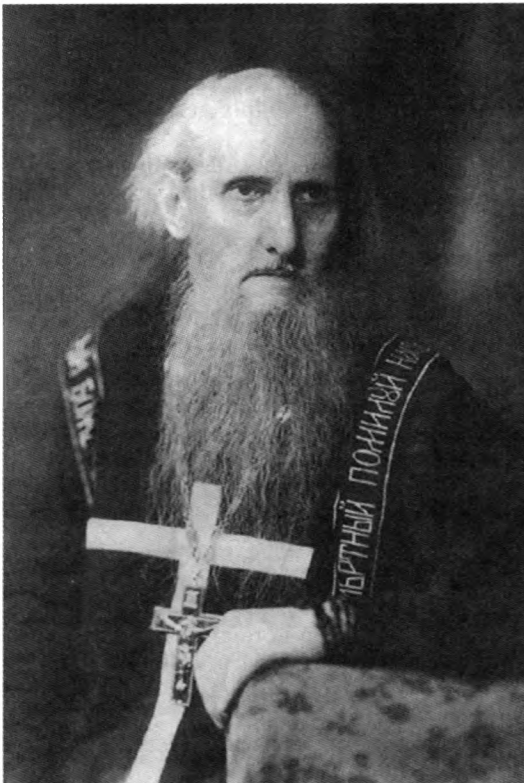
В последние годы опубликовано много книг и статей¹, посвященных иеросхимонаху Сампсону (Сиверсу), отражающих его яркую биографию, составлено «Жизнеописание», базирующееся главным образом на мемуарных источниках и излагающее основные события жизни следующим образом.

10 июля (27 июня по ст. ст.) 1900 г. в Петербурге в семье военного и крупного сановника графа Сиверса родился мальчик. Его назвали Эдуард. Отец, граф Яспер Александрович Сиверс, имел чин полковника, был начальником штаба генерала Рузского, командующего Северным округом под Ригой, личным советником и другом императора Николая II. Последний, посещая семью Сиверсов, часто брал на колени маленького Эдуарда.

Мать, Анна Васильевна – англичанка, благородного происхождения, воспитывала сына в строгих правилах англиканской веры, но когда мальчик подрос, он принял православие (1917 г.) с именем Сергей (в честь преподобного Сергия Радонежского), а в 1918 г. отправился в Иоанно-Богословский Савво-Крыпецкий монастырь. Группа вооруженных солдат-латышей, нагрянувшая в монастырь, арестовала его. Монахи ежедневно посещали послуш-

ника, принося хлеб и молоко. Под праздник Покрова Богородицы Сиверса расстреляли. Тем не менее он остался жив, был ранен в правую руку. Ночью монахи вытащили его из груды трупов и, одев в красноармейскую форму, доставили к матери. В военном госпитале в Тихвине врачам удалось справиться с начавшейся гангреней. В этом городе произошло знакомство Сиверса с епископом Тихвинским Алексием (Симанским), будущим патриархом, у которого он тайно стал иподиаконом. Оставшись в Тихвине, Сиверс устроился заведующим клубом, читал общеобразовательные лекции в госпиталях, ездил в командировки по продовольственным вопросам. Во время последних выполнял поручения епископа Тихвинского Алексия, обеспечивая связь патриарха Тихона с опальными священнослужителями, в частности заключенным Новгородским митрополитом Арсением и др.

Благодаря помощи епископа Алексия в мае 1921 г. поступил в Александро-Невскую лавру. 25 марта 1923 г. пострижен в монахи под именем Симеон. 19 января

[1960-е гг.]

1925 г. рукоположен в сан иеромонаха. Одновременно с принятием священства стал казначеем лавры.

У Сиверса исповедовались академик И.П. Павлов, президент АН СССР академик А.Н. Карпинский и др. В 1928 г. иеросхимонах Серафим Вырицкий благословил о. Симеона на старчество. После закрытия Александро-Невской лавры в 1932 г. всех монахов арестовали, о. Симеона увезли на Соловки, затем в Узбекистан. В день Победы 9 мая 1945 г. о. Симеон утонул в Ферганском канале им. Сталина. Колхозники вытащили его баграми, вызвали милиционера для составления акта о смерти, а затем повезли на кладбище. Когда дорогой от тряски вода вылилась, утопленник ожил и сел на телеге. Везшие его узбеки в страхе стали кричать: «Русский Бог воскрес!»

Указ об амнистии церковнослужителей 1945 г. не изменил жизнь о. Симеона. Документы на освобождение местное начальство от него скрывало. Зная, что подобная практика означает расстрел, в августе 1945 г. он решился на побег. Ночью шел, а днем прятался от людей и собак. Так добрался до Киргизии, оттуда долетел на «кукурузнике» до Ташкента. В 1946 г. перебравшись в Ставрополь к митрополиту Антонию, который дал ему приход сначала в с. Винодельном, затем в ст-це Когульта. Под влиянием Симеона молодежь вместо клуба пошла в церковь. Обеспокоенная таким развитием событий местная власть решила арестовать иеромонаха по окончании одной из литургий. Узнав об этом, верующие спрятали о. Симеона в бочку для полива и вывезли в поле. Затем он переехал в Борисоглебск. Пензенский архиепископ Кирилл назначил его настоятелем церкви в Рузаевке. Следующий приход – Макаровка, где иеромонах Симеон чудом получил паспорт. (Все 5 лет после лагерей он пребывал под угрозой нового ареста, так как из-за побега не имел документов.) Служил в Мордовии, в селе Спасском, в Полтавском женском монастыре, в 1956–1958 гг. в Волгограде в Казанском кафедральном соборе вторым священником. Его проповеди и особая забота о прихожанах вызывали ревность клириков собора. По просьбе настоятеля храма владыка Сергей направил иеромонаха Симеона в Псково-Печерский Успенский монастырь, где тот находился с 1958 по 1963 г., по-прежнему привлекая молодежь проповедями и вызывая недовольство партийных и советских органов. Чтобы сохранить обитель, монастырская власть решила «пожертвовать» о. Симеоном и выслала его из монастыря. Тогда иеромонах обратился к патриарху Алексию I (Симанскому), который предложил ему выйти за штат. С 1963 по 1979 г. о. Симеон жил в Москве. В 1966 г. был пострижен в великую схиму с именем Сампсон в честь преподобного Сампсона Странноприимца.

Скончался иеросхимонах Сампсон 24 августа 1979 г. после тяжелой болезни, отпевали его в церкви святителя Николая в Кузнецях, похоронен на Николо-Архангельском кладбище в Москве.

Эти общеизвестные факты из жизни иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) позволили его почитателям в 1998 г. подать прошение о канонизации, поступившее в одну из рабочих групп Московской епархиальной комиссии во главе с игуменом Дамаскином (Орловским)². Ее члены отыскивали и изучили огромный комплекс исторических документов, сосредоточенных в РГИА, РГВА, ЦГА г. Санкт-Петербурга, госархивах Волгоградской и Псковской областей, архиве УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и архиве УФСБ РФ по Воронежской области. В ходе работы комиссии был выявлен ряд расхождений между опубликованной биографией иеросхимонаха и документами, обнаруженными в различных архивохранилищах³. Так, дед Сампсона не был академиком, а являлся классным художником 3-й степени при Академии художеств, мозаичистом. Его отец не имел титул графа, не был полковником и начальником штаба генерала Рузского, а работал в главном управлении делов Министерства двора канцелярским служащим, произведенным за выслугу лет в 1913 г. в коллежские ассессоры. Вызывает сомнение и факт пребывания

иеросхимонаха в 1918–1921 гг. в Савво-Крыпецком монастыре Псковской епархии и его ранение красными солдатами-латышами, заподозрившими в нем «особу царского рода». В документах РГВА указывается, что в этот период Эдуард Сиверс служил в Красной армии, был ранен под Гатчиной 30 сентября 1919 г. в бою с наступавшими на Петербург войсками Юденича. Справедливости ради, надо сказать, что эти сведения он неоднократно подтверждал в официальных документах.

Неустойчивость характера монаха Сиверса проявлялась во время его жизни в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре. Его утверждения о благостном нахождении в стенах этой обители опровергаются документами РГИА. Они свидетельствуют об остром конфликте монаха с духовным собором монастыря и о последовавшем примирении. Не подтверждается и дата его рукоположения в иеромонахи 19 января 1925 г. Не существует источников об отбытии Симеоном (Сиверсом) и трехлетнего срока в Соловецком лагере особого назначения. Напротив, в документах Архива УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области определенно указано, что с 1932 г. монах находился в Свирлаге.

17 мая 1936 г. иеромонах Симеон (Сиверс) был арестован Борисоглебским городским отделением НКВД по Воронежской области, ему было предъявлено обвинение по статьям 58¹⁰ ч. II и 58¹¹ УК РСФСР. Документы Архива УФСБ РФ по Воронежской области повествуют о трагических метаниях иеромонаха. Они вызывают жалость к Симеону (Сиверсу) как к человеку, попавшему в водоворот системы, однако ярко показывают его сомнения в вере. Приведенные нами примеры искажений в официальной биографии – лишь незначительная часть. К большому сожалению, она вся полна несоответствиями и мифами.

Обнаруженные противоречия послужили препятствием для канонизации иеросхимонаха Сампсона (Сиверса), но выявленные членами комиссии документы заслуживают издания. Они представляют интерес для широкой общественности в плане популяризации корпуса разнообразных по составу и содержанию архивных документов о жизни конкретного человека, а также возможностей их использования для уточнения биографических данных. Дают наглядный пример применения источниковедческих методов для борьбы с мифологическим искажением антропологической истории.

Для публикации отобраны наиболее важные, информационно насыщенные документы за 1900–1936 гг., отражающие происхождение, службу в Красной армии, жизнь в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре, пребывание в Свирлаге, рукоположение в сан иеросхимонаха, преследование Сиверса советской властью в 1932 и 1936 гг.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **С.Н. РОМАНОВОЙ**. Выявление документов в архивах проводили историки-архивисты: **О.В. ГОЛОВНИКОВА** (РГВА), **Н.С. КРЫЛОВ** (РГИА).

¹ См. напр.: Подвижники благочестия XX столетия. М., 1994; Старец иеросхимонах Сампсон: В 3 т. М., 1995; 1997 – 2001; Твой Авва и Духовник [иеросхимонах] С[ампсон]. М., 1996, 2000; Иеросхимонах Сампсон (Сиверс). Дневник. М., 1998; 1999; Старец иеросхимонах Сампсон: Воспоминания современников. М., 1999; 2000; и др.

² 13–20 августа 2000 г. состоялся Архиерейский юбилейный собор Русской православной церкви, где были канонизированы и прославлены новые мучени-

ки и исповедники российские. Этому событию предшествовала большая кропотливая работа Синодальной комиссии по канонизации святых, епархиальных комиссий, фонда «Память мучеников и исповедников Русской православной церкви». В задачи комиссии входили исследование церковного и канонического характера. Перед фондом стояли проблемы выявления и критического анализа достоверности исторических документов с научной и церковной точек зрения. Для проведения этой работы при неко-

торых епархиальных комиссиях были созданы рабочие группы.

³ К любому жизнеописанию, поступающему в Синодальную комиссию по канонизации, составляется исследовательский план, состоящий из конкретных фактов. Дата рождения и происхождение человека подтверждаются метри-

ческими книгами, образование – документами органов просвещения, воинская служба – многочисленными документами воинского учета, сведения об арестах и следствии – судебно-следственными делами. Задача членов комиссии – выявить и проанализировать архивные источники.

№ 1

Выписка из метрической книги Англиканской церкви в г. Санкт-Петербурге о крещениях за 1900 г.¹

27 июня 1900 г.

Когда крещен	Имя	Имена родителей	Место жительства	Род занятий	Кем была совершена церемония и дата рождения [младенца]	[Примечания и восприемники]
10/23 июля 1900	Эдуард-Александр	Яспер Александрович Сиверс Мэйбл Энни Сиверс	Малая Итальянская, Петербург	Канцелярский служащий Императорского Двора	27 июня / 10 июля 1900 Уильям А. Маклауд	Принят в церковь 20 октября [по] с[тарому] с[тилю]

РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 3. Л. 248. Перевод. Подлинник на англ. яз. Рукопись.

№ 2

Из формулярного списка о службе чиновника VIII класса Главного управления уделов, коллежского асессора Яспера-Иоганна Сиверса

[Не ранее 15 сентября 1893 г. – не позднее 21 июня 1917 г.]*

Коллежский асессор Яспер-Иоган-Даниил Александрович Сиверс, чиновник VIII класса Главного управления уделов. Родился 22 января 1873 г., реформатского вероисповедания <...> сын художника мозаики². <...> Воспитывался в Главном немецком училище Св[ятого] Петра, где и окончил курс наук по коммерческому отделению. Приказом по Гвардейской стрелковой бригаде от 15 сентября 1893 г. за № 74 зачислен на службу в л[ейб]-гв[ардии] 4-й стрелковый императорской фамилии батальон рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда <...> ефрейтором 5 декабря

* Датируется по содержанию.

1893 г. <...> унтер-офицером 11 апреля 1894 г. <...> Оставлен на службе еще на один год ввиду изъявленного им желания держать офицерский экзамен 15 сентября 1894 г. Уволен в запас 14 августа 1895 г. Высочайшим приказом произведен в прапорщики запаса армейской пехоты 12 сентября 1895 г. <...> Приказом по Удельному ведомству, состоявшимся 23 сентября 1897 г. за № 10, определен на службу в сие ведомство с назначением канцелярским служителем. <...> Высочайшим приказом о чинах гражданских, состоявшимся по ведомству Главного управления делов 28 октября 1913 г. за № 70, произведен за выслугу лет в коллежские асессоры <...> Приказом по Министерству земледелия от 15 июня 1917 [г.] за № 42 откомандирован в особый отдел с 21 июня 1917 г. <...>

Обязан службой в ополчении по 22 января 1923 г., о чем сообщено С[анкт]-Петербургским губернаторским по воинской повинности присутствием отношением от 4 ноября 1909 г. за № 1229. <...>

Женат первым браком на великобританской подданной девице Мабелли Васильевне Гаре (имеет от роду 26 л. / 1898 г.).

Имеет: 1) сына Эдуарда-Александра, род. 27 июня / 10 июля 1900 г.; дочь Мери-Юлия, род. 27 июня / 10 июля 1900 г.*; 2) дочь Ольга, родившаяся 10 июля 1902 г., 3) сын Александр, род. 10 февраля 1906 г.

РГИА. Ф. 515. Оп. 73. Д. 662. Л. 27–32. Подлинник. Рукопись.

№ 3

Анкета письмоводителя 43-го Виндавского стрелкового полка войск обороны железных дорог³ Э.Я. Сиверса⁴

29 января 1919 г.

Сиверс Эдуард Яковлевич, родился 27 июня 1900 г., уроженец г. Петрограда.

Образование – *полный курс реального реформатского училища.*

Семейное положение – *холост.*

Занимаемая должность – *письмоводитель на Петроградском участке Моск[овско]-Винд[аво]-Рыб[инской] ж. д.*

Время поступления на службу – *13 ноября 1918 г. До поступления на службу охраны служил в 1-м Адмиралтейском резервном полку.*

По чьей рекомендации принят – *тов[арища] комисс[ара] отд[ела] нед. имущ**.*

Причины ухода с последнего места – *окончание срока всеобщего обучения.*

Э.Сиверс

РГВА. Ф. 18695. Оп. 1. Д. 22. Л. 392. Автограф.

* Последняя запись позднее зачеркнута, приписано: «умерла».

** Так в тексте. Возможно, «недвижимого имущества».

№ 4

Из протокола заседания духовного собора Свято-Троицкой
Александро-Невской лавры

18/31 марта 1922 г.

Слушали: п. 4. Доклад наместника лавры архимандрита Николая о пострижении послушника Сергея Сиверса в монашестве с наречением имени Симеон 12/25 марта.

Постановили: Принять к сведению.

РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 165. Л. 26 об. Подлинник. Рукопись.

№ 5

Заявление монаха Симеона в духовный собор Свято-Троицкой
Александро-Невской лавры с просьбой об отпуске⁵

9 июля 1922 г.

В духовный собор Александро-Невской лавры.

Рапорт

Ввиду открывшихся ран ранения от присутствия в руке и теле девяти осколков пули и острого невроза, прошу благословить мне предоставить недельный отпуск для поправления здоровья.

Монах Симеон

Резолюция: «Благославляю. Наместник лавры архим[андрит] Иоасаф⁶».

Помета: «В журнал не надо».

РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 114. Л. 20. Автограф.

№ 6

Из протокола заседания духовного собора Свято-Троицкой
Александро-Невской лавры⁷

7/20 ноября 1922 г.

Слушали: п. 7. Рапорт монаха Симеона Сиверса об увольнении его в за штат вследствие болезни руки, с просьбой временно остаться в занимаемой келии до приискания другого помещения.

Постановили: Просьбу в за штат отклонить, обратиться с ходатайством в Петроградское епархиальное управление об откомандировании его в один из петроградских монастырей.

РГИА. Ф. 812. Оп. 14. Д. 165. Л. 116–116 об. Подлинник. Рукопись.

№ 7

**Из протокола заседания духовного собора Свято-Троицкой
Александро-Невской лавры**

30 ноября/13 декабря 1922 г.

Слушали: п.5. Прощение монаха Симеона Сиверса (с принесением полного покаяния за оскорбление духовного собора лавры) о принятии его обратно в лавру.

Постановили: Принять в число братии в распоряжение о[тца] благочинного и о[тца] эконома на послушание⁸.

РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 165. Л. 123 об. Подлинник. Рукопись.

№ 8

**Протокол допроса Сиверса в УНКВД Ленинграда
и Ленинградской области⁹**

9 марта 1932 г.

1932 г. марта месяца 9 дня, я* <...> допрашивал в качестве обвиняемого гражданина Сиверс[а] и на первоначально предложенные вопросы он показал:

1. Фамилия: *Сиверс*.
2. Имя, отчество: *Симеон Яковлевич*.
3. Возраст (год рождения): *1900 г.*
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство): *из бывш[их] дворян, ур[оженец] г. Л[енин]града, отец – чиновник Главн[ого] управл[ения] уделов Минист[ерства] двора.*
5. Местожительство (постоянное и последнее): *Ленинград[ская] Ал[ександр]о-Невская лавра (Монастырка, д. 1, к. 127).*
6. Род занятий (последнее место службы и должность): *служитель культа – иеродиакон Ал[ександр]о-Невской лавры.*
7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время): *холост; сестра Ольга Яковлевна Сиверс 29 лет, в браке не состоит, проживает в Лондоне, за границу выехала в 1922 г. для лечения; там же проживает родственница тетка Хери Эдита; в Ленинграде прожив[ает] мать Анна Васильевна Сиверс 55 лет, преподаватель Фонетического института и еще в другом**.*
8. Имущественное положение (до и после [Октябрьской революции] допрашиваемого и его родственников): *нет.*
9. Образовательный ценз (первоначальное образование, средняя школа, высшее, специальное, где, когда и т.п.): *среднее – реальное училище при реформатск[ой] церкви.*

* Фамилия следователя в протоколе не указана.

** Так в тексте.

10. Партийность и политические убеждения: с 1920 г. мая месяца и до сентября того же года был кандидатом в ВКП(б) в г. Тихвине и вышел из партии по собственному желанию по религиозным убеждениям.

11. Сведения об общественной и революционной работе: до 1922 г. заведовал гарнизонным клубом в г. Тихвине.

12. Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции, после нее): под следствием и судом не состоял.

13. Служба у белых: нет.

Показания по существу дела: в 1917 г. окончил реальное училище. И до 1918 г. служил в жилищном отделе Центрального р-на в Ленинграде. В 1918 г. добровольцем поступил в Кр[асную] армию и прослужил до 1922 г., в Кр[асной] армии служить начал с рядового красноармейца и последняя должность была помощника военного уездного комиссара в гор. Тихвине. Имел ранение в 1919 г. под гор. Гатчина при наступлении Юденича разрывной пулей, следствием чего [стали] потеря правой руки и контузия головы. Ввиду тяжелого ранения я пробыл в госпитале сперва в Ленинграде, потом в Тихвине, более полутора лет. Будучи еще в госпитале, подал заявление о вступлении в ВКП(б), рекомендации мне дали: военком госпиталя и завхоз госпиталя (фамилии их я не помню). По выходе из госпиталя я явился в Тихвинский уездвоенкомиссариат и предложил свои услуги продолжать службу в Кр[асной] армии. Меня военком принял на службу и назначил своим помощником. При вступлении в партию у меня были еще колебания в религиозном убеждении, но потом, проверив себя и твердо убедившись, что быть партийцем и одновременно посещать и молиться в церкви [нельзя], решил подать заявление о выходе из партии по религиозным убеждениям. По выходе из партии я был оставлен работать в воен[ном] комиссариате и заведовал гарнизонным клубом. Тогда же стал посещать, совершенно открыто, церковь. В начале 1922 г. я демобилизовался из Кр[асной] армии и поступил в Историческую комиссию по изучению войны на море в 1904–1905 гг. при Военно-морской академии, в архив, где проработал с полгода. Одновременно имел службу в Александро-Невской лавре церковного сторожа. Там же мне была предоставлена келия. В январе 1923 г. службу в Исторической комиссии оставил по собственному желанию, так как решил принять монашество. Постриг совершил в марте 1923 г. К этому я пришел с совершенным сознанием. После расстрела митрополита Вениамина¹⁰ наша лавра полным составом монашествующих перешла в обновленчество. Был прислан митрополит Николай¹¹, выдвинутый обновленчеством на этот пост, тогда как он был женатый священник. Всеми монашествующими митрополит Николай был принят, я же, как несогласный с нарушением канонических основ, противодействовал этому тем, что не подготовил облачений и прочего для встречи нового настоятеля лавры. Покинул свою братию и ходил ежедневно в единственный тихоновский православный Казанский собор, спустя полтора года вернулся обратно в братию лавры. В году 1925-м¹² я совместно [со] всей лаврой покаялся и вернулся в лонно православной тихоновской церкви. Я приверженец исключительно тихоновской церкви.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано, в чем и подписываюсь.
Сиверс

Допросил: уполномоченный*

Архив УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-75829.
Л. 142–143. Подлинник. Рукопись.

№ 9

Ставленная грамота иеродиакона Симеона (Сиверса) перед рукоположением в иеромонахи**13

18 января 1935 г.

Допрос перед рукоположением во иеромонахи 1935 г. января месяца 18-го дня, в канцелярии архиепископа Тамбовского и Мичуринского, в Мичуринске Воронежской области, проситель Тамбовской епархии безместный иеродиакон Симеон (в мире Сергей Иаковлевич) Сиверс, ходатайствующий о посвящении его во иеромонаха, при опросе показал:

От роду я имею 34 года (родился 1900 г., июня месяца 27-го дня); сын дворянина (графа). Обучался в Петроградской (ныне Ленинградской) гимназии (1916 г.) и в Богословском институте (там же, в 1925 г.). Холост; пострижен в монашество в 1922 г., посвящен во иеродиакона в 1923 г.

Вероисповедания православного; в старообрядческом, в обновленческом, в григорианском, автокефалистском расколе не состою; с сектантами общения не имею и впредь состоять и иметь не буду.

Дел, препятствующих посвящению меня в иеромонаха, за мною не значится.

В контрреволюционных организациях не состою и состоять не буду; антисоветской деятельностью не занимаюсь и заниматься не буду.

Болезням заразительным и неизлечимым не подвержен; увечья и физических недостатков, препятствующих священнослужению, не имею.

Рукоположения в сан иеромонаха ишу не из любочестия и не для выгоды, а для славы Божией, для блага Святой православной Российской патриаршей церкви и для спасения души моей и душ ближних моих.

К сему допросу руку приложил:

Иеродиакон Симеон

Допрос производил:

Вассиан, архиепископ Тамбовский и Мичуринский¹⁴

Помета: «Настоящий допрос выдается иеромонаху Симеону (Сиверс) 20 января 1935 г., г. Мичуринск Воронежской области. † Вассиан, архиепископ Тамбовский и Мичуринский. Дело № 104/1934 г.»***

Архив УФСБ РФ по Воронежской области. Д. 1934. Л. 7–8. Подлинник. Рукопись.

* Подпись неразборчива.

** На документе штамп: «Силы гражданского акта настоящий документ не имеет».

*** Документ заверен личной печатью архиепископа Вассиана.

№ 10

**Заявление Симеона (Сиверса) начальнику УНКВД
Воронежской области о сложении сана¹⁵**

10 августа 1936 г.

Начальнику управления областного сектора НКВД
арестован[ного] Сиверс[а] Семена Яковлевича,
содержащегося под стражей в г. Борисоглебске
по обвинению по ст. 58¹⁰ УК 1-й части

Заявление

Меня известили 5 августа с.г., что мое дело перечислено за обл[астным] управлением НКВД г. Воронежа. Вторично заявляю¹⁶ настоящим моим заявлением, что актом моего сознательного раскаяния в обвинениях, мне следствием предъявленных, в коих я признался, подробно вскрыв свои вины, как сознательный гражданин, а не враг истине и справедливости дела рабочего класса в стране Советов.

Я слагаю с себя звание и профессию служителя религиозного культа, раскаиваюсь в своем поступке безрассудной твердолобости и близорукости, став некогда им.

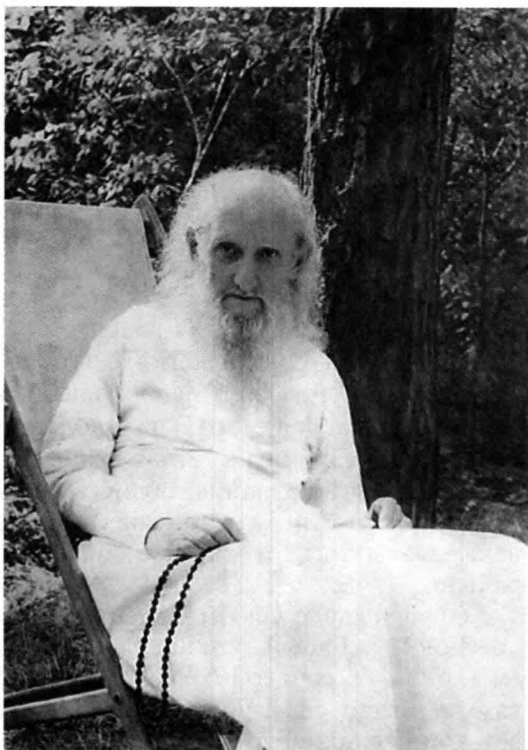
Надеюсь, что этот акт (подтверждения моего раскаяния) послужит смягчением на суде при определении мне наказания и в дальнейшем дает мне возможность и право своими знаниями и хорошей грамотностью принести общественную и государственную пользу в стране бесклассового общества.

Соответствующее заявление о моем отказе от профессии и звания служителя религиозного культа намерен объявить чрез печать в ближайшие десять дней.

Прошу настоящее мое заявление присовокупить к делу следствия и считать это документом пред прокурором и судом.

С.Сиверс

Архив УФСБ РФ по Воронежской области. Д. 1934. Спецпакет. Автограф.

[1970-е гг.]

№ 11

**Заявление Симеона (Сиверса) начальнику управления НКВД
г. Борисоглебска с просьбой о высылке¹⁷**
*[Не позднее 26 августа 1936 г.]**

 Начальнику сектора НКВД г. Борисоглебска
з/к Сиверс[а] С.Я., содержащегося в тюрьме г. Борисоглебска

Заявление

Предварительное следствие показало, что я искренне, честно, со всею сознательностью честного гражданина СССР признался и раскаялся во всем, в чем я был виновен. Я подробно, в письменной форме, по своей личной инициативе раскаялся в своих винах, стараясь как можно яснее доказать свое осознание своих вин. Своими показаниями я помог следственному органу подробно изучить мое дело и достаточно доказал, что я по своему слабоволию, слабохарактерности и несамостоятельности подпал под влияние церковников и некоторых а[нти]с[оветских] личностей, с которыми имел общение, был малодушным нытиком из-за постигших меня жизненных неудач и ошибок, притом будучи еще физическим инвалидом-хроником, что имело большое влияние на психическую подавленность¹⁸.

Следствие также убедилось в том, как мне и заявлял, что ничего злого, злобно-преднамеренного, умышленного в моих поступках не нашли, что я был лишь жертвою а[нти]с[оветской] среды, с которой я сталкивался.

Моя первая судимость в 1932 г., по которой я не получил ни одного конкретного обвинения, а попал по изоляции духовенства из города Ленина в исправтрудлагеря, полагаю, не будет мне зачтена в отрицательном смысле в характеристике обо мне.

Мое состояние физического здоровья инвалида-хроника (85 % потеря правой руки, контузия головы, порок сердца, пораженность туберкулезом обеих верхушек легких, острая неврастения, граничащая [с] психозом и истерией) – имело подавляющее влияние на мои поступки и психику. Тяжелая моральная подавленность, как последствие пережитых мною жизненных неудач и ошибок, арест и период предварительного следствия, осознание глубины и тяжести своих вин и ошибок меня жестоко наказали, удвоив мою инвалидность. Неужели нужно меня еще наказывать, когда я уже несу наказание морально, потрясен и убит морально.

Обращаюсь с убедительнейшей просьбою: убедиться во всем вышеизложенном и Вашей санкцией предоставить мне высылку с прикреплением в один из городов СССР (на наибольший срок с поражением в правах) как меру наказания, где я обещаю честным словом гражданина советской страны не только загладить свои вины максимально полезно-общественным трудом (отказавшись, чрез печать, от служ[ителя] культа),

* Датируется по тексту пометы.

но доказать свою сознательность и преданность делу социалистической Родины.

С.Сиверс

Помета*: «Направить...[Гр. Попов]** 26.08.[1936]».

Архив УФСБ РФ по Воронежской области. Д. 1934. Спецпакет. Автограф.

№ 12

Заявление Симеона (Сиверса) председателю суда о нарушениях в ходе следствия

22 декабря 1936 г.

Председателю суда
гр. Сиверс[а] С.Я., обвиняем[ого] по ст. 58¹⁰ УК

Считаю вправе заявить суду о своей просьбе <...> [в связи с] нижеследующими причинами не считаю законным разбирательство обвинений, мне предъявляемых на заседаниях суда.

Пользуясь тем, что я был в болезненном состоянии психоневростении, котор[ой] я заболел 11 мая с. г. (см. справка Свирлага НКВД¹⁹, свидетельство врача невропатолога Соколова, от марта м[есяца] с.г.), в этом состоянии был арестован 17 мая с.г. совершенно больным. Соответствующим образом созданной мне обстановкой следователями рай[онного] НКВД г. Борисоглебска был доведен до предела психоневростении и острой расстроенности сердечной деятельности (о чем имеются справки врачей борисоглебской горполиклиники) – систематическими оскорблениями, угрозами расстрела, переводом из № 4 КПЗ в подвал, лишения передачи меня тяжело больного, *навязывали*^{***} мне признаться, показывать так, как следователю это хотелось, клеветнически предъявляя мне выдуманные вины, на что я, как психоневростеник, решил давать показания, какие следователю были удобны и желательны, *выдумывая* часто, на самого себя материал.

Ни одна просьба мне дать очную ставку с[о] свидетелями не была удовлетворена, которые со всею ясностью должны были доказать всю несостоятельность предъявленных мне вин. Сознательный отказ мне следователями под разными предложениями предоставить мне для прочтения законом установленное право обвиняемого показания свидетелей (кроме свидетеля красноармейца Климова А.И.) по окончании следствия.

Извращение моих показаний при записи (протоколов допроса), с применением угроз их мне подписать, редактируя текст моих показаний так, как следователю заблагорассудится.

С большим трудом мне удалось добиться – опровергнуть обвинение в мнимой а[нти]с[оветской] группировке (58¹¹ УК), которое мне было на-

* Текст пометы неразборчив.

** Возможны варианты в прочтении, подпись неразборчива.

*** Подчеркнутое в документе выделено курсивом.

вязано гр. Фельдманом, пользуясь моей психоневростенией и острой психической подавленностью.

Если бы мне была предоставлена благоприятная обстановка содержанием не в КПЗ, а в тюрьме, без использования моей подавленности психоневростеника, при правильном и законном ведении следствия, мое дело имело бы* совершенно иную окраску характера моей виновности.

Пользуясь тем, что ни одно свидетельское показание мне неизвестно и не прочитано (кроме свидетеля Климова А.И.), и всем вышеизложенным, прошу суд найти возможным отложить мне дело от рассмотрения настоящим заседанием суда и передать на: 1) переследствие при 2) новом составе следователя и 3) строгом соблюдении всех законом установленных прав обвиняемого.

Копию настоящего заявления, в случае отказа судом моей просьбы, буду принужден препроводить как жалобу военпрокурору 10-го корп[уса] г. Воронеж[а]²⁰.

Иеромонах Симеон

Архив УФСБ РФ по Воронежской области. Д. 1934. Спецпакет. Автограф.

¹ В метрических книгах этой церкви имеются записи о рождении сестры Ольги (22 октября 1902 г.) и брата Александра (30 апреля 1906 г.) Сиверсов (РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 9. Л. 5, 9).

² В РГИА хранится большой комплекс документов о дедушке иеросхимонаха Сампсона – Александре Ивановиче (Александре-Фердинанде) Сиверсе, выходеце из мещан, окончившем Академию художеств и удостоенном звания некласного художника в 1849 г. (Ф. 789. Оп. 1. Д. 3501. Л. 21 об.– 22, 201, 202–203; Д. 3569. Л. 1–2 об.; Оп. 19. Д. 734. Л. 19 об.). Имеются дела о заказе мозаичисту Сиверсу иконы святого Александра Невского в 1865 г. (Ф. 472. Оп. 19. Д. 85); мозаичного стола для императрицы в 1860 г. (Ф. 789. Оп. 3. Д. 47); сведения о других его работах, о присвоении звания классного художника 20 октября 1867 г., его женитьбе на Юлиане-Марии Арнгольд, рождении сына Яспера-Иоганна-Даниила (Ф. 1343. Оп. 40. Д. 4652. Л. 3–4); и т.п. Документы свидетельствуют, что Александр-Фердинанд Сиверс, отец Яспера Александровича Сиверса, дед иеросхимонаха Сампсона, вышел из мещанского сословия в связи с присвоением ему звания некласного художника. По действовавшему в то время законодательству ему должно было быть присвоено потомственное дворянство или личное, потомственное почетное гражданство или личное. Поскольку в РГИА сохранились документы, свидетельствующие о присвоении потомственного почетного гражданства вдове и детям А.-Ф. Сиверса, очевидно, что художник окончил жизнь личным почетным гражданином (Ф. 1343. Оп. 40. Д. 4652. Л. 10 об.–11).

³ 43-й Виндавский стрелковый полк войск обжелдор Северного флота был образован в результате переименования 43-го пехотного железнодорожного полка Северного флота, сформированного в Петрограде 27 декабря 1918 г. В феврале 1919 г., в связи с ликвидацией Северного флота, полк передан в подчинение штаба войск обжелдор Петроградского военного округа, а 11 сентября 1919 г. – в распоряжение Петроградского отделения начобдор Западного фронта. 15 сентября 1919 г. полк реформирован в 13-й батальон железнодорожных войск. Дислоцировался в Петрограде (РГВА. Ф. 18695. Оп. 1. Д. 1, 4), выполнял задачи по обороне железных дорог на участке Петроград – Дно – Батецкая – Луга (см.: РГВА. Ф. 17426. Оп. 1. Д. 6–7, 16).

* В документе: «было».

4 В РГВА имеется регистрационная карточка личного состава полка, заполненная Э.Я. Сиверсом 13 ноября 1918 г., где указывается о его поступлении письмоводителем в пулеметную команду Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги (Ф. 18695. Оп. 1. Д. 22. Л. 393). В приказах по личному составу полка содержатся сведения о его продвижении по службе в феврале–июле 1919 г. (Ф. 18695. Оп. 1. Д. 4, 21). В картотеке бюро по учету потерь РККА на фронтах Гражданской войны значится: «Красноармеец 43-го Виндавского стрелкового полка Сиверс Эдуард Яковлевич, гражданин г. Петрограда. Ранен в правое плечо навывлет. Время и место сражения – 30 сентября 1919 г., г. Петроград. Поступил в Семеновский военный госпиталь, Лазаретный пер., д. 2, 30 сентября 1919 г.». Аналогичные сведения имеются в «Алфавитной книге учета военнослужащих, находящихся на излечении в Петроградском Семеновском военном госпитале № 2 за 1919–1920 гг.», в приемной книге больных госпиталя за 30 сентября 1919 г. под № 10341 (Ф. 19111. Оп. 1. Д. 41. Л. 388об.–389). Нужно заметить, что, согласно имеющимся в ЦГА Санкт-Петербурга документам, последней мирской должностью Сиверса была служба заведующим Тихвинским гарнизонным клубом в 1919–1922 гг. (Ф. 5805. Оп. 1. Д. 446. Л. 669).

5 Аналогичных заявлений об отпуске для залечивания ран и получения на это пособий в РГИА несколько (РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 114. Л. 21, 92).

6 Иоасаф (Журманов Александр Ефремович) (1877–?) – архиепископ. В 1922–1923 гг. архимандрит Александро-Невской лавры. В августе 1922 г. поддержал обновленческий раскол. В сентябре 1922 – ноябре 1923 г. обновленческий наместник Александро-Невской лавры. После принесения покаяния в ноябре 1923 г. благочинный Ленинградской епархии.

7 Постановлению предшествовало прошение монаха Симеона от 30/13 октября 1922 г. об увольнении его за штат монастыря с просьбой оставить за ним временное келью. «В противном случае, – писал Симеон, – я, как бывший красноармеец и навсегда инвалид 1-й категории, принужден буду прибегнуть к защите существующего в РСФСР на этот предмет закона» (РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 114. Л. 22).

8 В журнале духовного собора Свято-Троицкой Александро-Невской лавры от 24 января/6 февраля 1923 г. в пункте 6 указывается, что «за усердное служение святой обители монаха Симеона постановлено исходатайствовать пред управляющим Петроградской епархией Артемием о возведении монаха Симеона в сан иеродиакона» (РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 166. Л. 7). Рукоположение в сан иеродиакона состоялось 2 февраля 1923 г. (там же. Л. 14 об.).

9 Иеромонаха Симеона арестовали 18 февраля 1932 г. В анкете НКВД, заполненной иеродиаконном Симеоном (Сиверсом) 18 февраля 1932 г., в графе «Место работы (службы) с 1921 г. по день ареста» указано: «Монах-дьякон» (Архив УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-75829. Л. 140–141). В протоколе допроса от 17 мая 1936 г. по делу № 1934 имеется запись: «б) после революции судим в 1932 г. по ст. 58¹⁰⁻¹¹ УК, осужден на 3 года, к/лагерь, срок наказания отбыл в Свирлаг НКВД» (Архив УФСБ РФ по Воронежской области. Д. 1934. Спецпакет).

10 Вениамин (Казанский Василий Павлович) (1873–1922) – митрополит. С 1910 г. епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии. 25 мая (7 июня) 1917 г. избран архиепископом Петроградским и Ладожским, 14 (27) августа возведен в сан митрополита. Член Священного собора Российской православной церкви (1917–1918), заместитель члена Священного Синода. 29 мая 1922 г. арестован по делу «об изъятии церковных ценностей», в июле приговорен Петроградским губернским ревтрибуналом к расстрелу. Расстрелян. Реабилитирован. В 1992 г. Архиерейским собором Русской православной церкви причислен к лику святых.

11 Имеется в виду Федотов Николай (1866–1934) – протоиерей, впоследствии обновленческий «митрополит». До перехода в 1922 г. в обновленческий раскол был протоиереем, благочинным г. Ейска. С 29 апреля по 9 мая 1923 г. участник IV об-

новленческого «собора», член почетного президиума и предсоборного отдела, председатель дисциплинарного отдела, подписал акт о низложении патриарха Тихона. С 1930 г. обновленческий «митрополит Череповецкий», затем «митрополит Орехово-Зуевский».

¹² Покаяние произошло в ноябре 1923 г.

¹³ В протоколе допроса иеромонаха Симеона от 9 июня 1936 г. с его слов записано: «После отъезда Арсения я был со службы уволен и под влиянием монашек поехал в Мичуринск к архиепископу Вассиану, где рукоположился им в сан священника».

¹⁴ Вассиан (Пятницкий Владимир Васильевич) (1879–1940) – архиепископ Тамбовский и Шацкий. В 1902 г. окончил юридический факультет Московского университета, адвокат. С 1913 г. пострижен в монахи, учился в Московской духовной академии. В 1921 г. епископ Егорьевский. В 1925 г. примкнул к григорианскому расколу. В 1926 г. запрещен в священнослужении заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). После покаяния в 1927–1936 гг. епископ Тамбовский и Козловский, с 1930 г. – Тамбовский и Шацкий. Арестован в 1935 г. В 1940 г. умер в ссылке.

¹⁵ 17 мая 1936 г. иеромонах Симеон (Сиверс) был арестован Борисоглебским городским отделением НКВД Воронежской области, ему было предъявлено обвинение по ст. 58¹⁰ ч. II и 58¹¹ УК РСФСР (уголовное дело № 1934). На первом допросе, состоявшемся в день ареста, он показал, что «принимал для исповеди верующих у себя в квартире», и назвал имена нескольких своих знакомых. На вопрос следователя, признает ли он, что при этом велись разговоры антисоветского характера, иеромонах Симеон ответил: «Нет, этого я не признаю, т.к. в этой квартире я вел разговоры исключительно религиозного характера». Однако на втором допросе, 31 мая 1936 г., Симеон признал себя виновным, назвал имена и фамилии верующих и пересказал то, что они якобы говорили против советской власти. Свои показания неоднократно подтверждал на следующих допросах. 10 июля 1936 г. был подписан протокол об окончании следствия (Архив УФСБ РФ по Воронежской области. Д. 1934. Спецпакет).

¹⁶ Первое заявление сделано не позднее 10 июля 1936 г. (Архив УФСБ РФ по Воронежской области. Д. 1934. Спецпакет).

¹⁷ Заявление аналогичного содержания направлено иеромонахом Симеоном 10 сентября 1936 г. в управление Воронежского областного отдела НКВД. Оно написано не его рукой и лишь подписано им.

¹⁸ В заявлении от 22 декабря 1936 г. председателю суда иеромонах Симеон писал: «Я был в болезненном состоянии психоневротении, которой я заболел 11 мая с.г.» (Архив УФСБ РФ по Воронежской области. Д. 1934. Спецпакет).

¹⁹ Сиверс упоминал именно Свирлаг, а не Соловецкий лагерь, как указано в опубликованных биографиях.

²⁰ 20 мая 1964 г. по протесту прокурора г. Ленинграда С.Я. Сиверс реабилитирован за отсутствием состава преступления.

«Вести русскую массу к политической коммуне нужно через религиозную общину»

Письмо иеромонаха Илиодора В.И. Ленину

В фонде Царицынского губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов Государственного архива Волгоградской области (ГАВО) хранится любопытный документ – письмо иеромонаха Илиодора В.И. Ленину.

Илиодор (С.М. Труфанов) – заметная фигура в общественно-политической жизни России 1908–1914 гг. Достаточно сказать, что он сначала способствовал выдвижению Григория Распутина¹, а впоследствии стал ярким противником последнего и написал книгу о нем с характерным названием – «Святой черт»².

Сергей Михайлович Труфанов родился в сентябре 1880 г. в хуторе Большом Мариинской станицы 1-го Донского округа области Войска Донского в семье дьякона. Окончив Санкт-Петербургскую духовную академию, служил в сане иеромонаха в Волынской епархии. В 1908 г. переведен в Царицын на должность заведующего монастырским подворьем Царицынского мужского Святодуховского монастыря (более известного впоследствии как Илиодоров монастырь).

В Царицыне началась и общественная деятельность иеромонаха, разделявшего взгляды «Союза русского народа»³. Он обращался с зажигательными речами к верующим, клеймил государственные порядки, чиновников, судей, интеллигенцию, называл их врагами русского народа. Именовал себя «верноподданным работником-миссионером»⁴. Яростно обрушивался на Л.Н. Толсто-

Илиодор на территории монастыря

го, называя его богохульником, вероотступником, «духовным разбойником», на гласных городской думы за отказ предоставить монастырю дополнительную землю, на редакторов местных газет за публикацию вредных, с его точки зрения, материалов. Благодаря демагогии и популистским лозунгам проповеди Илиодора приобрели необычайную известность. На монастырском подворье иногда собиралось до пяти тысяч человек.

За Илиодором установили негласный надзор полиции. Жандармы вели за ним постоянное наблюдение, записывали его речи.

Опасаясь влияния его проповедей на верующих, церковные власти приняли решение перевести иеромонаха из Царицына в Тульскую губернию. Однако он во время проповеди заявил об отказе покинуть Царицын, объявил голодовку, послал телеграммы императору, Синоду и епископу Саратовскому Гермогену⁵. Власти всерьез опасались народных беспорядков, так как верующие заявляли о намерении погибнуть голодной смертью за своего пастыря. Жандармский ротмистр писал в рапорте: «Я видел слезы у старых жандармов, казаков, городских и других далеко не слезливых людей. Эта тысячная рыдающая толпа, готовая за своего пастыря о. Илиодора идти, что называется, в огонь и в воду, положить голову на рельсы, заморить себя голодом, производит крайне жуткое, необъяснимое впечатление... От такой ненормальной толпы народа можно было ждать всяких неожиданностей...»⁶ Под давлением общественности Синод отменил решение о переводе Илиодора в Новосильский монастырь Тульской губернии.

Наиболее ярким и скандальным событием стало паломничество Илиодора в Саров на праздник перенесения мощей Святого Серафима Саровского, задуманное им с целью «спасения православной веры, самодержавия и просто-

Илиодор читает народу благодарственную телеграмму Николаю II

го русского народа». На это торжество стекались тысячи паломников. Илиодор отправился туда со своими приверженцами, которых собралось до тысячи человек, среди них и члены «Союза русского народа». Они учиняли скандалы и бесчинства, особенно доставалось представителям прессы, интеллигенции.

За эти беспорядки Синод наложил на Илиодора послушание: он был сослан во Флорищеву пустынь Владимирской епархии на десять месяцев, чтение проповедей ему было запрещено. В марте 1911 г. иеромонах бежал в Царицын, укрылся за стенами монастырского подворья, объявив о своем неповиновении правительству и Синоду. Здесь его и посетил Распутин⁷. В проповеди, посвященной этому событию, Илиодор неустанно подчеркивал: «Наш брат во Христе Григорий Ефимович, великий человек...»⁸

В 1912 г. был пойман и вновь заточен во Флорищеву пустынь. Наказание не усмирило Илиодора. После освобождения он написал Синоду о своем отречении от православной церкви: «Жалко было расставаться со старым Богом, в которого я искренне верил, горячо-горячо и самоотверженно ему служил. Теперь у меня новый Бог, не ваш...»⁹

Илиодор попытался создать новый культ – «Солнца и Разума», основал в станице Мариинской (область Войска Донского) общину «Новая Галилея», начал строительство храма. Отошел от «Союза русского народа». Отрекся от Распутина, особо подчеркнув: «Несмотря на то, что он, Распутин, трижды обещал мне скорый епископский сан и бриллиантовую панагию, избочичаю его»¹⁰, величал его не иначе как «святой черт». Извинился за свои неоднократные антисемитские высказывания: «Народ израильский... на тебя я больше всех напал. Крови твоей я никогда не жаждал, но людей против тебя настраивал...»¹¹ Изменил отношение к Льву Толстому. В 1912 г. он попросил у писателя прощения: «Прости меня, священный прах великого, равного Христу, Старца, великолепного и блистательного Льва, без меры я издевался над тобой... тайный разум мой соглашался с тобой почти во всем твоим вероучением, но явно разум, наполненный учителями смесью из истины и лжи, восставал на тебя и вынуждал меня бить тебя»¹². И это после того, как несколько ранее, 8 ноября 1911 г., в речи он публично заявил: «Главным врагом Церкви православной и всего русского народа является великий яснополянский безбожник и развратитель, окаянный граф Лев Толстой...» и назвал «позором для всей России»¹³ выставку в Историческом музее, посвященную писателю.

Особенно рьяно Илиодор нападал на власть. За богохульство, произнесение оскорбительных слов об императоре и особах царствующего дома, организацию преступного сообщества неоднократно подвергался преследованию полиции. В 1914 г. началось следствие по его делу. К этому времени относится и покушение илиодоровки Феоны Гусевой на Григория Распутина. Об организации иеромонахом этого покушения сообщила газета «День». Илиодор свою причастность к покушению отрицал, но полностью его одобрил. Боясь судебного преследования, он бежал с хутора Большого, где проживал, переодевшись в женское платье, сначала в Петербург, затем через Финляндию и Швецию в Норвегию. В 1918 г. вернулся в Царицын и жил там до 1922 г.

Публикуемый документ относится к этому времени. Нам не известно, дошло ли письмо до В.И. Ленина¹⁴. Однако приемной Совнаркома оно было получено и копия направлена в Наркомат юстиции РСФСР. Последний, в свою очередь, попросил Царицынский губисполком «в срочном порядке» сообщить о характере и размерах движения, поднятого в губернии Илиодором¹⁵. При дознании выяснилось, что бывший иеромонах переоценил свои возможности. Председатель Царицынской губчека в своем послании в центр отмечал: «В сущности, никакого движения массового нет и характер его учения противоположский, т.е. против старого духовенства за укрепление новой религии, соответствующей быту мелкобуржуазных слоев населения в настоящий период времени»¹⁶.

Полагаем, что именно малочисленность поклонников заставила Илиодора покинуть сначала Царицын, а затем и Советскую Россию, перебраться в США. Он жаждал общественного поклонения и признания, а страна жила уже совсем иными интересами. Таков был этот человек – фанатик и демагог, защитник царя, веры и богоотступник, способный увлечь за собой толпы народа и предававший его ради своих интересов.

О жизни Илиодора в Америке достоверно не известно. По слухам, он работал таксистом и умер в нищете.

Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации **Е.В. БУЛЮЛИНОЙ, И.В. ГАРСКОВОЙ.**

Иллюстрации (выявлены **Е.Н. ЛЕБЕДЕВОЙ**) изготовлены с кинокадров документального фильма «Торжество по случаю пожертвования государем императором и государыней императрицей 10 000 рублей в пользу погорельцев в Царицыне в местечке “Кавказ”¹⁷». 1910 г. Автор Парфианович. РГАКФД. № 12165.

¹ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864–1916) – выходец из крестьян Тобольской губернии. В 1990-х гг. сблизился с сектантами, странствовал, впоследствии представлен императорской семье. Приближен к императрице, верившей в его способность останавливать кровь у болевшего гемофилией престолонаследника. Обвинялся современниками в том, что оказывал влияние на ход государственных дел. Деятельность Распутина использовалась либеральными кругами как повод для дискредитации императрицы Александры Федоровны и всей императорской семьи. Убит в результате заговора (Хроника России. XX век. М., 2002. С. 208–209).

² *Илиодор (Труфанов С.)*. Святой черт. (Записки о Распутине). М., 1917.

³ «Союз русского народа» – правая политическая организация в России, создана в ноябре 1905 г. в Петербурге, имела свыше 500 отделов в других городах (председатель А.И. Дубровин, товарищ председателя В.М. Пуришкевич). Главная цель – борьба с революцией. Нацеленная на сохранение самодержавия и единства империи монархическая и шовинистическая программа Союза одновременно содержала требования улучшения положения трудящихся и избавления от бюрократии. В 1908 г. из него выделился «Союз Михаила Архангела», в 1910 г. распавшийся на «Союз русского народа» (Н.Е. Марков) и «Всероссийский дубровинский союз русского народа» (А.И. Дубровин). С их участием в Российской империи проведено не-

сколько террористических актов против либералов и революционеров, организованы еврейские погромы. После Февральской революции эти организации были распущены, а их деятельность стала предметом расследования Всероссийской чрезвычайной комиссии (Хроника России. XX век. С. 84–85).

⁴ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 205. Л. 357.

⁵ Гермоген (Долганев Георгий Ефремович) (1858–1918) – церковный и политический деятель, епископ, кандидат богословия. С 1898 г. ректор Тифлисской духовной академии, с 1901 г. епископ Вольский, с 1903 г. – Саратовский. Пытался положить конец влиянию Г.Распутина на царскую семью, что вызвало резкое недовольство Николая II. В 1912 г. за разногласия с Синодом сослан в Жировицкий Свято-Успенский монастырь. С 1917 г. епископ Тобольский. Активно выступал против советской власти. Пытался оказать помощь царской семье, сосланной в Тобольск. В 1918 г. арестован и вывезен в Тюмень. При отступлении Красной армии из города утоплен большевиками в р. Тура.

⁶ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 272. Л. 161–162.

⁷ *Степанов С.А.* Илиодор // История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 338.

⁸ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 272. Л. 161–162.

⁹ Там же. Д. 304. Л. 230–236.

¹⁰ Там же. Д. 273. Л. 242.

¹¹ Там же. Д. 304. Л. 236.

¹² Там же. Д. 223. Л. 275.

¹³ Там же. Д. 273. Л. 241, 542–543.

¹⁴ В.И. Ленину была известна деятельность Илиодора в «Союзе русского народа». В работах 1908–1912 гг. «П.Маслов в истерике», «Карикатура на большевизм», «Об избирательной кампании к избирательной платформе», «Три вопроса», «Избирательная плат-

форма РСДРП» он негативно оценивал его как мракобеса и черносотенца.

¹⁵ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 10. Л. 53.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Кавказ» – окраина Царицына, где проживала городская беднота, постоянно подвергалась пожарам. Ныне – центр г. Волгограда.

Письмо С.М. Труфанова (Илиодора) председателю СНК РСФСР В.И. Ленину с предложением о сотрудничестве

16 июня 1921 г.

Совершенно секретно

Вход[ящий] № 5404

Глубокоуважаемый товарищ – брат Владимир Ильич!

С тех пор, как я вышел из рядов попов-мракобесов, я в течение девяти лет мечтал о церковной революции. В нынешнем году (на Пасху) церковная революция началась в Царицыне. Народ, осуществляя свои державные права, избрал и поставил меня патриархом Живой христовой церкви. Но дело пошло не так, как я предполагал, ибо оно начато не так, как должно.

Революция началась без санкции центральной Советской власти. Чтоб поправить дело и двинуть его по более правильному пути, я обращаюсь к Вам и кратко поясняю следующее: церковная революция имеет целью разрушить поповское царство, отнять у народных масс искаженное христианство и утвердить их религиозное сознание на основах истинного христианства или религии человечности. А все эти достижения церковной революции должны привести к одному: к примирению народных масс с коммунистическим устройством жизни.

Вести русскую массу к политической коммуне нужно через религиозную общину. Другими путями идти будет слишком болезненно.

Как Вы, Владимир Ильич, смотрите на это? Признаете ли Вы, какое [-либо] значение за церковной революцией в деле достижения русским народом идеалов социальной революции? Если Вы интересуетесь затронутым мною вопросом, то не нужно ли будет приехать мне к Вам в Москву и лично побеседовать с Вами об этом, по моему мнению, весьма важном деле?

Прошу Вас, ответить мне и написать мне краткое письмо о своем желании видеть меня и говорить со мной о церковной русской революции.

Остаюсь преданный Вам, ваш брат-товарищ-гражданин

Сергей Михайлович Труфанов (патриарх Илиодор)

ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 10. Л. 54–54 об. Копия.

Архивы – юбилею Победы

В г. Самаре 21 апреля состоялась Всероссийская научная конференция, проведенная филиалом РГАНТД в рамках выполнения подпрограммы Федерального архивного агентства по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ее организаторы – Поволжский филиал ИРИ РАН, Академия военных наук (отделение военной истории), Самарский государственный педуниверситет, издательство «Научно-технический центр» (г. Самара) и Самарский филиал Высшей школы приватизации и предпринимательства, участники – историки, архивисты, студенты, ветераны войны.

Открывая пленарное заседание, д-р ист. наук, профессор СГПУ А.И. Репинский отметил важность изучения проблем военной истории в связи с участвовавшей критикой в СМИ реального вклада нашей страны в дело Победы над фашизмом, поблагодарил ветеранов и поздравил всех с праздником.

Участников конференции приветствовали военный комиссар Самарской области, генерал-майор, профессор Академии военных наук С.Ф. Кужилин; ректор СГПУ, профессор И.В. Вершинин; директор Поволжского филиала ИРИ РАН, д-р ист. наук, профессор Ю.П. Аншаков; ректор Самарского института повышения квалификации работников образования, д-р пед. наук, профессор И.А. Носков; директор филиала РГАНТД, заслуженный работник культуры Российской Федерации И.Н. Давыдова.

С докладами на пленарном заседании выступили д-р ист. наук, профессор, академик Академии военных наук, зам. директора по научной и учебной работе Самарского филиала Высшей

школы приватизации и предпринимательства Г.М. Ипполитов («Некоторые актуальные проблемы изучения военной истории отечества в постсоветский период»); д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории и историографии Самарского госуниверситета Л.В. Храмов («Высшие органы стратегического руководства вооруженной борьбой Советского государства в годы Великой Отечественной войны»); С.Ф. Кужилин («Советский Союз, Российская Федерация в локальных войнах: история и современность») и канд. ист. наук, доцент Самарского госуниверситета Г.А. Широков («Новейшая историческая литература о периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.»).

Большой интерес вызвали выступления д-ра ист. наук, профессора, президента Международной ассоциации исторической психологии, главного редактора журналов «Клио», «История Петербурга», академика Академии гуманитарных наук, Петровской академии наук и искусств, Академии военно-исторических наук, Балтийской педагогической академии С.Н. Полторака (г. Санкт-Петербург) «Советско-польская война 1920 г. как пролог Великой Отечественной войны», д-ра ист. наук, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, профессора Московского университета МВД России, академика Академии военных наук В.В. Рыбникова (г. Москва) «Деятельность органов государственной власти и военного управления по укреплению воинской дисциплины и правопорядка в Советской армии: историография проблемы времен хрущевской оттепели».

Работа конференции продолжилась по четырем секциям: «Война как фактор цивилизационного развития», «Великий подвиг великого народа: Советский Со-

юз во Второй мировой и в Великой Отечественной войнах (1939–1946 гг.), «Локальные вооруженные конфликты в современном мире», «Социокультурные, экономические, духовные и политические аспекты военной истории». На них прозвучали сообщения специалистов из Волгограда, Вольска, Казани, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Оренбурга, Самары, Тольятти, Ульяновска, Чапаевска.

Сотрудники филиала РГАНТД сделали сообщения: «Вклад науки в дело Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Т.Н. Фисюк), «Из истории создания реактивной артиллерии для Красной армии» (О.С. Максакова), «Участие немецких специалистов в производстве авиационных двигателей в России после окончания Великой Отечественной войны» (Л.Ю. Покровская), подготовленные по документам архива. Кроме того, в материалы конференции, опубликованные в специальном выпуске научного альманаха «Телескоп» (Самара, 2005), включена работа начальника отдела РГАНТД Г.А. Медведевой «Организация проектно-конструкторских работ по созданию новых образцов вооружения в годы Великой Отечественной войны».

В областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина г. Самары 27 апреля открылась выставка «Под грифом "секретно"...», посвященная 60-летию Победы. В ней участвовали филиал РГАНТД, Госархив Самарской области, Самарский областной государственный архив социально-политической истории.

В основе экспозиции – рассекреченные документы из фондов филиала РГАНТД, связанные с разработкой и испытаниями самолета Ил-2 ЦАГИ им. Н.Е. Жуковского и др. Демонстрировались также материалы об участии немецких специалистов в восстанвлении разрушенного хозяйства СССР в послевоенные годы, в том числе об их работе в 1946–1952 гг. На Опытном союзном заводе № 2 (ныне ЦСКБ им. Н.Д. Кузнецова) в г. Куйбышеве: приказы министра авиационной промышленности СССР М.Хруничева от 19 апреля 1946 г. об ис-

пользовании немецкой реактивной техники и специалистов, директора завода Н.Олехновича и главного конструктора Н.Кузнецова от 6 июля 1949 г. об обеспечении высокой организации труда и улучшении условий совместной работы советских и немецких специалистов, альбом «Во имя советско-немецкой дружбы» из фонда бывшего генерального конструктора Куйбышевского научно-производственного объединения «Труд» Н.Д. Кузнецова с фотографиями и воспоминаниями немецких специалистов и членов их семей 1946–1952 гг.

На стенде с образцами военного вооружения демонстрировались копии заявочных материалов на изобретения известных оружейников: Г.С. Шпагина, С.Г. Симонова, В.А. Дегтярева.

В филиале РГАНТД 6 мая открылась выставка «60-летию Великой Победы посвящается». На ней впервые показаны подлинные документы, разработанные в годы войны научно-исследовательскими организациями и отдельными учеными. Среди них – материалы Научно-исследовательского института автоматических устройств (г. Москва), с 1935 г. занимавшегося созданием и испытаниями парашютов (автором многих из них является известный конструктор, лауреат Сталинской, Ленинской и Государственной премий СССР Н.И. Лобанов); Научно-исследовательского института электромеханики (в военные годы – Государственного союзного завода № 627), созданного 29 сентября 1941 г. для обеспечения нужд фронта различными видами вооружения; Всесоюзного института авиационных материалов.

Большой интерес посетителей выставки вызвали заявочные материалы на изобретения известных ученых: химика-неорганика, лауреата Государственной и Ленинской премий И.И. Китайгородского «Способ получения пластин для прозрачной брони», использовавшийся для изготовления кабин летчиков, и микробиолога, лауреата Сталинской премии Г.Ф. Гаузе, который в 1942 г. совместно с М.Г. Бражниковой открыл антибиотик грамицидин «С» (советский).

Е.Н. Антипова, Л.Е. Антонова

Архивисты **Санкт-Петербурга и Ленинградской области** подготовили ряд мероприятий. Ведущие специалисты петербургских архивов выступили с докладами на общегородской конференции «Женщины Ленинграда в годы блокады» в СПбУ, организовали выставку документов «Война народная... 1941–1945 гг.», провели заседание «круглого стола».

С 20 апреля в Выставочной галерее центральных государственных архивов Санкт-Петербурга демонстрировались свыше ста документов и фотографий, отражающих участие населения в обороне города, вклад добровольческих формирований, работников промышленных предприятий, сотрудников научно-исследовательских институтов, представителей творческих организаций и деятелей культуры в дело борьбы за Ленинград. Большинство экспонатов представил ЦГАИПД Санкт-Петербурга, рассекретивший комплекс документов из фондов Ленинградской армии народного ополчения, Ленинградского штаба партизанского движения и др. В экспозицию включены также документы и вещи из семейных архивов сотрудников государственных архивов и Архивного комитета.

В заседании «круглого стола», проведенном Архивным комитетом 26 апреля, участвовали историки, представители различных организаций и их архивов. Они обсудили проблемы, связанные с изучением истории Великой Отечественной войны, публикацией архивных документов.

С докладом о проблемах современной историографии Великой Отечественной войны и обороне Ленинграда выступил д-р ист. наук А.Р. Дзенiskeвич. Он проанализировал состояние изучения истории обороны Ленинграда, выделив недостаточно исследованные темы (экономика блокадного города, его снабжение и коммуникации, изменения военной обстановки на Ленинградском фронте и др.), а также отметил необходимость поиска новых документов, углубленного анализа уже известных и привлечения к исследованиям специалистов других областей знаний. Об основных подходах западной историографии к изучению истории блокады рассказал канд. ист. наук Н.А. Ломагин.

По его мнению, сегодня нельзя не учитывать работы зарубежных историков войны, расширяющие источниковую базу исследований.

Следующий блок вопросов относился к изданию документов и материалов о блокаде Ленинграда. Председатель Центра международного сотрудничества «Примирение» Ю.М. Лебедев представил свою книгу «По обе стороны блокадного кольца», подготовленную на основе дневниковых записей и воспоминаний немецких солдат и офицеров, осаждавших город, и наших соотечественников, защищавших его. Позиция автора выразилась не в противопоставлении, а в сопоставлении взглядов на одно и то же событие, что в конечном итоге свидетельствует о войне как величайшей трагедии, волей политиков столкнувшей народы и поставившей их в условия необходимости выживания за счет уничтожения противоположной стороны. О подготовке публикации документов, посвященных так называемому «Плану “Д”» по выводу из строя промышленных предприятий Ленинграда в 1941–1944 гг., говорилось в сообщении начальника подразделения Службы архивных фондов УФСБ С.К. Бернева.

С большим интересом участники заседания заслушали сообщения о деятельности Военного комиссариата Санкт-Петербурга (Е.Н. Разживин) и студенческого поискового отряда СПбУ «Ингрия» (Е.В. Ильин) по розыску и перезахоронению останков советских солдат на территории Ленинградской области. Так, за 10 лет работы поисковый отряд обнаружил останки около 30 тыс. военнослужащих, сотрудники военного комиссариата создали базу данных на 113 тыс. человек. Она передана архитектурно-культурному мемориалу «Пискаревское кладбище» и общедоступна.

Начальник архива Ленинградского военного округа М.М. Мусин дал общую характеристику его фондов, закрытых для массового исследователя, рассказал о новых поступлениях, в частности от советов ветеранов Великой Отечественной войны и их родственников. В 2004 г. архив принял на хранение документы 2-й дивизии Народного ополчения, что заинтересовало сотрудников ЦГАИПД Санкт-Петербурга, хранящего

документы Ленинградской армии народного ополчения. Возможно, данная информация станет основой переговоров о передаче этих документов в ЦГАИПД.

Ряд сообщений был посвящен содержанию архивных документов, фондов и коллекций, включая недавно поступившие или рассекреченные (Л.Г. Зайцева, Архивный комитет; Е.В. Дзюба, ЦГАКФФД; Н.Ф. Фомичева, ЦГАНТД и др.).

В заключение заместитель председателя Архивного комитета Е.Ю. Захарова отметила, что в городских и ве-

домственных архивах Санкт-Петербурга сосредоточен большой массив документов, в том числе по истории Великой Отечественной войны и обороне Ленинграда, которые постоянно востребованы. Многие участники заседания подчеркивали необходимость более полного рассекречивания документов периода войны, довоенного и послевоенного времени с целью расширения источниковой базы научных исследований, а также значение публикаторской деятельности архивов, сотрудничества архивных и научных учреждений.

И.О. Гарькуша

* * *

В **Республике Бурятия** прошел конкурс «История моей фотографии о войне», объявленный в январе 2004 г. республиканским Комитетом по делам архивов. Его участники представили свыше 100 фотографий военных лет. Сбор фотографий провели архивные отделы

муниципальных образований районов республики, руководствуясь такими критериями, как подлинность, значимость запечатленного события, полнота описания.

Жюри определило победителей. Ими стали В.Г. Корякина, жительница

Встреча братьев Фляшинских. Берлин. Май 1945 г.

п. Усть-Муя Муйского района, – за фотografiю случайной встречи в Берлине в мае 1945 г. братьев Якова Васильевича и Ивана Васильевича Фляшинских, воевавших всю войну на разных фронтах и ничего не знавших друг о друге (1-е место и премия 1500 руб.); архивный отдел МО «Окинский район» – за снимок, запечатлевший группу советских солдат в Дрездене в День Победы 9 мая 1945 г., среди которых наш земляк И.С. Жалсанов (2-е место, 1000 руб.); Д.Ц. Дугаров из с. Горхон Заиграевского района – за фотografiю участника Великой Отечественной войны капитана 91-й танковой бригады 3-й танковой армии Д.Ц. Дугарова с боевыми товарищами после завершения операции «Сандомирский плацдарм» в 1944 г. (3-е место, 500 руб.).

Почетными грамотами Комитета по делам архивов Республики Бурятия награждены ученик 10-го класса Тункин-

ской средней школы Василий Томилов за фотопортрет своего деда И.И. Леонтьева, гвардии старшего сержанта, после получения первой награды – медали «За взятие Кенигсберга» в апреле 1945 г.; ученица 10-го класса п. Таксимо Муйского района Катя Махинова за фотografiю Г.М. Филиппова (1943 г.), прошедшего всю войну, потерявшего в результате тяжелого ранения ногу, награжденного медалями и орденом Красной Звезды; заведующие архивными отделами МО Баунтовского, Бичурского, Джидинского, Иволгинского, Заиграевского, Кяхтинского, Мухоршибирского, Прибайкальского, Тарбагатайского, Северо-Байкальского, Хоринского районов, г. Северобайкальска. Особо отмечены работы архивных отделов МО Окинского (заведующая Э.А. Жужаева) и Тункинско-го (Т.А. Кобелева) районов, а также сельскими администрациями Мухоршибирского и Тункинского районов.

Т.Д. Бологова

* * *

Данью памяти фронтовикам и труженикам тыла в **Республике Коми** стали сборники документов: «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», «Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Академический центр в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: ученый и война (1941–1945 гг.)».

Сборник «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» опубликован в 2004 г. В 1982 г. издание вышло под редакцией первого в республике исследователя истории Великой Отечественной войны канд. ист. наук А.Н. Александрова (1919–1992 гг.) Редактором второго издания – переработанного и дополненного, стал д-р ист. наук А.Н. Турубанов. Составители добавили сюда документы о развитии промышленности Коми АССР в годы войны, привлечении заключенных ГУЛАГа и иных категорий репрессированных к работам по повышению обороноспособности страны, а также их мобилизации на фронт. В подавляющем большинстве это документы официального характера: приказы и по-

становления органов власти и партии, докладные записки, отчеты, справки, деловая переписка, выступления в средствах массовой информации, письма в газеты.

Сборники, посвященные Коми государственному пединституту и родоначальнику Коми научного центра УрО РАН (изданы в 2005 г.), носят более частный характер, демонстрируют жизнь рядовых граждан. В 1941 г. в Коми АССР были эвакуированы крупные научные и образовательные учреждения – Кольская и Северная базы АН СССР, Карело-Финский госуниверситет, работавший в то время в помещениях Коми государственного пединститута. Изучение истории этих учреждений и судеб их сотрудников в контексте истории республики позволяет глубже понять жизнь военной поры. Среди документов первого сборника преобладают личные письма, воспоминания, газетные публикации о студентах и преподавателях на фронте и в тылу, краткие биографические сведения о фронтовиках. Во втором представлены протоколы заседаний местного и партийной организации, научные отчеты

ты и справки, выписки из полевых дневников, которые, с одной стороны, являются первичной научной документацией, а с другой – источником мемуарного характера. К нему составлены емкие комментарии, в основном биографические справки об упоминаемых

в тексте лицах. Оба сборника богато иллюстрированы.

Во всех трех книга опубликованы награжденные документы (героев войны и кавалеров орденов Славы, труженников тыла), имеются именные указатели, списки сокращений.

Э.Г. Чупрова

* * *

Центральный государственный архив Республики Тыва участвовал в научно-практической конференции «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», проведенной 5 мая Агентством по науке и учебным заведениям. Его специалисты выступили с сообщениями: «О материальной помощи Тувинской Народной Республики Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны», «Об интернациональной помощи тувинцев-добровольцев на фронтах Великой Отечественной войны» (до 1944 г. Тува была самостоятельным государством), «О роли Тувинской народно-революционной партии в организации всесторонней помощи Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны» и подготовили выставку «Так рождалась Победа...», где демонстрировались подлинные документы о войне, в том числе заявления добровольцев-тувинцев, датированные июнем 1941 г., Декларация тувинского народа

об участии в Великой Отечественной войне вместе с Советским Союзом, письма с фронта и др.

В мае вышли в свет сборник документов «Тува в годы Великой Отечественной войны в документах», многие из которых опубликованы впервые, и 2-й том Книги памяти, куда вошли сведения о погибших гражданах Тувы в годы Великой Отечественной и других локальных войн.

В газете «Тувинская правда» была открыта рубрика «Мы уходили на священную войну», где с февраля регулярно размещалась информация об архивных документах по военной тематике, воспоминания фронтовиков, редкие фотографии.

В апреле–мае в госархиве прошли экскурсии и уроки на тему «И в этот день большого торжества мы салютуем воинам бесстрашным» для студентов и школьников г. Кызыла, а накануне Дня Победы – встречи школьников с ветеранами.

Т.А. Бондаренко

* * *

В Амурской области организаторы выставок «Поклонимся великим тем годам...» – администрация и облгосархив – сопровождали их музыкальными номерами в исполнении студентов областного училища культуры.

Торжественное открытие передвижной выставки прошло 26 апреля в Пограничном управлении ФСБ РФ по Амурской области. Его руководству были переданы для комнаты боевой славы копии документов и фотографий о подвигах амурских пограничников, а воинам – более 500 книг, видеокассеты, собранные архивистами. 27 апреля вы-

ставка демонстрировалась в Благовещенском соединении пограничных сторожевых кораблей Пограничного управления ФСБ РФ по Амурской области, ее посетили свыше 100 моряков-пограничников.

29 апреля в Управлении по делам архивов открылась стационарная выставка, где экспонировались материалы об амурчанах, участвовавших в Великой Отечественной войне и получивших звание Героя Советского Союза, о судьбах амурских женщин – участниц войны; воспоминания фронтовиков, их письма родным и близким, газетные статьи и

фотографии того времени о тружениках тыла, информация о памятниках советским воинам, погибшим в августе 1945 г. на территории Китая. На верни-

саже присутствовали ветераны-фронтовики, для которых провели встречу «День Победы 1945 года... Каким Вы его запомнили?» с чаепитием.

С.В. Финонченко

* * *

Комитет по делам архивов Нижегородской области совместно с Нижегородским государственным архитектурно-строительным университетом при поддержке областной администрации 6–7 апреля провели межрегиональную научно-практическую конференцию «Горьковская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: история и современность», где обсуждались актуальные проблемы военной истории, вклад промышленности Горьковской области в укрепление обороны страны, вопросы патриотического воспитания молодежи. В ней участвовали историки и архивисты Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Поволжья и других регионов России, а также руководители органов законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления Нижегородской области, деятели культуры, педагоги, студенты и учащиеся, краеведы, представители ветеранских организаций.

На пленарном заседании руководитель Росархива В.П. Козлов, остановившись на проблеме расширения источниковой базы исследований по истории Великой Отечественной войны, отметил, что в российских архивах достаточно документов, разоблачающих мифы, помогающих постигнуть не только правду, но и истину европейской истории, тем более когда она пишется свободными, честными и профессиональными историками.

Вклад Нижегородской (Горьковской) области в победу над германским фашизмом осветили д-ра ист. наук Г.В. Серебрянская и Ю.А. Перчиков; боевой путь воинских соединений горьковского формирования – генерал-лейтенант А.А. Меркурьев; результаты социологических исследований в различных возрастных группах об их знании реалий Великой Отечественной войны – д-р филос. наук З.М. Саралиева.

На заседаниях секций обсуждались вопросы современной историографии и источниковедения Великой Отечественной войны, взаимодействия общества и власти в военный период, а также новые темы: «Общее и особенное в развитии районов Горьковской области», «Социокультурные проблемы тыла» и др. На секции «Истоки патриотизма. Моя семья на фронте и в тылу» представлялись исследовательские работы нижегородских школьников.

Архивисты Н. Новгорода участвовали также во Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы, проводившейся Росархивом и РОИА (г. Москва), межрегиональной научно-практической конференции «Поволжье в годы Великой Отечественной войны: вопросы истории» (г. Йошкар-Ола), конференции «Библиотеки и войны: летопись продолжается...», организованной Центральной городской библиотекой им. В.И. Ленина (Н. Новгород).

В рамках юбилейных мероприятий прошла документальная выставка «Через века, через года – помните!», где демонстрировались копии 150 документов (свыше половины из них – впервые), отражающих трудовые и ратные подвиги, жизнь и быт горьковчан военной поры, а также фотографии Н.М. Капелюша, Н.Н. Добровольского, П.В. Мозжухина и других выдающихся нижегородских фотохудожников. Она выставилась в Законодательном собрании Нижегородской области, областном Доме ветеранов, Дворце труда на 5-й областной конференции ветеранов Великой Отечественной войны, на кинофестивале «Ветеран, живущий рядом» (Нижегородский киноцентр), в Нижегородском институте развития образования на областной конференции учителей «Проблемы воспитания гражданственности и патриотизма в современных социокультурных условиях», Нижегородской государственной академической филармонии им. М.В. Ростро-

повича, а также в школах Нижнего Новгорода. С ней ознакомились более двух тысяч посетителей, проведено свыше 50 экскурсий. Кроме того, в читальных залах госархивов были развернуты шесть локальных выставок и тематических экспозиций к Дню Победы.

Для администрации Н. Новгорода архивисты подготовили документальные информации о горьковчанах – героях войны, нижегородской (Горьковской) промышленности в 1941–1945 гг. для книги «Оборонно-промышленный комплекс России: героическое прошлое и настоящее» (по запросу Центра стратегического планирования, г. Москва), к началу июня провели более 20 школьных уроков, а также тематическое выявление и копирование документов по истории войны (свыше 200 листов и 100 фотографий для ГУВД, ГАЗ, ННГУ и др.).

Большое внимание уделено сбору и обработке документальных материалов о войне и ее участниках: созданы личные фонды Е.Ф. Калинина, председателя Совета ветеранов Горьковской группы 16-й Литовской Краснознаменной

Клайпедской стрелковой дивизии, Э.А. Устаниной – материалы 10-летнего цикла передач «Отзовитесь, однополчане!» и др.

К юбилею архивисты совместно с ИРИ РАН, учеными вузов Н. Новгорода, научными обществами Франции – «Домом наук о человеке», «Коллеж-де-Франс» и «Центром по изучению российского, советского и постсоветского региона» подготовили и издали 2-й и 3-й тома историко-документального сборника «Общество и власть. Российская провинция» за 1930–1945 гг. Здесь помещены ранее не публиковавшиеся документы о принятии Конституции СССР и выборах, промышленной политике, деятельности органов цензуры, бытовой жизни города и села, а также по истории Горьковской области в годы Великой Отечественной войны. На презентации сборника 19 мая эта работа получила высокую оценку научной общественности. К началу 2005 г. было опубликовано 20 статей, комплект открыток «Оружие Великой Победы», вышло в эфир 16 теле- и радиопередач.

И.В. Полушина

* * *

Госархив Новосибирской области подготовил и провел выставку «Новосибирская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и презентацию сборника документов «Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны».

Выставка (авторы – ст. науч. сотр. И.В. Самарин и науч. сотр. Т.Н. Гутыра), состояла из двух разделов: «Ни часу отдыха, ни шагу без цели» и «Без скидок на возраст». В первом разместились документы из Новосибирского облисполкома по обеспечению деятельности детских домов и школ, военных госпиталей, созданию областного фонда развития районной и городской промышленности, укреплению продовольственной базы и сети здравпунктов оборонных предприятий, о приеме и хозяйственном устройстве переселенцев из европейской части СССР и др. Их дополняли подшивки газеты «Советская Сибирь» и районной периодики

Новосибирской области военного времени. Во втором демонстрировались справки, отчеты, директивы, списки детских домов, переписка и другие документы о жизни ребят, обездоленных войной, трудовой мобилизации подростков в условиях военного времени, работе руководства области о подрастающем поколении.

После торжественного открытия выставки состоялась презентация сборника документов, подготовленного ГАНУ совместно с ИРИ СО РАН при поддержке Управления государственной архивной службы Новосибирской области. В него вошли 478 документов (все публикуются впервые, причем 404 – по подлинникам) о зарождении и предвоенный период, становлении и развитии в годы войны оборонной промышленности на территории области, свыше 100 фотографий из фондов ГАНУ, заводских музеев и личных архивов новосибирцев. Введение, статьи к разделам подготовлены д-ром ист. наук И.М. Савицким,

им же, а также бывшим директором архива Р.К. Сухановой и главным археографом Л.С. Пашенко составлены биографические справки директоров предприятий и номенклатурных работников; документы выявлены О.К. Кавцевич и М.И. Корсакова.

Директор ГАНО А.Л. Станков отметил, что сборник, освещающий драматичные страницы истории, послужит делу патриотического воспитания молодежи и станет своеобразным памятником бессмертному подвигу тех, кто своим трудом приближал Победу. И.М. Савицкий рассказал о становлении и развитии оборонной промышленности области, вкладе предприятий в оборону страны, а Л.С. Пашенко – о работе над сборником.

Представители областного Совета депутатов, администрации области, мэрии г. Новосибирска, областного оргкомитета «Победа», вузов, музеев, библиотек, краеведы, СМИ, а также ветераны труда, работавшие на оборонных предприятиях города в военное время (более 50 делегатов от 11 заводов), высоко оценили издание. Ветераны вспоминали о трудностях военного времени, о высоком моральном духе поколения, перенесшего войну. Начальник Управления государственной архивной службы Новосибирской области В.В. Моисеев подчеркнул, что архивисты остаются верны своим традициям, не только хранят исторические документы для потомков, но и активно их используют. Ветеранам вручили книги и цветы.

О.К. Кавцевич

* * *

В Орловской области с 12 апреля по 16 мая экспонировались стационарная в облгосархиве и выездные в пяти районах области выставки «Поклонимся великим тем годам...», где были представлены около 300 подлинных архивных документов 1941–1945 гг., в том числе фотографии и газеты военных лет. Они размещались в залах Ливенского и Хотынецкого краеведческих музеев, помещениях Дома культуры г. Дмитровска, Корсаковской районной детской школы искусств и Знаменской средней школы Орловского района.

Выставки посетили свыше тысячи человек; только в Знаменской средней школе с экспозицией ознакомились 320 старшеклассников. Такой повышенный интерес объяснялся и тем, что выявленные архивистами документы касались военных событий, происходивших в каждом районе, а также опережающей информацией в СМИ.

Экспозиции всюду открывали документы, датированные июнем 1941 г. Так, в Хотынце – это протокол заседания бюро райкома комсомола от 14 июня, где рассматривался план работы на июнь–июль 1941 г. Из текста следует, что всего за неделю до начала войны молодежь района занималась такими мирными вопросами, как подготовка к открытию пионерского лагеря и нача-

лу уборочной кампании, благоустройство колхозных сел.

Подлинные документы первых месяцев войны, выявленные в основном в фондах бывшего партархива, свидетельствуют о состоянии мобилизационной готовности в районах, формированиях истребительных батальонов, приспособлении сельхозплощадок под аэродромы, сборе теплых вещей для бойцов Красной армии, ходе эвакуации населения, промышленных предприятий, скота и сельхозтехники.

Документы, экспонировавшиеся в г. Ливны, позволяют проследить, как стремительно менялась обстановка в области в августе–сентябре 1941 г., когда население, промышленное оборудование сначала эвакуировались из западных районов в восточные, а затем, к середине октября, оттуда – в глубь страны.

Наиболее впечатляющими были разделы выставок, отражавшие деятельность оккупационных властей на территории области в 1941–1943 гг. В них помещались материалы германских учреждений о попытках установить на Орловщине «новый порядок», в том числе типографские экземпляры распоряжений и пропагандистских листовок, пропуска и др. Их дополняли проиллюстрированные фотографии документов фондов немецкого концлагеря советских военнопленных и

мирных граждан, где за 22 месяца оккупации погибли 5 тыс. человек, и областной комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков на территории области. Здесь же экспонировались немецкая газета «Речь», издававшаяся фашистами на русском языке в оккупированном Орле, а на выставке в г. Дмитровске еще и антисоветские листки «Дмитровской газеты» 1942 г.

Не менее интересны материалы о партизанском движении на Орловщине. В г. Дмитровске можно было увидеть списки, характеристики и воспоминания членов Дмитровского партизанского отряда, отчеты о его действиях; в Хотынецком краеведческом музее – справку о гибели руководителя партизанского отряда Ф.П. Пискунова, до войны возглавлявшего среднюю школу с. Ильинское, списки земляков, воевавших с оккупантами в Брянских лесах, на территории Минской и Смоленской областей, а также первый выпуск газеты «Партизанская правда», отпечатанный в тылу 23 мая 1942 г., и берестяной листок партизанской газеты.

Молодых посетителей выставок впечатлили сведения о разрушениях, причиненных врагом их селам и деревням.

Ливенцы были потрясены тем, что, по свидетельству документов, только в их районе всего за 30 дней оккупации были сожжены и разрушены 31 промышленное предприятие, 71 школа, 76 библиотек, 21 лечебное учреждение, 656 частных домов. Много нового стало известно о трудных годах восстановления разрушенного хозяйства, возвращении граждан к мирной жизни. Так, руководители Хотынецкого района из архивного документа узнали, что в марте 1945 г. еще 1101 семья в районе проживала в землянках.

После экскурсий ветераны делились своими воспоминаниями, а архивисты записывали их на магнитную ленту для пополнения фондов. Сотрудники районных администраций, руководители школьных музеев боевой славы, учителя истории обращались к архивистам с просьбой о копировании некоторых документов, продлении сроков работы экспозиций.

Заместитель главы администрации г. Ливны А.Ю. Максимов, курирующий вопросы образования, культуры и архивной службы, подчеркнув социальную значимость архивов, оценил выставку как уникальную.

Л.М. Фетисова

* * *

К юбилею Победы **Госархив Пермской области** готовился заблаговременно. Так, в 2002 г. архивисты провели «круглый стол» «Великая битва на Волге» к 60-летию разгрома немецко-фашистских полчищ под Сталинградом, в 2003 г. – презентацию книги Л.В. Мишлановой «Любовь и разлука (предвоенные и фронтовые письма военврача Виталия Васильевича Тихомирова 1941–1945)» и конференцию «Никто не забыт, ничто не забыто» к 60-летию снятия блокады Ленинграда, в 2004 г. – «круглый стол» «Война глазами женщин и детей» и научно-практическую конференцию «Генерал Солдатов: жизнь, ставшая легендой» к 100-летию со дня его рождения. В годы войны он возглавлял Пермский моторостроительный завод им. Сталина, который 19 раз завоевывал переходящее

Красное знамя ГКО и в 1942 г. был награжден орденом Красного Знамени.

В январе архив провел встречу фронтовиков-артиллеристов и ветеранов Мотовилихинского завода «Пушкири Великой Отечественной», в апреле – научно-практическую конференцию «И помнит мир спасенный...». В ней участвовали около 80 ученых, краеведов, учащихся школ, гимназий и лицеев. Они рассмотрели широкий круг экономических, социальных и культурных проблем, услышали воспоминания участников войны и тружеников тыла.

Архивом подготовлены два сборника документов: «Прикамье накануне Великой Отечественной войны» и «Прикамье в годы Великой Отечественной войны». Первый уже передан в местное книжное издательство.

В.Г. Светлаков

«Периодическая печать российской эмиграции: источниковедение, историография, библиография. 1920–2000»

Международная научная конференция под таким названием, подготовленная Российской академией наук (отделение историко-филологических наук, научный совет по исторической демографии и исторической географии, Институт российской истории) и Государственным архивом Российской Федерации, прошла 17–18 мая в Москве. В ней участвовали авторитетные специалисты академической и вузовской науки, работники архивов, библиотек, средств массовой информации из России (Москва, Санкт-Петербург), Словакии, США и Эстонии.

Большинство докладов и сообщений касались историографических аспектов поднятой проблемы в широком временном (1918–2000 гг.), географическом (Европа, Северо-Восточный Китай, Америка) и тематическом (пресса политических, религиозных и других организаций русской эмиграции) диапазонах. Опираясь на государственные и частные архивные, библиотечные, музейные фонды и коллекции, исследователи совместными усилиями нарисовали впечатляющую по масштабам картину издательской деятельности русских эмигрантов, стремившихся сохранить родной язык и национально-культурное единство. Ученые назвали сотни изданий, именовали новые факты из истории журналов «Социалистический вестник» (А.П. Ненароков, РГАСПИ), «Новый журнал» (О.В. Будницкий, ИРИ РАН), «Синтаксис» (И.Л. Полотовская, Санкт-Петербургский госуниверситет культуры и искусств), «Вышгород» (Л.Ф. Глушкова, культурный центр «Русская энциклопедия»), газет «Возрождение» (О.А. Казнина, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН), «Россия и славянство» (В.Л. Телицын, ИРИ РАН), сборника «Новый Колокол» (И.Н. Толстой, радио «Свобода»), военной (А.В. Шмелев, Гуверовский институт войны, революции и мира), православной прессы Словакии (Л.Гарбулева, Прешовский университет), периодики Харбина (Г.В. Мелихов, ИРИ РАН), младороссов (П.Н. Базанов, Санкт-Петербургский госуниверситет культуры и искусств); создания и деятельности органов печати и цензуры в Эстонии (А.Меймре, Таллинский университет) и др. При этом авторы продемонстриро-

вали не только научную эрудицию, но и эвристические достижения, органическую связь архивов, библиотек, музеев, научных и других учреждений. Особенно внушительно выглядел перечень обследованных зарубежных хранилищ, где собраны печатные издания русской эмиграции. Это архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стенфордском университете, Бахметевский архив (Архив русской и восточно-европейской истории и культуры) Батлеровской библиотеки Колумбийского университета, Музей русской культуры в Сан-Франциско (США); Славянская библиотека в Праге, библиотека православного факультета Прешовского университета (Словакия); Библиотека современной международной документации, Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева, Национальная библиотека, библиотека Института славяноведения, Библиотека восточных языков (Франция); Эстонский государственный архив и др.

Участники конференции в выступлениях и в ходе дискуссии подробно осветили наиболее представительные собрания русской эмигрантской прессы и архивных документов по ее истории: ГАРФ (Л.И. Петрушева), библиотека-фонд «Русское зарубежье» (Р.М. Янгиров), Архив русского зарубежья культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» (Д.А. Беляев), отдел русского зарубежья РГБ и парижские библиотеки (М.В. Рыжак). Небольшая часть документальных сокровищ из личных, библиотечных и других фондов ГАРФ (около 50 письменных и фотодокументов, 30 периодических изданий) была представлена на выставке, развернутой в конференц-зале Росархива.

Глубокому источниковедческому анализу подверглись публикации Бюллетеня Пражского Земгора (Е.П. Серапионова, Институт славяноведения РАН), журнала «Знамя России» (М.И. Соколов, радио «Свобода»), кинотеатральной (Р.М. Янгиров) и другой периодики, освещающие правовое положение (З.С. Бочарова, МГУ им. М.В. Ломоносова) и повседневную жизнь российских беженцев в 1920–1930 гг.

Опытом подготовки справочно-информационных и электронных изданий

поделились сотрудники ИНИОН РАН (А.Н. Николюкин), ГПИБ (М.А. Овсянникова), библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (О.А. Коростелев) и Стенфордского университета (Т.Эммонс). Они представили конкретные результаты своей работы по библиографированию эмигрантских изданий: литературную энциклопедию русского зарубежья в четырех

томах, аннотированную библиографию эмигрантских мемуаров и дневников, указатель мемуаров, опубликованных в периодике российского зарубежья.

В заключение состоялось заседание «круглого стола», где были подведены итоги и намечены перспективы дальнейшего изучения эмигрантской прессы. Материалы конференции будут изданы.

Л.А. Кобелькова,
кандидат исторических наук

Строится федеральное архивохранилище

8 июня руководители федеральных архивов посетили строящееся Росархивом и Российским государственным архивом экономики 3-этажное подземное архивохранилище в пос. Вороново Подольского района Московской области. Директор РГАЭ Е.А. Тюрина рассказала об истории объекта: в конце 1980-х гг. здесь начали сооружать командный пункт ГО Минэкономики СССР (этим объясняется наличие подземных этажей, причем нижний расположен на уровне 15,8 м); в 1995 г. – учебный центр Высшей школы экономики, и только в 1998 г. было принято распоряжение Правительства РФ о перепрофилировании подземной части сооружения под архивохранилище; функции госзаказчика возложили на Росархив.

Стоимость проекта 718,96 млн руб., в том числе подземного архивохранилища – 403,47 млн руб. Финансирование ведется с 2000 г. Строители уже разобрали и демонтировали железобетонные перегородки и стальные конструкции на

всех подземных этажах, вывезли мусор, начали обустроить сами хранилища на 2-м (его уровень 11,6 м) и 1-м (уровень 7,3 м) этажах. Последний уже завершен: здесь установлены стационарные и передвижные стеллажи, рассчитанные на загрузку коробками в два ряда.

В целом на трех этажах площадью 8,2 тыс. кв. м можно разместить 320 тыс. стандартных архивных коробок с 3 млн дел управленческой документации или с 11 млн дел по личному составу, что лишь немногим меньше, чем хранится в РГАЭ на ул. Б. Пироговской (3,352 млн дел).

Рабочие комнаты администрации, сотрудников, помещения для приема документов, методический кабинет, читальный зал, библиотека будут находиться на 1-м и цокольном этажах главного корпуса Учебного центра ВШЭ.

Введение комплекса в эксплуатацию при должном финансировании (а это 243 млн руб. на 2005–2007 гг.) возможно в 2008 г.

Т.И. Бондарева

Юбилей

Архивисты – к 135-летию образования Якутской епархии

В честь юбилея в г. Якутске 11–12 мая прошли мероприятия, организованные Якутской и Ленской епархией РПЦ, администрацией Президента и Правительством Республики Саха (Якутия), Департаментом по делам народов и фе-

деративным отношениям РС(Я), в состав оргкомитета входили работники республиканских архивов.

Впервые связанные с историей православия мероприятия прошли на общереспубликанском и государственном уровнях

с участием руководителей республики, в том числе вице-президента РС(Я) А.К. Акимова, а также представителей Московской патриархии, иерархов Дальневосточного региона, священников РПЦ, ученых, краеведов, общественности.

Приветствие участникам мероприятий направили Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, полномочный представитель Президента Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу К.В. Пуликовский, Президент РС(Я) В.А. Штыров, архиепископ Курский и Рыльский Герман, который ранее возглавлял Якутскую и Ленскую епархию.

В Якутск были доставлены частицы святых мощей святителя Николая Чудотворца; состоялись публичные лекции д-ра богословия, профессора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета диакона А.Кураева, презентация современного перевода Нового Завета на якутский язык, вы-

полненного Институтом перевода Библии. Основным событием стала научная церковно-историческая конференция «На службе Богу и якутскому народу», в цели которой входила научно обоснованная характеристика деятельности РПЦ в Якутии в границах межцивилизационного диалога за весь период распространения и утверждения христианства в крае.

На конференции экспонировались архивные документы, в том числе по истории православия в Якутии, издательской и переводческой деятельности духовного ведомства, и фотовыставка. Архивисты участвовали в подготовке и проведении конференции, выступали с сообщениями, которые будут опубликованы в сборнике ее материалов.

Юбилейные мероприятия получили широкий резонанс в республиканских СМИ и стали важной вехой в укреплении православных традиций в республике.

И.И. Юрганова

К 60-летию создания партархива Калужского обкома КПСС

Юбилею была посвящена встреча архивистов, историков, краеведов, представителей общественных организаций, состоявшаяся 5 апреля в здании бывшего партархива, где сейчас располагается созданный на его базе в мае 2002 г. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИ). Речь шла о значении архивов в формировании исторической картины прошлого, использовании партийных документов в научно-исследовательской, публикаторской, пропагандистской и выставочной работе, а также о большой собирательской деятельности, в результате которой были созданы архивные коллекции документов.

В обсуждении участвовали д-р ист. наук, профессор Калужского государственного педуниверситета им. К.Э. Циолковского В.Я. Филимонов; бывший секретарь Калужского обкома КПСС по идеологии А.А. Лебедев; канд. ист. наук, профессор Калужского областного института повышения квалификации работников образования И.С. Писаренко и канд. ист. наук, доцент М.Ф. Ломаков;

заместитель председателя рабочей группы при администрации губернатора по сбору материалов о людях, внесших достойный вклад в историю Калужской области и похороненных в ее земле Л.М. Лисицын; бывший научный сотрудник партархива Калужского обкома КПСС, главный редактор областной Книги памяти Т.В. Романова; председатель Калужского отделения ВООПИК, краевед А.С. Днепровский.

Директор ГАДНИ Т.А. Морева рассказала об истории партархива, основных направлениях его деятельности, отметил большой вклад сотрудников: В.И. Бычкова, Т.М. Гармизе, А.П. Генкевой, В.Ф. Гусева, Д.И. Жилиной, Л.М. Коноплевой, Н.М. Корсаковой, Н.А. Лапиной, В.И. Мухиной, К.А. Поленкова, Т.В. Романовой, А.И. Харламовой.

Продолжая традиции партархива, ГАДНИ в последнее время все больше внимания уделяет подрастающему поколению: участвует в мероприятиях по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–

2005 г.». Здесь проводятся выставки документов, посвященные Победе в Великой Отечественной войне, юбилейным датам в жизни страны и Калужской области; Дни открытых дверей; практика для студентов факультета иностранных языков КГПУ им. К.Э. Циолковского, уроки мужества и встречи с ветеранами для школьников. Активно идет работа по рассекречиванию документов бывших партийных органов (рассекречено свыше 25 тыс. дел), которые широко вводятся в научный оборот и пользуются спросом у исследователей. Архив принимает и хранит документы многих общественно-политических организаций, движений, партий (на 1 января открыто более 20 фондов), а также личного происхождения и по личному составу ликвидированных организаций (в 2004 г. принято свыше 25 тыс. ед. хр.), агитационно-пропагандистские материалы выборных кампаний (лозунги, листовки, плакаты, буклеты

и др.); формирует коллекции аудиовизуальных документов. Исполняются запросы граждан социально-правового характера.

К 60-летию партархива была приурочена выставка, где демонстрировались документы, отражающие основные этапы деятельности, а также книги, сборники воспоминаний, брошюры, буклеты, плакаты, публикации в СМИ, подготовленные по архивным материалам.

Плодотворную работу по сохранению и использованию исторического наследия Калужского края, большой вклад в развитие архивного дела Государственного архива документов новейшей истории отметил губернатор Калужской области в благодарственном письме. Сотрудники архива, в том числе ветераны, награждены почетными грамотами Министерства образования, культуры и спорта и Управления по делам архивов Калужской области.

Т.А. Морева

Центральному государственному архиву кинофотофонодокументов Республики Узбекистан – 30 лет

Для архива 2004 г. был юбилейным вдвойне: в 1944 г. он практически начал работать (создан в 1943 г.), в 1959 г. преобразован в отдел ЦГА Узбекской ССР, а в 1974 г. стал вновь самостоятельным.

Сегодня ЦГАКФФД РУз – ведущий центр собирания, хранения, изучения и организации использования аудиовизуальных документов, отражающих важнейшие события ее истории. После принятия закона Республики Узбекистан «Об архивном деле» от 15 апреля 1999 г., а также постановления Кабинета министров Республики Узбекистан «О дальнейшем совершенствовании управления архивным делом в Республике Узбекистан» от 3 февраля 2004 г. усилилось внимание к архиву как центру архивоведения аудиовизуальных документов.

Здесь хранятся фотоальбомы, позитивы и негативы, в том числе из личных архивов деятелей науки и техники, искусства и литературы; киножурналы, хроникально-документальные и научно-

популярные фильмы; радиорепортажи и другие кинофотофонодокументы. Они помогают глубже изучить многие страницы истории Туркестана, в том числе национально-освободительное движение, управление Туркестаном царской администрацией, международные связи Бухарского эмирата и других среднеазиатских государств, быт и жизнь местного населения. Многие из них рассказывают об острой политической борьбе 1917–1924 гг., создании новых республик на территории Средней Азии (в том числе Бухарской и Хорезмской), так называемом национально-государственном размежевании, о жизни Узбекистана в годы Великой Отечественной войны и восстановлении народного хозяйства в послевоенный период. Интересны записи выступлений общественных и политических лидеров Узбекистана и зарубежных стран, деятелей науки, литературы и искусства, известных певцов, народных исполнителей, музыкальных кол-

лективов республики, воспоминания фронтовиков, а также литературных произведений в исполнении авторов, отрывков из спектаклей и др.

В архиве хранятся коллекции фотодокументов заслуженного ирригатора Узбекистана А.М. Кильдюшева, известного писателя и журналиста Л.Бережных, академика-биолога И.А. Райковой, ветерана спорта Л.М. Иванова, коллекции известных фотожурналистов Узбекистана Е.Ряпасова, М.З. Пенсона, М.Я. Розенкранца и др.

В последнее время кинофотофонодокументы и история архива становятся объектом изучения в Узбекистане, где

подготовлен ряд работ по проблемам архивоведения аудиовизуальных исторических источников. Среди авторов и архивисты-практики, и научные работники – Д.Б. Закирова, З.Б. Сулейманова, Р.И. Ли, Н.В. Мандральская. Стоит особо отметить исследование М.С. Исаковой, воссоздавшей многие аспекты истории ЦГАКФФД РУз. В ряде публикаций отражен и юбилей архива, отмечавшийся на торжественном заседании архивистами Узбекистана.

В начале XXI в. архив по-прежнему «в строю», активно занимается изучением и организацией использования наиболее интересных исторических документов.

В.Г. Иофе

Самарскому областному государственному архиву документов по личному составу – 5 лет

Этой дате посвящено состоявшееся в архиве 13 мая заседание «круглого стола». В его работе участвовали руководитель Управления государственной архивной службы Самарской области В.А. Белорусцев, заместитель управляющего отделением Пенсионного фонда Российской Федерации по Самарской области С.М. Нефедова и начальник управления организации назначения и выплаты пенсий Н.И. Сливина, председатель регионального отделения РОИА К.Ф. Нефедова, член президиума комитета Самарской областной организации профсоюза работников госучреждений и общественного обслуживания В.А. Семенов, архивисты – всего 60 человек.

По словам открывшего заседание В.А. Белорусцева, создание госархива документов по личному составу стало заметным событием в истории архивного дела Самарской области, способствующим повышению его престижа и общественной значимости.

Директор Самарского областного государственного архива документов по личному составу (СОГАДЛС) А.П. Бутузov осветил итоги пяти лет работы. Госархив был создан постановлением губернатора области от 15 мая 2000 г. Основная задача – прием, централизо-

ванное хранение, учет и использование документов по личному составу реорганизованных, ликвидированных организаций.

Для обеспечения сохранности документов СОГАДЛС выделено отдельное двухэтажное здание с территорией площадью 0,26 га. С целью расширения вместимости хранилищ ведется его реконструкция. Проектная вместимость госархива – 600 тыс. дел. Уже отремонтированы и введены в эксплуатацию современные архивохранилища общей площадью 210 кв. м. Установлены передвижные и стационарные металлические стеллажи новейшей модификации протяженностью 1541 пог. м.

С первых дней существования архив оказывал помощь организациям в подготовке и передаче дел на постоянное хранение. Все принятые документы обработаны и описаны, к ним составлен научно-справочный аппарат. На 1 апреля в СОГАДЛС числится 175 фондов (61 815 ед. хр. за 1922–2004 гг.).

За 2000–2005 гг. от организаций и граждан поступило 10 356 запросов, исполнено 9754, в том числе по материалам архива – 8886. Готовится справочник по его фондам, создается картотека сведений о местонахождении доку-

ментов по личному составу, хранящихся в архивных учреждениях области.

Госархив активно сотрудничает с областным отделением Пенсионного фонда Российской Федерации. Так, специалисты управления ПФ РФ по Кировскому району г. Самары по документам госархива осуществляют проверки сведений персонифицированного учета, льготного стажа работы граждан.

За пятилетие создана и укрепляется материально-техническая база СОГАДЛС. Осуществлен ремонт кровли здания, усилены охранный и противопо-

жарная системы. Рабочие комнаты сотрудников оборудованы необходимой мебелью, оргтехникой (9 компьютеров с выходом в Интернет, 7 принтеров, 3 копировальных аппарата).

Участники «круглого стола» подвели итоги конкурса профессионального мастерства среди специалистов СОГАДЛС, посетили выставку «Час победы Вы приближали» к 60-летию Великой Победы, участвовали в презентации информационного бюллетеня «Самарский областной государственный архив документов по личному составу».

З.И. Булгакова

Вышли в свет

15 июня в Зале Славы Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. общественности был представлен справочник **«Перечни наименований объединений, соединений и других формирований Вооруженных Сил, народного ополчения, гражданских ведомств СССР и иностранных формирований, участвовавших в Великой Отечественной и советско-японской войнах 1941–1945»**, выпущенный в свет Редакционно-издательским центром Минобороны России. Это результат пятилетней работы межведомственной комиссии Минобороны России и Минкультуры России, в состав которой вошли историки, архивисты и научные сотрудники Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., ИВИ Минобороны России, Военно-мемориального центра Вооруженных Сил Российской Федерации, главных штабов ВВС и ВМФ, Военной академии воздушно-космической обороны, Архивной службы Вооруженных Сил Российской Федерации, ЦА Минобороны России, Центрального военно-морского архива, РГВА, Центрального архива внутренних

войск МВД России, ИРИ РАН и Центрального музея ВВС.

Встречу открыл директор Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., сопредседатель комиссии В.А. Забаровский, охарактеризовавший Великую Отечественную войну как величайшее историческое событие XX в. Издание было приурочено к 60-летию Великой Победы. Символично и то, что его презентация прошла в преддверии Дня памяти и скорби – 22 июня. Эти две важнейшие исторические даты являются центральными моментами для понимания целей и задач сборника – сохранение памяти о тех, кто отстоял независимость нашей Родины и внес вклад в разгром гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

Заместитель директора музея Н.А. Якуба отметил, что в книгу вошло 3169 наименований всех войсковых структур до уровня дивизии (в ВМФ – до бригады). Здесь перечислены также формирования гражданских ведомств, органы руководства партизанским движением, соединения войск НКВД СССР; иностранные и национальные формирования, находившиеся на территории СССР

и принимавшие участие в боевых действиях на советско-германском фронте.

Справочник подготовлен на основе официальных документов и данных, содержащихся в приказах Верховного главнокомандующего и наркома обороны за 1941–1945 гг., документах Генштаба Вооруженных Сил СССР, в том числе приказах и директивах командующих фронтами (флотами), армиями (флотилиями), донесениях о боевом и численном составе, оперативных и разведывательных сводках, исторических формулярах, списках воинских частей и учреждений, состоящих на довольствии во фронте (флоте), армии (флотилии), и др.

В отличие от прежнего издания 1993 г. новый справочник дает наиболее полное представление обо всех изменениях в воинских формированиях с июня 1941 г. по май 1945 г. и в августе–сентябре 1945 г. В нем приведены не только их полные названия, но и сроки вхождения в состав Действующей армии и

флота в военный период. Включена информация о награждении того или иного воинского формирования орденами, почетными наименованиями, а также о последующем переформировании или преобразовании объединений и соединений. Наименования даны по состоянию на сентябрь 1945 г.

Справочник устраняет многочисленные неточности прежних изданий, а в ряде случаев – идеологические и политические ярлыки, ставшие препятствием для объективной оценки исторических событий и заслуг тех или иных формирований и их личного состава. Он наиболее полно отражает современный уровень изученности проблемы.

Руководитель авторского коллектива, представитель Военно-мемориального центра Вооруженных Сил В.А. Семидетко проинформировал собравшихся о высокой оценке издания Генштабом Вооруженных Сил Российской Федерации (ДГШ № 31 от 7 мая).

В.А. Всеволодов,
кандидат исторических наук

* * *

Российский государственный гуманитарный университет издал книгу профессора В.М. Магидова **«Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания»**. Монография – результат 35-летней поисковой и аналитической работы автора в области архивоведения, источниковедения, искусствоведения и других научных дисциплин. Здесь результаты исследований, прошедших апробацию в многочисленных статьях, научно-методических и учебных пособиях ученого, а также в книге «Зримая память истории» (1984 г.), получили более совершенное воплощение.

В центре внимания В.М. Магидова три блока теоретических, методических и сугубо практических проблем, связанных с изучением историографического наследия, анализом состава аудиовизуальных документов Архивного фонда Российской Федерации, а также их классификацией. Содержание монографии свидетельствует об уважительном и внимательном отношении ученого к достижениям своих предшественников, которые не только изложены в начальной главе, но и ор-

ганично вошли в канву остальных частей издания.

Широкий кругозор и многолетние поиски позволили автору нарисовать впечатляющую картину собирания (с начала 1920-х гг.) и современной организации хранения этих источников в государственных и других архивах. А мастерское владение методами научного исследования обеспечило успешное представление кинофотофонодокументов как исторических источников, основных направлений их анализа и использования в исторических исследованиях. При этом помещенные в книгу копии архивных документов (119 фотографий и кинокадров) отнюдь не иллюстрируют идеи ее автора, а являются полноправной составляющей (археографической частью) издания. Вполне самостоятельную нагрузку несет и научно-справочный аппарат (примечания, библиографический список, именной указатель, перечень хранилищ аудиовизуальных документов и др.), способный при желании послужить персональным исследованиям читателя. Действительно, заключенная в ра-

боте полезная информация и новые знания об аудиовизуальных документах обеспечили ее востребованность в учебном процессе до выхода в свет. Теперь же она доступна самой широкой общественности.

31 мая на презентации в РГАКФД книга получила высокую оценку историков-архивистов, искусствоведов, кинорежиссеров, издателей (Г.Н. Дюкова, Г.М. Евтушенко, Л.П. Запругаева, Д.Л. Караваев, В.А. Коляда, Л.М. Рoshаль, В.К. Саблин, Н.И. Химица, Е.В. Цымбал и др.). Они отметили энциклопедичес-

кий характер издания, вклад в дальнейшее развитие архивоведческой, источниковедческой, киноведческой проблематики кинофотофонодокументов, распространение культуры обращения с ними в практике киноискусства. Участники встречи единодушно выразили уверенность в том, что монография В.М. Магидова будет способствовать устранению существующей до сих пор недооценки аудиовизуальных документов как исторических источников и более активному их вовлечению в исторические исследования.

Л.А. Кобелькова

* * *

Издание межархивного справочника документов по личному составу Республики Бурятия очень актуально для исполнения запросов социально-правового характера, поступивших от граждан, учреждений и организаций. Он помогает определить местонахождение интересующих документов, сроки их хранения в организациях.

Хронологические рамки справочника охватывают 1918–2001 г. В нем две части: в первой представлены сведения о фондах Национального архива Республики Бурятия, Госархива документов по личному составу, Объединенного междуведомственного архива Министерства сельского хозяйства и продовольствия и Объединенного ведомственного архива профессиональных училищ при Министерстве образования и науки республики, во второй – данные о фондах архивных отделов администраций городов и районов республики, содержащих документы по личному составу за

1920–2001 гг. В справочнике отражены фонды 23 районов и г. Улан-Удэ. Документы столичных учреждений и предприятий охватывают 1932–2002 гг. Сотрудники архивного отдела документов по личному составу администрации г. Улан-Удэ участвовали в подготовке одного из его разделов. Характеристики архивных фондов систематизированы по отраслевому принципу, внутри разделов – по значимости фондообразователя.

Кроме документов по личному составу имеются сведения о местонахождении источников, подтверждающих факты репрессий (списки раскулаченных, дела на лиц, лишенных избирательных прав), а также фильтрационных и трофейных материалов на бывших военнопленных и репатриированных советских граждан. К справочнику прилагаются список сокращений и краткая справка по истории административно-территориального деления республики.

Т.П. Богданова

* * *

Издание сборника методических и информационно-справочных материалов по генеалогии **«Притяжение рода»** можно рассматривать как серьезную попытку облегчить работу исследователей, занимающихся генеалогическими изысканиями. По замыслу автора О.И. Захаровой (начальник отдела публикации и использования документов

Госархива Ивановской области), в него вошли рекомендации по составлению родословной, перечень фондов ГАИО, содержащих генеалогическую информацию, указатель метрических книг, поколенные росписи некоторых родов.

В книге четыре раздела, тесно связанные общей проблемой: выработка и апробация на конкретных примерах ал-

горитма работы по сбору и осмыслению генеалогического материала. В первом разделе раскрывается понятие «генеалогия» и предлагается порядок составления генеалогического досье и родословной. В восходящем родословии главным объектом является лицо, о предках которого собираются сведения, поэтому сначала разыскивают данные о нем, а затем уже об отце, деде, прадеде и т.д. После того как предки данного лица установлены, переходят к родословию нисходящему: начинают с самого отдаленного из известных предков и постепенно переходят к его потомкам. В книге раскрыта суть мужских и женских родословий, обозначен корпус наиболее значимых генеалогических источников, приведены информация и краткая характеристика архивных документов по основным вехам жизни человека.

Второй раздел – своеобразный путеводитель по содержащим генеалогическую информацию фондам ГАИО, подкрепленный межфондовым указателем в третьем разделе.

В четвертом разделе помещены фрагменты родословных родов и семей разных сословий, связанных с Иванов-

ским краем: боярского рода Шереметевых, давшего России видных военачальников и государственных деятелей, просветителей, меценатов и благотворителей; крестьянского рода Гандуриных, потомки которого стали крупными предпринимателями и благотворителями; представителей духовного сословия Сперанских и др.

Издание содержит схемы родственных и свойственных связей; краткий словарь наименований и понятий родства кровного, духовного и свойства; таблицу чинов государственных служащих; интересные и малоизвестные фотографии. Методические указания лаконичны, взвешены, продуманны, справочный материал насыщен богатой информацией, позволяющей четко, методически верно организовать работу по составлению родословной.

Данная книга востребована в учебном процессе. Так, в Ивановском государственном энергетическом университете уже более 10 лет студенты под руководством преподавателей составляют свои родословные. Работа О.И. Захаровой помогает им овладеть методами исторического исследования, осознать, что история семьи – это часть истории России.

Г.А. Будник,
доктор исторических наук

Новые поступления региональных архивов

В Госархив Астраханской области приняты документы научного сотрудника картинной галереи им. Б.М. Кустодиева Т.Г. Спиридоновой-де-Венегас – дочери известного скульптора, фронтовика Г.И. Спиридонова (1920–1989 гг.).

Вся жизнь и творчество Георгия Ивановича связаны с нашим краем. Наиболее известны его скульптуры «Рыбак», «Моряна», «Низальщица»; рельефный фриз на здании кинотеатра «Октябрь», памятник павшим в годы войны военным врачам, установленный на территории старого корпуса медакадемии; портреты поэта-фронтовика Б.Шаховского, художника Жаркова-Волжского и др.

Необычна судьба самой Татьяны Георгиевны. Искусствовед и педагог по

образованию, она в 1990–2002 гг. возглавляла частную школу классического балета «Березка» в Чили. Знакомя чилийцев с русской культурой, активно внедряла произведения русских композиторов в репертуар, использовала слайды картин русских художников в качестве декораций к спектаклям. В 2000 г. вместе с балетной труппой получила высшую награду конкурса на лучший творческий проект в области танца Министерства культуры Чили.

Среди документов особую ценность представляют тетрадь с зарисовками Г.И. Спиридонова, фотоснимки скульптора в процессе работы, а также фрагменты спектаклей школы классического балета «Березка».

В 2004 г. на хранение поступили документы журналиста, заслуженного работника культуры, члена президиума Астраханского отделения Всероссийского общества охраны природы, обладательницы двух медалей за вклад в экологическое оздоровление области Н.И. Торопицкой (Куликовой). В творческой биографии Нины Ивановны много интересных встреч с известными людьми. Ей посчастливилось брать интервью у Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, актера Е.Леонова, композитора И.Крутого, писателей А.Шадрина, Б.Ярочкина, художника В.Секлюцкого, музыканта С.Комякова, делать репортажи с фестивалей вокального искусства им. В.В. Барсовой и М.П. Максаковой.

Нина Ивановна – автор 10 спецвыпусков газеты «Волга», посвященных Великомиру Хлебникову, Курмангазы, А.С. Пушкину, В.Н. Татищеву, возрождению храма кн. Владимира, 400-летию Астраханской епархии, юбилею Госархива Астраханской области, драмтеатру. В 2000 г. за спецвыпуск об

А.С. Пушкине была награждена Золотой Пушкинской медалью, в 2004 г. за вклад в развитие казахской культуры Астраханского края – губернской премией им. Курмангазы.

Передача документов в архив будет проходить поэтапно, так как планируется создание семейного фонда Торопицких. Сын, Илья Васильевич, кандидат исторических наук, в течение 10 лет был корреспондентом редакции газеты «Волга»; сегодня он заместитель начальника отдела в Министерстве международного сотрудничества Астраханской области. Дочь, Наталья Васильевна, – успешный художник-иллюстратор, сотрудничает со многими известными издательскими домами.

Первый комплекс переданных в архив документов содержит материалы профессиональной деятельности Нины Ивановны: рукописи, статьи, фотографии.

Работники Госархива Астраханской области благодарны всем землякам, пополняющим его фонды, и надеются на дальнейшее сотрудничество.

С.Р. Ткачева

* * *

Автор романов «Кочубей», «Над Кубанью», «Матросы», «Черная буря», пьес и сценариев кинофильмов «Третий удар», «Честь смолоду», рассказов, статей и очерков, отражающих широкую панораму жизни Кубанского края и страны в целом от бурных предоктябрьских лет до 1980-х гг., А.А. Первенцев родился в станице Новопокровской. В начале этого года на Кубани широко отмечалось его 100-летие.

Документальное наследие писателя еще в 2000 г. передал в Госархив Краснодарского края его сын Владимир Аркадьевич. После экспертизы ценности и научного описания был сформирован личный фонд А.А. Первенцева (676 ед. хр. за 1918–2005 гг.). Это документы о творческой и общественной деятельности, биографические и подготовительные материалы к произведениям, подаренные ему товарищами по перу книги, в том числе на иностранных языках, фотографии.

На постоянное хранение поступили рукописи практически всех художест-

венных произведений писателя с поправками, рисунками, заметками автора, а также газетные вырезки с публикациями статей и повестей за 1920–1930 гг., подписанные еще псевдонимом А.Алин.

Значительную часть фонда составляет переписка с И.В. Сталиным и Н.С. Хрущевым, руководителями Краснодарского края, выдающимися военачальниками: Г.К. Жуковым, Р.Я. Малиновским, А.А. Гречко и др.

Самостоятельную группу образуют документы о депутатской (два десятилетия он представлял Кубань в Верховном Совете РСФСР) и другой общественной работе писателя (был постоянным членом правления СП СССР и РСФСР, заместителем председателя Общества советско-болгарской дружбы, заместителем председателя Всероссийского общества любителей книги, членом редколлегии многих журналов и т.д.).

Разнообразны биографические документы: автобиографии за разные годы, сведения о прохождении воинской

службы в 1920–1930 гг. и в Великую Отечественную войну, работе в качестве спецкора известных советских газет и журналов, о родных и близких семьи Первенцевых и др. Представлен и фотоархив писателя.

Памяти А.А. Первенцева были посвящены торжественные мероприятия, на которые из Москвы был приглашен его сын. 26 января в литературном музее им. Я.Г. Кухаренко открылась выставка. В экспозиции – стол А.А. Первенцева под зеленым сукном и пишущая машинка, шкаф орехового дерева, картины из рабочего кабинета. За стеклами витрин – книги, фотографии и другие документы из личного фонда писателя, а также его награды, именное оружие.

28 января в Краснодарской краевой научной библиотеке им. А.С. Пушкина прошел вечер памяти писателя, где со-

брались почитатели его таланта: ветераны, члены Союза писателей Кубани, представители администрации края и города, архивисты, работники музеев, студенты, школьники, краеведы. Почетными гостями были В.А. Первенцев, кубанские писатели В.Лихоносов, И.Бойко, председатель Краснодарского отделения СП России С.Макарова, ректор Армавирского пединститута В.Сосновский, директор дома-музея А.А. Первенцева в станице Новооктябрьской О.Штратникова и др.

Специалисты крайгосархива провели фото- и видеосъемки юбилейных мероприятий, которые пополнят личный фонд писателя. Совместно с краевым отделением ВООПИК при финансовой поддержке администрации Краснодарского края подготовили брошюру «А.А. Первенцев – русский советский писатель. К 100-летию со дня рождения (1905–1981)».

Л.М. Пурас, Л.М. Сичева

Конкурс «Мое село – моя деревня»

Его провел в 2004 г. архивный отдел Абатского района Тюменской области к 60-летию ее образования. В конкурсе участвовали сельские администрации района, в задачи которых входил сбор сведений по истории населенных пунктов, о традициях, культуре и быте жителей путем анкетирования. Архивисты предварительно подготовили опросные листы, а затем провели семинар, где раздали их конкурсантам, ответили на вопросы, касающиеся сбора материалов. И, наконец, разработали положение о конкурсе.

По его условиям принимались анкеты, содержащие сведения о каждой деревне и сельской администрации, описания их истории и местных традиций с приложением фотографий, а также самого раннего документа XX в. В виде самостоятельного комплекса выделя-

лись материалы анкетирования участников войны в Афганистане.

В итоге конкурсная комиссия назвала трех победителей (Болдыревская, Ленинская и Майская сельские администрации), а архивный отдел обогатился ценными документами, стал обладателем 13 альбомов с анкетами сельских администраций и сел, воинов-афганцев, фотографий, фильмов, воспоминаний, коллекции документов личного происхождения (квитанции, грамоты, благодарности, комсомольские билеты, трудовые книжки, свидетельства о рождении, письма и др.). В общей сложности более 300 документов.

Конкурс прошел успешно в значительной мере благодаря содействию главы администрации района Г.В. Красноперова и управляющей делами Г.Ф. Селеховой.

А.А. Денисова

Наши авторы

- Артизов Андрей Николаевич* – д-р ист. наук, заместитель руководителя Федерального архивного агентства, г. Москва.
- Белоедова Елена Александровна* – главный специалист отдела использования и публикации документов Государственного архива Саратовской области.
- Булюлина Елена Александровна* – канд. ист. наук, доцент кафедры документной лингвистики и документоведения Волгоградского государственного университета.
- Волчек Владимир Алексеевич* – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Кемеровского государственного университета.
- Гарскова Инна Викторовна* – г. Волгоград.
- Георгиевская Лариса Сергеевна* – директор Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга.
- Гуркин Владимьяир Александрович* – старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН, г. Москва.
- Иванова Ольга Ивановна* – ведущий специалист Управления по делам архивов Правительства Хабаровского края.
- Ласочко Людмила Сергеевна* – заместитель начальника отдела информационного обеспечения, публикации и научно-справочного аппарата Государственного архива Курской области.
- Меньшиков Александр Владимирович* – аспирант кафедры истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ, г. Москва.
- Мякушев Сергей Давидович* – канд. ист. наук, главный специалист отдела комплектования Федерального архивного агентства, г. Москва.
- Павлова Татьяна Федоровна* – начальник управления комплектования, организации услуг и архивных технологий Федерального архивного агентства, г. Москва.
- Романова Светлана Николаевна* – канд. ист. наук, сотрудник рабочей группы Синодальной комиссии по канонизации святых Московского патриархата.
- Синельников Сергей Петрович* – преподаватель Волгоградского индустриального техникума.
- Старостин Евгений Васильевич* – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ, г. Москва.

Степанов Константин Анатольевич – ведущий архивист Ростовского филиала Государственного архива Ярославской области, г. Ростов Великий.

Юрганова Инна Игоревна

– канд. ист. наук, заместитель директора Национального архива Республики Саха (Якутия), г. Якутск.

CONTENTS

Articles and reports: *History and practice of archival matter and record keeping*: **T.F. Pavlova**. Federal Archives documents related to the history of the Second World War: declassifying and using them in scientific research and document publications; **L.S. Lasochko**. Documents losses in Kursk regional archives in the years of the Second World War; **E.A. Beloyedova**. State Archive of the Saratov region in 1941-1945th; **A.N. Artizov, S.D. Myakushev**. Preservation and use of documents on personnel: past, present and future; **O.I. Ivanova**. Vyazma municipal archive: components of a success. *Church archives*: **E.V. Starostin**. A Russian Orthodox Church archives heritage: ways of study and development; **A.V. Menshikov**. From the history of Byzantine Church of 10–15th Century; **V.A. Gurkin**. The fate of a Simbirsk collection gathered by K.I. Nevostruyev. *In Russian archives funds*: **S.P. Sinelnikov**. Church parochial chronicles of the end of 19th and beginning of 20th Century disposable in State archive of Volgograd region; **I.I. Yurganova**. Documents regarding history of The Russian Orthodox Church available in The Saha (Yakutia) Republic National Archive; **V.A. Volchek**. Sessions' registers of the Second Siberia Committee as a source to study a distillery development in Siberia in the middle of the 19th Century; **K.A. Stepanov**. Leningrad children evacuated to Rostov region in the years of The Great Patriotic War (according to the RF GAYO documents). *Publications of documents: In commemoration of the Victory's 60th Anniversary*: «We must endure and revive the archive...» From the recollections of Mrs. E.N. Suslova, the head of Leningrad GAORSS. **By L.S. Georgiyevskaya**; * * * «I resign from my status and my profession of a minister of religion...». Biography of Sampson (Sivers), a celibate priest according to Russian archives documents **By S.N. Romanova**; «To lead Russian masses to a political commune through a religious community». A letter to V.I. Lenin written by Ilidor, a celibate priest. **By E.V. Bulyulina and I.V. Garskova**. *Information and chronicle*.

SOMMAIRE

Articles et communications : *L'histoire et la pratique de l'archivistique*: **T.F. Pavlova**. Les documents des archives fédéraux sur l'histoire de la Seconde guerre mondiale: la levée de secret et l'utilisation dans les recherches scientifiques et dans les publications documentées; **L.S. Lassotchko**. Les pertes des documents des archives de la région de Koursk aux années de la Grande Guerre Patriotique; **E.A. Beloedova**. Les Archives d'Etat de la région de Saratov de 1941 à 1945; **A.N. Artizov, S.D. Miakouchev**. La conservation et l'usage des documents sur le personnel: dans le passé, au présent, dans l'avenir; **O.I. Ivanova**. Les archives municipales de Viazma: les composants du succès. *Les Archives de l'Eglise*: **E.V. Starostine**. L'héritage archivistique de l'Eglise Orthodoxe Russe: les directions des recherches et du développement; **A.V. Menchikov**. Tiré de l'histoire des archives de l'Eglise Byzantine aux X–XV siècles; **V.A. Gourkine**. Le destin de la collection de K.I. Nevostruev de Simbirsk. *Dans les fonds des archives russes*: **S.P. Sinelnikov**. Les annales de la paroisse de la fin du XIX au début du XX siècles dans les archives d'Etat de la région de Volgograd; **I.I. Urganova**. Les documents sur l'histoire de l'Eglise Orthodoxe Russe dans les archives nationales de la République de Saha (Yakoutie); **V.A. Voltchek**. Les protocoles des réunions du II Comité de Sibérie comme une source de l'histoire de la viticulture en Sibérie au milieu du XIX siècle; **K.A. Stepanov**. Les enfants de Léningrad sur la terre de Rostov aux années de la Grande Guerre Patriotique (d'après les documents RF GAYO). Publications des documents : *Consacré au 60-e Anniversaire de la Victoire*: «Il faut supporter et faire renaître les archives...» Tiré des souvenirs du chef GAORSS de Léningrad E.N. Souslova. Publication préparée par **L.S. Georgijevskaja**. * * * «J'abdique mon titre et ma profession de serviteur du culte religieux...» La biographie du moine hiératique Sampson (Sivers) d'après les documents des archives russes. Publication préparée par **S.N. Romanova**; «Il faut mener les masses populaires russes vers la commune politique à travers la communauté religieuse». La lettre du moine hiératique Iliodore à V.I. Lénine. Publication préparée par **E.V. Boulioulina, I.V. Garskova**. Information et chronique.

Уважаемые читатели!

Начинается подписка на газеты и журналы на следующий год. Можно подписаться на все шесть номеров журнала «Отечественные архивы» по каталогу Роспечати «Газеты. Журналы» индекс – 81632, цена 780 руб. (без учета стоимости услуг местной почты). Это позволит сэкономить время на оформлении подписки и деньги, так как стоимость годового комплекта не увеличится. Для тех, кто решит подписаться на полугодие, индекс – 70913, стоимость трех номеров – 390 руб.

Вы можете оформить подписку на один или все шесть номеров журнала «Отечественные архивы» в электронном виде. Журнал выходит в формате Microsoft Word на CD-ROMе первого числа каждого четного месяца. Цена номера без учета доставки – 90 руб. Можно заказать и старые номера журнала.

Журнал доставляется организациям в пределах Москвы курьером бесплатно; высылается по почте наложенным платежом. Оплата организациями производится по безналичному расчету по предварительному заказу: (095) 246-03-00, 245-09-01.

Номер подготовили:

Главный редактор: **Бондарева Татьяна Ивановна**
Заместитель главного редактора: **Кобелькова Лариса Александровна**
Редакторы отделов: **Водопьянова Зоя Константиновна,**
Куприянов Алексей Владимирович,
Осин Владимир Михайлович,
Ситникова Валентина Васильевна
Ведущий редактор: **Виноградова Вера Михайловна**
Корректор: **Островская Галина Алексеевна**
Компьютерная верстка: **Карпухина Елена Валентиновна**

Автономная некоммерческая организация Редакция журнала «Отечественные архивы».
Наш адрес: 119992, Москва, ГСП-2, Б. Пироговская, 17
тел. 245-09-01, 245-83-32, тел./факс 246-03-00
E-mail: otech_arch@mtu-net.ru
<http://www.rusarchives.ru/publications/otecharh/index.shtml>

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. № 1303.

*УЧРЕДИТЕЛИ: редакция журнала,
Росархив.*

Подписано в печать 15.07.2005. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,6. Усл. кр. отт. 10,4. Уч.-изд. л. 15.
Тираж 2370 экз.

Заказ № 4163. Цена для подписчиков 120 руб., в розничной продаже – свободная.

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени
«Чеховский полиграфический комбинат»
142300, г. Чехов Московской обл.
тел. 8 (501) 443-92-12; факс (272) 62-536

СОВРЕМЕННАЯ ЛАБОРАТОРИЯ МИКРОФИЛЬМИРОВАНИЯ

эффективное технологическое решение

Корпорация «Электронный Архив» —
ведущий отечественный поставщик
микрографического оборудования
мировых производителей,
лидер российского рынка.

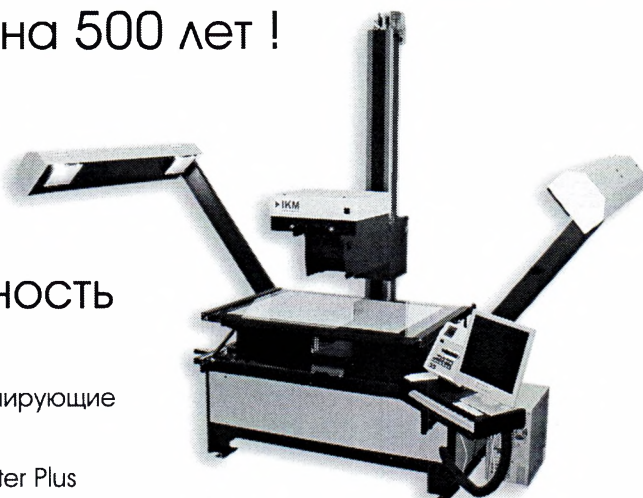

Сохранность на 500 лет !

Качество

Надежность

Долговечность

- съёмка — микрофильмирующие камеры UKM-3, PS 2002
- проявка — MiniLabMaster Plus
- копирование — Extex 3150
- сканирование — Элар ПланСкан MP-35
- чтение — INDUS 4601-11
- вывод электронных документов на микрофильм — COM-системы
- аксессуары и комплектующие
- расходные материалы со склада в Москве
- квалифицированное техническое обслуживание

Для получения дополнительной информации обращайтесь в корпорацию «Электронный Архив»

Корпорация «Электронный Архив»

127083, Москва, а/я 522,
Петровско-Разумовская аллея, 12а
Тел.: +7 (095) 792 3131, факс: +7 (095) 251 3603
<http://www.elar.ru>, www.prosoft-m.ru
e-mail: office@elar.ru, info@prosoft-m.ru

190068, Санкт-Петербург,
пер. Бойцова, д.7, офис 211
Тел./факс: +7 (812) 325-6298
<http://www.elar.spb.ru>,
e-mail: spb@elar.ru

ЗАО «ИСТА-Техника» предлагает:

- ✓ Комплексное решение проблем хранения документации.
- ✓ Стеллажи передвижные и стационарные.
- ✓ Металлическую мебель.

 CONSTRUCTOR GROUP
GLOBAL STORAGE SOLUTIONS

 ИСТА

Экономия Ваших площадей.

*Проектирование, доставка, монтаж
и послегарантийное обслуживание.*

107553, г. Москва, ул. Б. Черкизовская, д. 20-Б
тел. (095) 777-7527, 777-75-94, 777-7595, 777-8137

E-mail: info@ista-t.ru

<http://www.istech.ru>